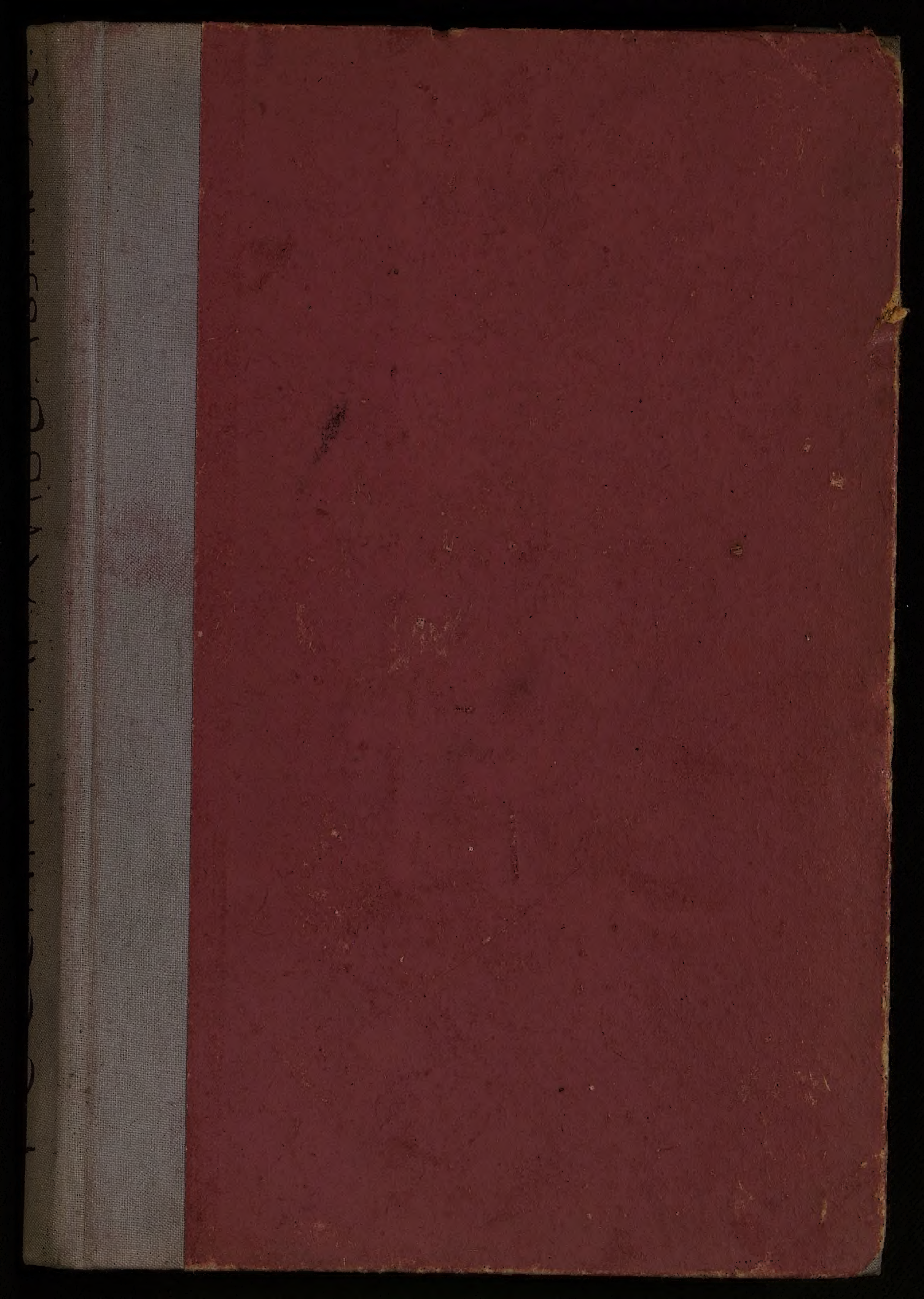
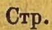


Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

9.



ПРИЛОЖЕНЪ ПОРТРЕТЪ М. Н. АКСАКОВОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

Указатель историческихъ статей въ духовныхъ журналахъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Антонинъ епископъ, Мое воспоминаніе. **Псковскія Еп. В.** № 3.

Боголюбскій М. С. Историко-географическій очеркъ предѣловъ Московской епархіи. Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв. № 8

Вержболовичъ М. Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи (1817 — 1840 гг.) **Минскія Еп. В.** №№ 12—13.

Головщиковъ К. Д. Ярославскій архіепископъ Нилъ (Біо-библіографическій очеркъ). **Могилевскія Еп. В.** № 17.

Евтихіевъ А. Историческое описаніе прихода и церкви села Бараитскаго. **Енисейскія Еп. В.** № 9.

Запольскій Г. Христіанское образованіе Русскихъ князей въ X—XIII вв. **Воронежскія Еп. В.** №№ 2, 3, 6, 7.

Здравомысловъ К. Іерархи Новгородской епархіи. **Новгородскія Еп. Вѣд.** № 10.

Лебедевъ А. Святый Іоаннъ, Христа ради юродивый, Устюжскій чудотворецъ, 1494 — 1894. **Вологодскія Еп. В.** № 11.

Леопольдовъ А. Ф. Астраханская семинарія въ первый періодъ ея существованія. **Астраханскія Еп. В.** №№ 9—10.

Леопольдовъ А. Ф. Архимандритъ Меѳодій и протоіерей Николай Скопинъ, питомцы Астраханской духовной семинаріи. **Астраханскія Еп В.** №№ 13—14.

Марковскій П. Изъ воспоминаній о митрополитѣ Евгеніи. **Кіевскія Еп. В.** № 10.

Н—й А. Верхнеднѣпровскъ и его храмъ. **Екатеринославскія Еп. В.** № 11.

Рункевичъ С. Г. Матеріалы для исторіи Минской епархіи. **Минскія Еп. В.** №№ 7—11.

Сацердотовъ М. Древнѣйшія учебныя заведенія Пензенскаго края. **Пензенскія Еп. В.** № 7.

Сибирцевъ I. Историческія свѣдѣнія изъ церковно-религіознаго быта гор. Архангельска въ XVII и первой половинѣ XVIII в. **Архангельскія Еп. В.** №№ 8, 11.

Силинъ П. М. Макарьевская упраздненная пустынь. **Новгородскія Еп. В.** № 11.

Синайскій А. Изъ исторіи мѣропріятій противъ раскола въ первые годы синодальнаго правленія. **Христіанское Чтеніе**, Іюль—Августъ.

Смирновъ В. Исторія Новгородской духовной семинаріи. **Новгородскія Еп. В.** №№ 2, 5, 13.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1894.

III.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

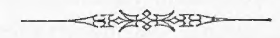
Петромъ Бартеневымъ.

Не найдешь въ себѣ—не ищи въ селѣ.

Старинная пословица.

1894.

КНИГА ТРЕТЬЯ.



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

БИРОНЫ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Какъ извѣстно, Бирону съ его семействомъ императрица Елисавета Петровна ссылку въ Пелымъ замѣнила водвореніемъ въ Ярославлѣ, гдѣ онъ и жилъ въ теченіе 19 лѣтъ съ женою, дочерью и двумя сыновьями *).

Вскорѣ по прибытіи въ Ярославль семейство Бирона познакомилось съ семействомъ богача-фабриканта Ивана Максимовича Затрапезнова. Бывшая Курляндская герцогиня и старшій ея сынъ Петръ (будущій и послѣдній герцогъ Курляндскій) уже въ Іюлѣ 1743 года были воспріемниками младенцу Петру у Михаила Балашова, приходившагося зятемъ Затрапезнову. Въ 1744 году у того же Балашова они же, Биронова жена и ея сынъ Петръ, были воспріемниками младенцу Маріи. Въ 1745 г. въ Іюлѣ мѣсяцѣ они же и у того же Балашова были воспріемниками младенцу Сусаннѣ. Кромѣ нихъ воспріемниками этой Сусанны были еще находившійся тогда въ Ярославлѣ «для искорененія воровъ и разбойниковъ» полковникъ Ливенъ, да графиня Параскева Юрьевна, жена графа Петра Семеновича Салтыкова (правовѣрная). Въ 1746 г. Іюля 5-го новорожденному у Балашовыхъ младенцу, опять Петру, воспріемниками были тѣже: Биронова жена и ея сынъ Петръ. Такимъ образомъ три раза у святой купели Бироны воспринимали одни, а другихъ воспріемниковъ правовѣрныхъ не было.

Крестившій съ такими воспріемниками священникъ фабричной Петро-Павловской церкви Никита Ивановъ, наконецъ, долженъ былъ поплатиться за свою подкладность. Возникло дѣло въ Ярославскомъ духовномъ правленіи, куда Балашовъ и іерей Никита были вызваны къ допросу. Тутъ выяснилось, что Балашовъ, предъ крещеніемъ еще перваго своего младенца, просилъ священника Никиту, что «ежели-де

*) Прошенія и письма Бирона и его сыновей изъ Ярославля къ разнымъ лицамъ въ С-Петербургъ см. въ „Архивѣ Князя Воронцова“ II, 525—546.

возможно и православному Греческаго закона исповѣданію будетъ непротивно, то бы онъ попъ Биронову жену и большаго сына въ воспріемничество допустилъ». И при томъ онъ Михайло Балашовъ не изъ повелѣнія и не изъ принужденія, но разговорами оному попу Никитѣ предлагалъ, что въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, да и въ Ярославлѣ, таковые жъ иновѣрные въ православныхъ церквахъ и у правовѣрныхъ христіанъ при крещеніяхъ воспріемниками довольно-де допускаемы бываютъ и отъ святыя купели воспринимаютъ [1]).

«И по тѣхъ разговорахъ и просьбѣ оный священникъ Никита, разсуждая, что когда-де въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ и въ Ярославлѣ таковые иновѣрные воспріемники допускаются, то знатно-де церкви святѣй противности въ томъ не находится онымъ Бироновѣ женѣ и сыну ея при крещеніи объявленныхъ младенцевъ быть».

Но по взятымъ въ Ярославское духовное правленіе отъ всѣхъ г. Ярославля священно- и церковнослужителей извѣстіямъ оказалось, что хотя въ нѣкоторыхъ церквахъ при крещеніи младенцевъ воспріемниками иновѣрные и были, но не одни, а съ правовѣрными. Тоже бывало конечно и въ столицахъ. Его архипастырство, знаменитый Арсеній Мацѣевичъ разсудилъ, что «оный попъ Никита, знатно, изъ бездѣльной своей корысти то дѣлалъ и къ тому желаніе имѣлъ, чего ему дѣлать было весьма не надлежало и въ томъ слушаться его Балашова было не должно, для того что онъ Балашовъ ему попу не командиръ; а хотя бы онъ Балашовъ ему о томъ и приказывалъ, то и о томъ бы принужденіи надлежало объявить его архіерейству».

За такую его продерзость Арсеній отрѣшилъ попа Никиту отъ той церкви и повелѣлъ въ Ярославскомъ духовномъ правленіи, при собраніи прочихъ священно-и-церковнослужителей, наказать цѣпками съ прочтеніемъ 50-го псалма, и послѣ того благословилъ ему имѣть служеніе въ Ярославлѣ съ крестца [2]), а объ избраніи къ той Петро-Павловской церкви на мѣсто его во священники достойнаго и во чтеніи искуснаго человѣка и о представленіи его преосвященному объявлено было майору Петру Лакостову [3]) вѣдѣніемъ. По епархіи же,

---

[1]) Петръ Великій завелъ это обыкновеніе, неоднократно кумившись съ иновѣрцами. П. Б.

[2]) Т. е. безъ прихода, а по вольному найму. Такіе священники нанимались служить на крестцахъ или перекресткахъ. П. Б.

[3]) Этотъ Петръ Алексѣевичъ Лакостовъ, кажется, сынъ шута-Итальянца, который потѣшалъ еще Петра Великаго (Дневникъ Берхгольца) и Анну Іоанновну и тогда же разбогатѣлъ, занялся фабриками и вступилъ въ родство съ Русскою знатью. Митрополитъ Арсеній черезъ него выписывалъ изъ чужихъ краевъ книги для своей Духовной Семинаріи. П. Б.

чтобъ иновѣрные безъ правовѣрныхъ впредъ нигдѣ въ воспріемники допускаемы не были, отъ консисторіи публиковано указами [1]).

Вскорѣ однако священникъ Никита Ивановъ былъ возвращенъ на прежнее свое мѣсто. Митрополитъ Арсеній, выслушавъ поданную отъ майора Петра Лакостова челобитную о попѣ Никитѣ и учиненныя о немъ засвидѣтельствованія отъ своего ризничаго о знаніи симъ іереемъ символа, а отъ іеромонаха Серапіона о достоинствѣ священнослуженія, хотя и признавалъ, что оному попу Никитѣ за его продерзость надлежало бы съ крестца служеніе имѣть, но, разсуждая представленные отъ майора Лакостова резоны, благословилъ 18-го Августа 1746 г. оному іерею быть по-прежнему при церкви, что̀ на фабрикѣ и о томъ повелѣлъ дать ему указъ.

Про обычай допускать инославныхъ до крещенія православныхъ митрополитъ Арсеній представилъ донесеніе въ Св. Синодъ; но еще прежде синодальнаго рѣшенія 26 Августа 1747 г. онъ велѣлъ своей консисторіи публиковать по всѣмъ епархіальнымъ церквамъ новыми указами, дабы отъ сего времени священно- и церковно-служители въ воспріемники иновѣрныхъ, хотя и съ правовѣрными, отнюдь не допускали, а допускали бы однихъ правовѣрныхъ по правилу въ Большомъ Требникѣ Московской печати, на листу 8-мъ наоборотѣ напечатанному тако: «Вѣдати подобаетъ, яко во святомъ крещеніи единъ довлѣетъ воспріемникъ, аще мужескій полъ есть крещаемый; аще же женскій, токмо воспріемница; въ нуждѣ же смертнѣй можетъ крещеніе быть и безъ воспріемника».

(Изъ архива Ярославской Духовной Консисторіи, дѣло 15, 1746 г).

(*Сообщено А. А. Титовымъ*).

---

[1]) Указъ этотъ напечатанъ въ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" за 1890-й годъ въ № 6-мъ.

КЕНИГСБЕРГСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ ТИХОНЪ [1]).

По кончинѣ (Августа 10-го 1760 г.) архимандрита Владимира Каллиграфа, Спасо-Ярославскій монастырь оставался безъ настоятеля. Возникло въ Св. Синодѣ разсужденіе о томъ, а также и о достоинствѣ состоявшаго въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ іеромонаха Тихона, который «имѣлъ немаловременное и добропорядочное въ томъ корпусѣ обращеніе и къ произведенію въ означенный Спасо-Ярославскій монастырь въ архимандрита оказался достойнымъ». Объ іеромонахѣ Тихонѣ, по дирекціи того Корпуса, Октября 29-го, отъ лица Св. Синода и Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, было докладывано, и по докладу сему отъ Его Высочества о произведеніи того іеромонаха Тихона во архимандрита благоволеніе воспослѣдовало [2]). Св. Синодъ вслѣдствіе сего приказалъ означеннаго іеромонаха Тихона произвести въ С.-Петербургѣ въ показанный Спасо-Ярославскій монастырь во архимандрита, Ноября 1-го 1760 года, синодальнымъ членомъ преосвященнымъ Веніаминомъ, епископомъ Псковскимъ [3]).

Новопроизведенный архимандритъ Тихонъ, по фамиліи Якубовскій, былъ родомъ Малороссіянинъ, происходилъ изъ уѣднаго города Коропа, сынъ мѣщанина. Учился онъ сначала въ Черниговѣ, потомъ въ Кіевской Академіи, гдѣ и постригся въ монашество. Оттуда его опредѣлили въ кадетскій корпусъ іеромонахомъ. Не имѣя, по произведеніи въ архимандрита, на содержаніе себя въ С.-Петербургѣ и на исправленіе необходимыхъ потребностей, а равнымъ образомъ и на дорожный до Ярославля проѣздъ, никакихъ денегъ, онъ вошелъ въ Св.

---

[1]) Яросл. Дух. Конс. дѣло 1747 г. по архиву за № 10-мъ.

[2]) Будущій Петръ III-й, какъ извѣстно, считался главнымъ начальникомъ знаменитаго Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса. П. Б.

[3]) Яросл. Дух. Конс. 1761 г. дѣло по архиву за № 40.

Синодъ съ прошеніемъ о выдачѣ ему изъ доходовъ Св. Синода на счетъ Спасо-Ярославскаго монастыря трехъ сотъ рублей. Эти деньги, по указу Св. Синода отъ 11-го Декабря, рѣшено было ему выдать на условіи возврата ихъ съ случайною денежною оказіею въ Московскую Синодальную Контору [1]).

Архимандриту Тихону теперь оставалось только ѣхать въ Ярославль. Отъ 10-го Генваря 1761 г. изъ Ростовской духовной консисторіи въ Спасо-Ярославскій монастырь келарю іеромонаху Іосифу да казначею іеромонаху Пимену посланъ былъ и указъ о назначеніи къ нимъ новаго архимандрита съ повелѣніемъ прочесть оный при собраніи всей братіи и служителей, а также опубликовать и въ монастырскихъ вотчинахъ. Но вмѣсто встрѣчи самого архимандрита монастырскія власти въ тоже время прочли другой указъ консисторіи о высылкѣ изъ синодальныхъ Спасо-Ярославскаго монастыря доходовъ въ Московскую Синодальную Контору 300 рублей; архимандритъ же Тихонъ въ С.-Петербургѣ потребовался для исполненія нѣкотораго нужнѣйшаго дѣла, а именно для православной церкви въ Прусскомъ столичномъ городѣ Кенигсбергѣ, который въ 1758 г. былъ взятъ Россійскими войсками. Туда Тихонъ и отправился и тамъ отправлялъ въ новооснованной церкви священнослуженіе.

Уже изъ Кенигсберга архимандритъ Тихонъ отъ 22-го Іюля 1761 г. обратился къ Ростовскому митрополиту Арсенію съ такимъ всенижайшимъ прошеніемъ (въ которомъ слышна Малороссійская рѣчь).

«Въ данномъ при виправи меня нижайшаго въ Кенишбергъ, на секретную коммисію, Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Св. Правительствующаго Синода, отъ 8-го Декабря прошедшаго 1760-го года, указѣ повелѣно мнѣ нижайшему, ежели доведется по коммисіи, до опредѣленія на мѣсто архимандрита Ефрема [2]) другаго кого, здѣсь мнѣ остаться, службу Божію отправлять по чину и по мѣсту монастыря Спасо-Ярославскаго».

«Но хотя мнѣ нижайшему, въ силу состоявшіяся во ҂аѯѕ (1666) году Августа въ аі (11) день, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Вели-

---

[1]) Яросл. Дух. Конс. 1761 г. въ дѣлѣ за № 40, л. 6—11.

[2]) Этотъ Ефремъ, первый архимандритъ Кенигсбергскій или Кролевца Прусскаго (какъ тогда писали и печатали), по преданію, слышанному нами отъ А. С. Хомякова, былъ переведенъ въ Кенигсбергъ изъ Данкова. П. Б.

кія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, грамоты, чинъ священнослуженія онаго Спасо-Ярославскаго монастыря нѣсколько и извѣстенъ, однако я нижайшій того безъ благословенія и повелѣнія вашего высокопреосвященства, яко архипастыря моего премилосердаго, начать не смѣю и по ся поры».

«А что съ прошеніемъ умедлилъ, не утруждалъ, то тому причиною всеминутное ожиданіе моего отсюда спасенія [1]). Нынѣ же, когда по обстоятельствамъ разсуждая, что того счастья скоро дождаться не уповаю, а многіе такого священнослуженія здѣсь ожидаютъ, а особливо господинъ губернаторъ здѣшній Василей Ивановичъ Суворовъ [2]) часто о томъ говорилъ мнѣ, что я бы-де многихъ иностранныхъ въ церковь привелъ, ежели бъ-де такое священнослуженіе отправляемо было: того ради, ежели ненадежно скоро мене нижайшаго отсюда возвратить (что̀ единственнѣ на высокоотеческой вашего высокопреосвященства архипастырской милости зависитъ), то рабски молю, да благоволитъ ваше высокопреосвященство архипастырское благословеніе прислать съ высокомилостивоотеческимъ повелѣніемъ и предписаніемъ мнѣ нижайшему, во вящщее благолѣпіе и благоговѣніе богоустроенныя здѣсь Греко-Россійскія православныя церкви, служить по силѣ выше писанныя Великаго Государя Царя и Великаго Князя, блаженныя и вѣчно достойныя памяти, Алексѣя Михайловича, Самодержца Всероссійскаго, грамоты [3]).

«Я же какъ нынѣ возглашаю, такъ въ ономъ служеніи и сугубо еще вашего высокопреосвященства имя, яко архипастыря моего, возглашать долженствую, точно какъ бы въ своемъ монастырѣ суще. И сіе съ радостію моею особеннѣйшею творю и творить имѣю, что Ростовской митрополіи (святостію и чудесами нетлѣнныхъ мощей своихъ предсѣдателей многопрепрославленной) нынѣшній предсѣдатель, святыхъ подражательнѣйшій, мой истый архипастырь, здѣ Божіимъ изволеніемъ, моими грѣшными устами, въ церквѣ святѣй возглашается. Сіе я за особливѣйшую радость имѣя и всенижайше донося, высоко-

---

[1]) Любопытно это выраженіе, въ которомъ, можетъ быть, надо видѣть только лесть хитраго Малороссіянина передъ властолюбивымъ и въ тоже время могущественнымъ въ Св. Синодѣ Бѣлоруссомъ или Литвиномъ. П. Б.

[2]) Это отецъ знаменитаго Александра Васильевича Суворова, тогдашній генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи. Его отецъ, т. е. дѣдъ великаго Суворова, былъ протоіереемъ Московскаго Архангельскаго собора (хотя былъ стариннаго дворянскаго рода и имѣлъ свой домъ на Большой Никитской). П. Б.

[3]) Почему эта грамота дана царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Спасо-Ярославскому монастырю и сохраняетъ ли она донынѣ свою силу, намъ неизвѣстно. П. Б.

милостивоотечественной архипастырской, со всеглубочайшимъ моимъ униженіемъ рабскимъ, ожидаю резолюціи и святительскаго благословенія.

Вашего высокопреосвященства, премилосердаго архипастыря моего, всенижайшій рабъ Тихонъ, архимандритъ Спасо-Ярославскій.

Іюля 22 дня 1761 г. Кенишбергъ.

Получивъ это прошеніе, митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ повелѣлъ о вышеписанномъ достовѣрно справиться.

Оказалось, что подобное священно-служеніе въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ уже имѣлъ архимандритъ Каріонъ (1734—1737 гг.) и подобное же священнослуженіе преосвященнымъ митрополитомъ отъ 6 Декабря 1747 г. было дозволено архимандриту Варѳоломею Любарскому. «Да и дому его архипастырства экономъ іеромонахъ Амвросій [1]) сказалъ: въ бытность-де его при Ярославской соборной церкви протопопомъ, видалъ онъ, что Спасо-Ярославскаго монастыря архимандриты въ томъ монастырѣ священнослуженіе имѣли на коврѣ съ рипидами и со осѣненіемъ свѣщнымъ, держа въ рукахъ по одной свѣчѣ безъ подсвѣщниковъ».

Митрополитъ Арсеній, вслѣдствіе этого, отвѣчалъ въ Кенигсбергъ архимандриту Тихону такимъ письмомъ за собственноручной подписью.

«Преподобнѣйшій господинъ, отецъ архимандритъ Тихонъ, мой въ Духу Святомъ братъ возлюбленный!»

«Прошеніе вашего преподобія, отправленное Іюля 22, я получилъ въ Ростовѣ сего Августа 17 числа и о служеніи прежнихъ архимандритовъ Спасо-Ярославскихъ справлялся, и оказалось, что оные по грамотѣ, въ вашемъ прошеніи упоминаемой, служивали на коврѣ съ рипидами и со осѣненіемъ свѣщнымъ такъ, что въ рукахъ имѣли по одной свѣчѣ безъ подсвѣщниковъ, каковое служеніе и вамъ я имѣти позволяю и благословляю, и сія предложивъ, навсегда пребываю вашего преподобія доброжелатель и пастырь смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій». Послано 18 числа Августа черезъ почту [2]).

*

Только въ 1763 г., т. е. по возвращеніи королю Фридриху нашимъ императоромъ Петромъ III всѣхъ завоеванныхъ нами при им-

---

[1]) О немъ см. въ № 15-мъ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1893-й годъ.

[2]) Подлинная переписка въ Яросл. Дух. Конс. 1761 г. въ дѣлѣ за № 41-мъ.

ператрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ у Пруссіи древне-Славянскихъ областей, не стали болѣе нужны въ Кенигсбергѣ ни православная церковь, ни архимандритъ Тихонъ, который посему и прибылъ въ Москву, явился здѣсь въ Генварѣ мѣсяцѣ въ Св. Синодъ, а за тѣмъ отправился въ Ярославль. Въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 18-го Февраля 1763 г. на имя митрополита Арсенія Мацѣевича повелѣвалось архимандриту Тихону «за понесенные его въ Сухопутномъ Шляхетскомъ Корпусѣ труды и честное житіе имѣть мантію со скрижалями красными». Въ указѣ-же архипастырскомъ, между прочимъ, значилось: «такожъ по примѣру тѣхъ же прежнихъ архимандритовъ и надъ обрѣтающеюся въ томъ монастырѣ семинаріею ему архимандриту смотрѣніе имѣть, яко ректору, и въ конторѣ семинарской присутствовать» *).

Въ 1764 г. Генваря 13 учреждена была Московская викарная епархія подъ именемъ Сѣвской, и архимандритъ Тихонъ Іюля 10 былъ опредѣленъ на эту епархію епископомъ, а Августа 8 и хиротонисанъ. Декабря 17 го 1767 года онъ переведенъ на каѳедру Воронежской епархіи. Памятникомъ семилѣтняго своего управленія епархіею онъ оставилъ семинарію, основанную его предшественникомъ Іоакимомъ Струковымъ, а имъ возведенную па высшую степень совершенства. При немъ тамъ открыта была каѳедра для преподаванія живыхъ языковъ, для чего имъ вызваны были воспитанники Кіевской Академіи. Въ 1775 г. 19 Мая онъ переведенъ на Суздальскую епархію и управлялъ ею около 11 лѣтъ; скончался въ 1786 г. Апрѣля 4 и погребенъ въ соборѣ. Тихонъ былъ послѣднимъ епископомъ Суздальскимъ и Юрьевскимъ: послѣ него указомъ отъ 6-го Мая 1786 года епархія Суздальская соединена съ Владимірскою. Извѣстны въ печати слово и рѣчь Тихона при открытіи Владимірскаго намѣстничества. М. 1779.

(*Сообщено А. А. Титовымъ*).

---

*) Напечатанъ въ Яросл. Еп. вѣд. 1882 г. въ № 19-мъ.

ВЗЯТІЕ БЕРЛИНА РУССКИМИ ВОЙСКАМИ.

1760.

Изъ Записокъ Гочковскаго.

Geschichte eines patriotischen Kaufmanns aus Berlin, Namens I. E. Gotzkofsky, von ihm selbst geschrieben, Augsburg. 1789. Малая 8-ка, 154 стр. [1]).

На эту рѣдкую книжечку указалъ намъ, въ 1858 году, въ бытность нашу въ Берлинѣ, извѣстный Нѣмецкій писатель Фарнгагенъ-фонъ-Энзе, какъ на содержащую въ себѣ свѣдѣнія о занятіи Берлина Русскими войсками въ 1760 году, и тогда же сообщилъ, что авторъ ея, Гочковскій, былъ Еврей. Фарнгагенъ могъ знать о происхожденіи Гочковскаго отъ покойной знаменитой супруги своей, Еврейки Рахили Левинъ, которая нѣкогда собирала у себя въ домѣ ученое и литературное общество Берлина, у которой (1837—1839) бывали наши Грановскій, Катковъ [2]), Станкевичъ, Фроловъ и другіе Русскіе люди. Самъ же Гочковскій (род. 1710) называетъ себя Польскимъ дворяниномъ.

По бѣдности занявшись торговлею галантерейными товарами, Гочковскій расторговался. Онъ издавна былъ извѣстенъ Прусскому королевскому дому и самому Фридриху II-му, который покровительствовалъ его фабрикамъ, бархатной и шелковой. Черезъ Гочковскаго выписывались картины для Потсдамскаго дворца.

Послѣ Цорндорфской баталіи, т. е. въ 1758 году, Гочковскій оказалъ какія-то услуги находившемуся въ Берлинѣ плѣнному бригадиру Сиверсу, и тотъ впослѣдствіи не позабылъ про нихъ. Годъ спустя, Пруссаки потерпѣли отъ насъ такое пораженіе, что король ихъ, по собственному его свидѣтельству (въ извѣстныхъ его Запискахъ), по-

---

[1]) Исторія купца-патріота изъ Берлина, по имени I. Е. Гочковскаго, написанная имъ самимъ. Издана въ Аугсбургѣ 1789.

[2]) Можетъ быть, позднѣйшее роковое и подъ конецъ весьма заботившее его и тяготившее сближеніе Каткова съ Евреями и объясняется впечатлѣніями тогдашней Берлинской жизни и умными бесѣдами высокоталантливой Рахили Фарнгагенъ-фонъ-Энзе. П. Б.

мышлялъ о самоубійствѣ. Онъ послалъ гонца въ Берлинъ съ приказомъ, чтобы знатные и богатые жители поскорѣе уѣзжали, такъ какъ онъ не въ силахъ предупредить нашествіе непріятеля. По порученію Берлинскаго магистрата Гочковскій ѣздилъ къ королю узнать о дальнѣйшихъ его распоряженіяхъ по поводу перемѣнившихся обстоятельствъ. Фридрихъ находился въ деревушкѣ Рейтвенѣ, близъ Лебуса. Кругомъ его лагеря гарцовали Русскіе гусары и казаки. Гусарскій офицеръ Притвицъ помогъ проворному фабриканту добраться до короля, который обнадежилъ его въ безопасности Берлина.

Но въ 1760 г., 3 Октября н. ст., значительный Русскій отрядъ, подъ начальствомъ гр. Тотлебена, началъ обстрѣливать Прусскую столицу, которая не сдавалась, въ надеждѣ на приходъ принца Виртембергскаго*). Гочковскій и другіе Берлинскіе граждане готовили продовольствіе ожидаемымъ спасителямъ; но въ ночь съ 7-го на 8-е Октября Виртембергскій принцъ, будучи не въ силахъ противостоять Русскимъ (къ которымъ на подмогу пришли Австрійцы подъ начальствомъ генерала Ласси), прошелъ черезъ Берлинъ мимо и направился къ Магдебургу.

Приводимъ разсказъ Гочковскаго.

«8 Октября 1760 г., въ 2 часа утра, меня позвали въ Берлинскую Городскую Думу, гдѣ собралась и находилась въ крайнемъ отчаяніи большая часть членовъ магистрата. Мнѣ сообщили горестную вѣсть объ отступленіи нашихъ войскъ и о беззащитномъ состояніи города. Ничего не оставалось дѣлать какъ постараться по возможности избѣгнуть бѣдствія посредствомъ покорности и уговора съ непріятелемъ. Затѣмъ возникъ вопросъ, кому отдать городъ, Русскимъ или Австрійцамъ. Спросили моего мнѣнія, и я сказалъ, что по моему гораздо лучше договориться съ Русскими, нежели съ Австрійцами; что Австрійцы—настоящіе враги, а Русскіе только помогаютъ имъ; что они прежде подошли къ городу и требовали формально сдачи; что, какъ слышно, числомъ они превосходятъ Австрійцевъ, которые, будучи отъявленными врагами, поступятъ съ городомъ гораздо жесточе Русскихъ, а съ этими можно лучше договориться. Это мнѣніе было уважено. Къ нему присоединился и губернаторъ, ген.-лейтенантъ фонъ-Роховъ, и такимъ образомъ гарнизонъ сдался Русскимъ.

Въ 5 часовъ того же утра опять позвали меня въ Думу. Русскій генералъ Тотлебенъ потребовалъ, чтобы члены магистрата и купечества явились къ Котбусскимъ воротамъ, и для этого выбрали меня съ нѣкоторыми другими лицами.

*) Его дочери, родившейся въ Штетинѣ, будущей нашей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, шелъ тогда второй годъ отъ роду. П. Б.

Городъ ничего не зналъ о томъ что̀ происходило ночью. Обыватели преспокойно спали и вѣроятно не помышляли о бѣдѣ, которая витала надъ ихъ головами. Про отступленіе нашихъ войскъ никому не было извѣстно; знали, что они передъ городомъ и тѣмъ себя обнадеживали.

Легко понять, что наша депутація направлялась къ указанному мѣсту въ страхѣ и неизвѣстности о томъ, какъ предотвратится грозившая опасность. Мы прибыли какъ разъ во̀-время, ибо Русскіе готовы были вступить въ городъ, и мы едва поспѣли помѣститься у привротнаго писаря.

Офицеръ, ѣхавшій во главѣ полка, вступилъ въ ворота, спросилъ насъ, кто мы такіе и, услышавъ, что мы выборные отъ Думы и купечества и что намъ велѣно сюда явиться, сказалъ: Тутъ ли купецъ Гочковскій? Едва опомнившись отъ удивленія, выступилъ я впередъ, назвалъ себя и съ вѣжливою смѣлостью обратился къ офицеру: что̀ ему угодно?

— Я долженъ, отвѣчалъ онъ, передать вамъ поклонъ отъ бывшаго бригадира, нынѣ генерала, Сиверса. Онъ просилъ меня, чтобы я, по возможности, былъ вамъ полезенъ. Меня зовутъ Бахманъ. Я назначенъ комендантомъ города во время нашего здѣсь пребыванія. Если въ чемъ я могу быть вамъ нуженъ, скажите.

Я исполнился несказанной радостью и тогда же положилъ себѣ воспользоваться этимъ случаемъ не для одного себя, но и для моихъ сограждань, объятыхъ смертнымъ страхомъ.

Я поспѣшилъ въ городъ, разсказалъ о происшедшемъ со мною и старался всѣхъ ободрить и утѣшить.

Графъ Тотлебенъ потребовалъ отъ города страшной суммы въ 4 милліона государственныхъ талеровъ стараго чекана. Городской голова Кирхейзенъ пришелъ въ совершенное отчаяніе и отъ страха почти лишился языка. Нашествіе Австрійцевъ въ Ноябрѣ 1757 г. стало городу всего въ 2 милліона талеровъ, и сборъ этихъ денегъ причинилъ тогда великую тревогу и несказанныя затрудненія. А теперь откуда было взять вдвое больше? Русскіе генералы подумали, что голова притворяется, либо пьянъ, и въ негодованіи приказывали отвести его на гауптвахту. Оно такъ бы и случилось; но я съ клятвою удостовѣрилъ Русскаго коменданта, что городской голова уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ припадками головокруженія.

И такъ непріятель овладѣлъ городомъ, безъ всякаго договора и немедленно потребовалъ продовольствія для войска. Никто не зналъ какъ быть. Вторгнувшіяся войска тотчасъ очистили магазинъ главнаго комиссара Штейна, заготовленный имъ для снабженія королевской

арміи и тѣмъ причинили ему 57583 талера убытку, и онъ потомъ никогда не получилъ за то ни гроша. Это продолжалось до 5 часовъ по полудни.

Русскій комендантъ, какъ выше сказано, былъ мнѣ пріятелемъ; но главный начальникъ генералъ Тотлебенъ не зналъ меня. Поэтому я постарался провѣдать, кто и каковъ былъ его адъютантъ и гдѣ онъ помѣстился. Имя его Бринкъ. Онъ служилъ капитаномъ въ Русской арміи. Самъ графъ Тотлебенъ расположился въ домъ Винцента на Братской улицѣ (Brüderstrasse), а Бринку отвелъ помѣщеніе насупротивъ, въ домѣ Паля. Я настоятельно упросилъ коменданта Бахмана, чтобы этого капитана Бринка перевели на житье ко мнѣ и такъ долго приставалъ къ самому коменданту, что онъ согласился переѣхать въ мой домъ. Я постарался снискать его дружбу и воспользоваться ею для общаго блага. Чего я ни придумывалъ въ его удовольствіе! Вскорѣ я убѣдился, что именно онъ намъ нуженъ, что онъ былъ, такъ сказать, правая рука графа Тотлебена. Изъ вѣрнаго источника дошло до меня, что Русскій полный генералъ, графъ Ферморъ, приказывалъ графу Тотлебену взыскать съ Берлина 4 милліона, не причиняя городу особыхъ насилій. Поэтому я началъ всячески убѣждать господина Бринка въ томъ, что Берлинъ не въ состояніи уплатить столь неумѣренныя деньги и убѣдительнѣйше просилъ, чтобы онъ склонилъ графа Тотлебена къ пощадѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что просьба моя была доложена, такъ какъ, вслѣдъ за тѣмъ, магистрату велѣно снова явиться въ 2 часа по полудни къ Котбусскимъ воротамъ, куда онъ и отправился изъ дома г-на Вангенгейма, гдѣ все утро дожидался, что графъ Тотлебенъ туда пріѣдетъ. У воротъ снова не послѣдовало никакого рѣшенія, хотя туда прибыли многіе обыватели и на колѣняхъ просили сбавки. Графъ Тотлебенъ оставался непреклоненъ. Между тѣмъ непріятельская армія находилась по большей части въ самомъ городѣ. Солдаты ходили по всѣмъ улицамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, можно сказать, кишѣли ими. Наступала грозная минута: между солдатами заходила рѣчь о разграбленіи.

Посреди общей бѣды и смущенія пошелъ я съ капитаномъ Бринкомъ къ графу Тотлебену. Съ искреннею, сердечною и въ тоже время правдивою горячностью представилъ я ему, что требованія его нѣтъ возможности исполнить, что Русскіе имѣютъ преувеличенное понятіе о богатствѣ Берлинскихъ купцовъ и въ особенности мѣнялъ-Евреевъ. Моими мольбами и плачемъ довелъ я графа Тотлебена до того, что онъ согласился получить вмѣсто 40 бочекъ золота только 15 и кромѣ того 200 тысячъ государственныхъ талеровъ въ пощадныхъ деньгахъ (Douceurgeld), и не стараго чекана, а тогдашнею ходячею серебряною

монетою или дукатами, считая по 4 талера въ дукатѣ *). Немедленно я, можно сказать, полетѣлъ въ Думу объяснить о томъ магистрату и купечеству. Тотчасъ военный совѣтникъ и бургомистръ Ридигеръ составилъ договоръ о сдачѣ города. Члены магистрата отправились къ графу Тотлебену съ этимъ договоромъ, который и былъ провѣренъ, подписанъ и размѣненъ на обѣ стороны.

9 Октября послѣдовало распоряженіе о доставленіи непріятельскимъ войскамъ уговоренныхъ 200 тысячъ пощадныхъ денегъ, дабы удовлетворить Австрійцевъ, которые иначе не соглашались уходить изъ города. Рѣшено было весь окупъ приносить ко мнѣ въ домъ, гдѣ и происходилъ пріемъ всѣхъ денегъ. Работы у меня, такимъ образомъ, прибыло вдвое. День и ночь непріятельскія войска наполняли мое жилище, въ которомъ и безъ того негдѣ было повернуться отъ лицъ, искавшихъ себѣ убѣжища и отъ несмѣтнаго множества чужой поклажи съ вещами и деньгами. И по ночамъ не давали мнѣ покою, такъ что все время, пока непріятели хозяйничали въ городѣ, я не ложился въ постель. Погода стояла самая дурная. Денно и нощно принужденъ я былъ ходить по улицамъ, удовлетворяя либо Русскихъ и Австрійцевъ, поминутно требовавшихъ то того, то другаго, либо самихъ обывателей, въ ихъ жалобахъ на Русскихъ солдатъ, которые безчинствовали вопреки строжайшимъ приказамъ графа Тотлебена. Благодаря моему доступу къ графу Тотлебену, приказавшему, чтобы часовые пропускали меня во всякое время безпрепятственно, всѣ въ то время обращались ко мнѣ, и я старался, по возможности и безъ отлагательства сдѣлать угодное каждому. О всякомъ доходившемъ до меня своевольствѣ Русскихъ солдатъ я немедленно доносилъ генералу, и тотъ приказывалъ тотчасъ же наказывать провинившагося. Вотъ чѣмъ объясняется отличное поведеніе Русскаго войска во время его здѣшняго пребыванія.

10 Октября гр. Тотлебенъ, по приказанію ген. Фермора, долженъ былъ разорить, разграбить и сдѣлать негодными къ дальнѣйшему производству всѣ находившіяся въ Берлинѣ королевскія фабрики, а равно забрать всѣ воинскіе запасы, находившіеся въ общественныхъ мѣстахъ и, конечно, весьма значительные. Въ спискѣ фабрикъ, подлежавшихъ опустошенію, находилась также золотая и серебряная мануфактура.

Узнавъ о томъ еще наканунѣ, я пошелъ къ графу Тотлебену, сообщилъ ему эту горестную вѣсть и клятвенно увѣрилъ его, что эта мануфактура только по имени своему королевская, но доходы ея не поступаютъ въ королевскую казну, а идутъ всѣ на содержаніе Потсдамскаго сиротскаго дома и многихъ сотенъ бѣдныхъ сиротъ. Я дол-

*) У Фридриха Великаго приготовлялись тайкомъ и оловянные талеры, и его примѣромъ если не оправдываетъ, то объясняетъ Тьеръ Наполеоновы фальшивыя Русскія ассигнаціи 1812 года. П. Б.

женъ былъ изложить письменно это заявленіе, подписать и подтвердить клятвенно; графъ крикнулъ коменданта и приказалъ ему вычеркнуть обѣ эти фабрики изъ списка.

Только что ушелъ я домой, какъ до меня дошла вѣсть о томъ что въ упомянутой полученной отъ Фермора бумагѣ приказано посадить на гауптвахту обоихъ здѣшнихъ газетчиковъ и на слѣдующее утро прогнать ихъ сквозь строй, къ чему приготовленія уже дѣлались. Мнѣ жаль было обоихъ несчастныхъ людей. Въ 9 часовъ вечера я опять пошелъ къ графу Тотлебену. Онъ уже ложился спать. Я извинился въ частой моей докукѣ и боязливо завелъ рѣчь о томъ, чтобы не позорить этихъ людей. Между прочимъ говорилъ я ему: «Подумайте и обсудите, ваше сіятельство. Вѣдь они вовсе не виноваты и не причастны въ томъ, что́ появилось въ газетѣ и что̀ такъ раздражаетъ Русскихъ. Газета зависитъ не отъ нихъ только, но пропускается цензурою. Всѣ мы люди, всегда подверженные ошибкамъ. Не вѣкъ же продлится война? Теперь положеніе дѣлъ можетъ скоро перемѣниться, и тогда, пожалуй, послѣдуетъ отместка за этотъ случай и за оскорбленіе того или другого подданнаго Русской Императрицы, столь же невиннаго, какъ и эти люди. Но не жестоко ли теперь такъ поступать съ Русской стороны?». Графъ Тотлебенъ внимательно глядѣлъ на меня и наконецъ возразилъ, что не въ его власти уклониться отъ исполненія приказа, къ которому нельзя примѣнить никакой оговорки. «Ступайте домой. Ночью я подумаю и окончательное рѣшеніе дамъ завтра утромъ». Въ 4 часа этого утра я уже былъ у графа Тотлебена, привѣтствовалъ его и спросилъ, не прилеталъ ли къ нему добрый ангелъ и не шепнулъ ли о пощадѣ невинныхъ арестантовъ? Онъ сказалъ, что гачетчиковъ приведутъ къ улицѣ, гдѣ назначено прогонять ихъ сквозь строй, и тамъ будетъ имъ сдѣлано только внушеніе, а отъ самаго прогона они освобождаются. Такъ и вышло.

11-го Октября магистратъ увѣдомилъ меня, что графомъ Тотлебеномъ приказано сносить на большую дворцовую площадь всякое безъ исключенія находящееся въ городѣ огнестрѣльное оружіе, о чемъ дано знать къ каждый домъ. Никто не зналъ, по какому это поводу, и жители снова встревожились. Сдача оружія уже началась, когда я поспѣшилъ къ графу Тотлебену и, спросивъ его скромно о причинѣ таковаго распоряженія, представилъ, что большая часть гражданъ имѣющихъ ружья и пистолеты, держитъ ихъ только для своего удовольствія; что имъ горько будетъ это лишеніе, Русскимъ же это оружіе обратится лишь въ тягость. Графъ и этотъ разъ сослался на приказаніе графа Фермора. «Но чтобы показать вамъ, продолжалъ онъ, какъ мнѣ нравится ваше усердіе ко благу города и вашихъ согражданъ, я ве-

лю, чтобы они принесли на площадь нѣсколько сотень старыхъ и негодныхъ ружей; казаки переломаютъ ихъ и побросаютъ въ воду. Такимъ образомъ и это приказаніе будетъ мною для виду исполнено».

Вообще я и весь городъ можемъ засвидѣтельствовать, что генералъ этотъ поступалъ съ нами скорѣе какъ другъ, нежели какъ непріятель. Чтὸ было бы при другомъ военачальникѣ? Чего бы ни выговорилъ и не вынудилъ бы онъ для себя лично? А чтὸ произошло бы, если бы попали мы подъ власть Австрійцевъ, для обузданія которыхъ отъ грабежа въ городѣ графъ Тотлебенъ долженъ былъ прибѣгать къ разстрѣливанью.

Графу Тотлебену предписывалось прижать въ особенности Евреевъ и взять въ заложники Ефраима и Ицига. Еврейскіе старшины, три дня сряду остававшіеся въ помѣщеніи графа, повѣдали мнѣ свою бѣду. Я представилъ генералу, что въ договорѣ о сдачѣ города эти Евреи не поименованы особо и что они внесли деньги, сколько приходилось по раскладкѣ на ихъ долю. Мнѣ стоило величайшихъ усилій переубѣдить графа Тотлебена, и Евреи были пощажены.

Наконецъ, графъ Тотлебенъ получилъ приказаніе поспѣшить отъѣздомъ изъ Берлина; но еще многое оставалось уладить, и для того были потребованы къ нему господа Веге́ли, Шюце и Вюрстлеръ. Походило на то, что ихъ берутъ въ заложники. Шюце не было въ городѣ. Веге́ли и Вюрстлеръ пришли ко мнѣ въ смертномъ страхѣ и просили выручить ихъ. Я рѣшился спросить графа, зачѣмъ нужны ему эти люди. Онъ сказалъ: «Они поѣдутъ въ лагерь, гдѣ перечтутъ собранныя здѣсь деньги и сдадутъ начальству». Я поймалъ его на словѣ и замѣтилъ, что для этого нужны не эти люди, а счетчики. Возражать было нечего, и вмѣсто этихъ господъ взяты три кассира, которые потомъ поѣхали и въ Пруссію, гдѣ ихъ долго продержали подъ арестомъ.

12-го Октября вечеромъ графъ Тотлебенъ и войска его выбыли, наконецъ, изъ города, и освободился домъ мой, болѣе походившій на скотный дворъ, нежели на жилище, послѣ того какъ Русскіе наполняли его собою денно и нощно. Все время долженъ я былъ довольствовать питьемъ и ѣдою всякаго, кто ко мнѣ являлся. Прибавить надо еще многіе подарки, безъ которыхъ не удалось бы мнѣ исполнить то чтὸ я исполнилъ. Чего все это мнѣ стоило, остается занесеннымъ въ книгѣ забвенія. Городъ не спросилъ меня, сколько я издержалъ, а я не требовалъ, дабы не стали говорить, что я дѣйствовалъ ради собственной выгоды. Въ теченіе двухъ недѣль, со всѣхъ концовъ города и даже изъ чужихъ краевъ, безпрестанно приходили ко мнѣ похвальныя письма, въ которыхъ величали меня спасителемъ Берлина и многихъ тысячъ людей».

Графу Фермору, тогдашнему генералъ-губернатору покоренной нами Восточной Пруссіи, Гочковскій отвезъ въ Кенигсбергъ богатую трость, осыпанную драгоцѣнными каменьями, въ знакъ благодарности города Берлина за отличное поведеніе Русскихъ войскъ. Графъ сначала не хотѣлъ принимать этого подарка, но потомъ взялъ, сказавъ, что покажетъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Ферморъ говорилъ Гочковскому, что съ Берлина взято мало денегъ въ сравненіи съ тою контрибуціею, которую Прусскій король взялъ съ Лейпцига. Берлинцы взнесли намъ свой окупъ не сполна и выдали на нѣкоторую сумму вексель. Фридрихъ II-й приказывалъ Берлинскому купечеству не уплачивать по этому векселю, и Ферморъ стыдилъ тѣмъ Гочковскаго. Дорогія табакерки, перстни и разныя цѣнныя вещи, которыя имѣлъ съ собою Гочковскій, выручали его изъ затрудненій. Графъ А. Б. Бутурлинъ увидалъ у него золотую табакерку съ бриліантами и портретомъ Фридриха II-го. Ему захотѣлось купить ее; но цѣну нашелъ онъ слишкомъ высокою и спросилъ, нельзя ли пріобрѣсти одинъ портретъ. Гочковскій вынулъ портретъ и приподнесъ нашему главнокомандующему, который подарилъ за то слугѣ Гочковскаго двадцать рублей.

25-го Іюня 1761 г. графъ Тотлебенъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ. Упоминая о томъ, Гочковскій не объясняетъ причины; но ему конечно была она лучше другихъ извѣстна.

Мы извлекли изъ Записокъ Гочковскаго относящееся до взятія Русскими войсками Берлина, о чемъ повѣствуетъ онъ лишь мимоходомъ; главною же цѣлью его Записокъ было показать свои заслуги передъ Прусскимъ правительствомъ. Историкъ Семилѣтней войны можетъ отыскать въ этой книжечкѣ еще довольно любопытныхъ замѣтокъ. О взятіи Берлина написана была графомъ Тотлебеномъ подробная и любопытная реляція, помѣщенная въ VI-й книгѣ «Архива Князя Воронцова» съ современнымъ планомъ города. Про газетчиковъ онъ говоритъ: «Найденныя въ Берлинѣ печатныя письма, которыя въ противность нашему Россійскому двору и союзниковъ Ея Императорскаго Величества арміи, велѣлъ я всѣ собрать и подъ висѣлицею сжечь чрезъ тамошняго палача. А въ ономъ городѣ Берлинѣ кои сочиняютъ газеты, за ихъ противное составленіе, по нынѣшней войнѣ сами они наказаніе заслужили, чтобъ ихъ наказать шпицрутеномъ; а по прошенію того всего города отъ того наказанія уволены изъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости. Однакожъ не плацъ экзекуцію были они выведены и раздѣты были. Также осмотрѣлъ королевскую тамъ камору и которые найдены сундучки и короба съ золотыми, серебряными и другими алмазными вещами, бригадиру Бенкендорфу велѣлъ я запечатанными съ собою къ арміи до Франкфурта взять».

Памятникомъ взятія Берлина Русскими войсками осталась между прочимъ табакерка, описаніе которой ниже слѣдуетъ. П. Б.

ДОСТОПАМЯТНАЯ ТАБАКЕРКА.

Длина около 3 вершковъ; высота: 1 вершокъ. Бѣлая эмаль по золоту. На эмали цвѣтныя изображенія.

1) На крышкѣ снаружи: Русскіе солдаты и казаки (вензель: Е на сабръ-ташѣ) отдыхаютъ у костра подлѣ палатокъ.

2) На крышкѣ изнутри: двуглавый орелъ держитъ на красныхъ лентахъ продолговатый щитъ съ тѣсною Нѣмецкою надписью, помѣщаемою ниже. По сторонамъ: знамена разныхъ цвѣтовъ, барабаны и литавры.

3) Съ боковъ: а) Русскіе солдаты и казаки; б) казакъ, вывѣтривающій свои платья; в) большая телѣга о двухъ лошадяхъ, нагруженная разноцвѣтными знаменами (трофеи?); сзади — часовой; г) Прусскій солдатъ ломаетъ ружье. На землѣ разломанные тесаки, ружья и т. п.; д) снизу—знамя и барабанъ.

Надпись

съ сохраненіемъ орѳографіи и пунктуаціи *).

Die Unternehmung derer Russen auf Berlin. Anno 1760 d. 3-ten October. Lies der General Tottleben die Stadt aufordern, nach diesem starck bombardiren.

D. 4. rückte das Preusisch Printz-Würtembergische Corps hier ein und besetzten d. 5 die Berge und die Stadt der Mauer Seite.

D. 6. wurde die Pallisaden Seite attaquiret.

D. 7. gegen ein ander starck canoniret heute früh stiess das Preüss-Hülfensche Corps zu dem erstern ů da die Oestereicher unter des General Lasci Comando auch ankamen, so wurde diesen abend gegen 6 Uhr die Stadt zum zweiten mahl aufgefordert.

D. 8. wurde wegen grausamen wind und regen nichts vorgenommen diese nacht capitulierte der Magistrat mit dem General Tottleben und marchirten.

---

*) Списывалъ графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій. С.-Петербургъ 31 Марта 1894 года. Табакерка случайно пріобрѣтена въ Вѣнѣ А. А. Половцовымъ. П. Б.

D. 9. früh die Preusische Truppen von hier aus, dagegen rückten früh um 7 Uhr die Russen, und Oesterreicher hierezu.

D. 10. wurde das Zeug-Haus, û Mundirungs Cammer ausgeraümet û geplundert.

D. 11. das Königl. Saltz verkauft gegen Abend marchirten die Oestereicher.

D. 12. die Russen.

D. 13. der letztern rest wieder ab.

Переводъ. Предпріятіе Русскихъ на Берлинъ 1760 года 3-го Октября. Генералъ Тотлебенъ потребовалъ сдачи города и потомъ сильно обстрѣливалъ. 4-го, пришелъ сюда Прусскій принца Виртембергскаго корпусъ и занялъ, 5-го, горы и городъ со стороны стѣнъ. 6-го было нападеніе со стороны палисадовъ. 7-го. Взаимная сильная пушечная стрѣльба. Рано, сегодня, Прусскій вспомогательный корпусъ присоединился къ первому, и такъ какъ прибыли также Австрійцы подъ предводительствомъ генерала Ласси, то сегодня вечеромъ, около 6-ти часовъ, потребована во второй разъ сдача города. 8-го. Ради жестокаго вѣтра и дождя ничего не происходило. Въ эту ночь уговорился въ сдачѣ магистратъ съ генераломъ Тотлебеномъ и пошли. 9-го. Рано вышли отсюда Прусскія войска, а въ 7-мь часовъ рано взошли Русскіе и Австрійцы. 10-го очищены и разграблены цехаузъ и складъ аммуниціи. 11-го продана королевская соль. Къ вечеру пошли Австрійцы. 12-го Русскіе. 13-го ушли остальные Русскіе.

*

По чьему заказу изготовлена была эта исторіографическая табакерка, намъ неизвѣстно; но такъ какъ въ надписи не восхваляются Австрійцы, то можно думать, что она сдѣлана была для кого нибудь изъ Русскихъ. Не для графа ли Ивана Григорьевича Чернышова или для его друга И. И. Шувалова? П. Б.

КЪ БІОГРАФІИ А. П. ЕРМОЛОВА.

Съ 1876 года, по указанію Великаго Князя Михаила Николаевича, въ бытность Его Императорскаго Высочества главнокомандующимъ Кавказскою арміею, издается военно-историческимъ отдѣломъ окружнаго штаба въ Тифлисѣ „Кавказскій Сборникъ“. Цѣль его — „систематическая разработка военно-историческаго матеріала, представляемаго дѣломъ водворенія Русскаго владычества на Кавказѣ“. Сообразно этому, въ „Сборникѣ“ печатаются, какъ воспоминанія о Кавказской войнѣ, такъ и статьи, составленныя на основаніи архивнаго матеріала, преимущественно изъ архива штаба.

Въ недавно вышедшемъ XV-мъ томѣ „Сборника“ помѣщены воспоминанія покойнаго генерала отъ артиллеріи Эдуарда Владимировича Бриммера подъ заглавіемъ: „Служба артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ I кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 г.“ (стр. 52—260). Авторъ воспоминаній началъ службу на Кавказѣ въ началѣ 1822 г. и затѣмъ большую часть своей дальнѣйшей служебной дѣятельности посвятилъ Кавказу же, гдѣ сдѣлалъ 8 горныхъ экспедицій, Персидскую и двѣ Турецкія войны. Нынѣ напечатанное начало его воспоминаній обнимаетъ время до взятія Тавриза и, кромѣ спеціальнаго интереса для исторіи Кавказской войны, заключаетъ много очень интересныхъ обще-историческихъ данныхъ, между прочимъ объ А. П. Ермоловѣ. Поэтому мы думаемъ, что, въ виду сравнительно-малаго распространенія „Кавказскаго Сборника,“ желательно ознакомить любителей Русской исторіи съ нѣкоторыми чертами изъ воспоминаній Э. В. Бриммера.

Характерную черту изъ Павловскихъ временъ сообщаетъ Э. В. Бриммеръ о своемъ дядѣ: онъ служилъ въ артиллеріи въ чинѣ подполковника, за ошибку на ученіи былъ сосланъ Павломъ *въ Сибирь*, но по пріѣздѣ туда, внезапно, не отдохнувъ отъ курьерской ѣзды, былъ отправленъ для узнанія порядка службы *въ Италію*, въ корпусъ генерала Розенберга!

О первомъ кадетскомъ корпусѣ у автора „осталось мало пріятныхъ воспоминаній“, но нѣкоторыя черты изъ кадетскаго воспитанія и обученія въ самомъ началѣ нашего вѣка онъ сообщаетъ.

Изъ корпуса Бриммеръ попалъ въ корпусъ графа Воронцова, стоявшій во Франціи. О пребываніи тамъ Русскихъ войскъ находимъ у него интересныя подробности. Таковы разсказы его о смотрѣ въ Вертю, въ Шампаньи, гдѣ войска въ теченіе 8 дней питались сухарями, чаемъ, сыромъ и Шам-

панскимъ; о пребываніи въ Коммерси, въ семьѣ Француза, и вообще о взаимныхъ отношеніяхъ Русскихъ и Французовъ; о графѣ Воронцовѣ и его командованіи, навлекшемъ на себя, какъ извѣстно, потомъ нареканія въ распущенности, въ чемъ его и старались уличить. „По возвращеніи корпуса въ Россію, разсказываетъ Бриммеръ, пріѣхалъ къ намъ начальникъ артиллеріи 2-го корпуса генералъ Левенстернъ, и пустился въ разговоры съ нижними чинами. Остановившись передъ правымъ флангомъ, онъ поздоровался съ ними и спросилъ: А что, ребята, вы рады, что вернулись въ любезное отечество? — Рады, ваше пр-во. Проходя по фронту и смотря на строй, онъ хвалилъ обмундированіе и былъ, кажется, въ хорошемъ расположеніи духа. Затѣмъ генералъ изъ Нѣмцевъ спросилъ солдатъ: А хорошо вамъ было во Франціи? — Хорошо, ваше пр-ство.— Чтожъ вамъ, досадно, что вышли оттуда?—Досадно, ваше пр-ство. Какъ видите, Русскій солдатъ весь живетъ въ начальникѣ и не понимаетъ противорѣчія". Наряду съ этимъ, Бриммеръ разсказываетъ характерный случай о тогдашнемъ отношеніи къ солдату. Въ ротѣ его былъ коновалъ-самоучка, назначенный въ эту должность, какъ не знавшій никакого другого ремесла. По выходѣ изъ Гейдельберга (гдѣ, замѣтимъ, студенты изъ Остзейскихъ провинцій, провожая роту, кричали: „кланяйтесь Россіи, нашему славному отечеству") одна лошадь захромала. Командиръ роты призываетъ коновала. „Отчего ты лошадь еще не вылечилъ: уже три дня хромаетъ?— Я примачиваю ногу.—Нога болитъ, а оставляешь ее въ запряжкѣ? Вотъ я тебя, с.., с..! Розогъ!—Да помилуйте, ваше высокоблагородіе, я больше этой примочки ничего не знаю.—Не знаешь, лѣнтяй! Ложись!—И такъ какъ палки и розги были всегда въ обозѣ, то несчастнаго Чуваша разложили и сѣкли, сѣкли, такъ что онъ и кричать пересталъ. Когда перестали, онъ все лежалъ. „А, встать не хочешь? Воды!" Въ баклагахъ принесли изъ Неккера Декабрской воды и окачивали лежащаго; но солдаты тутъ же подняли его и увели съ глазъ начальника. Сколько такихъ расправъ могъ бы разсказать всякій, служившій въ былое время!"

Въ 1820 г. Бриммеръ, служившій тогда въ Петербургѣ, увидѣлъ А. П. Ермолова. „Первый взглядъ на Ермолова сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе... Высокій, могучій ростъ генерала, его прямая воинская осанка, лицо рѣдко встрѣчаемой мужской красоты, умные глаза и вообще непринужденность и привѣтливость всей особы поразили меня.—„А, кровь моя, артиллеристы!.." и всякаго изъ насъ подарилъ или вопросомъ, или пріятнымъ словомъ. Я вышелъ отъ Алексѣя Петровича совершенно очарованный и, садясь съ товарищами на дрожки, сказалъ: непремѣнно буду служить у него подъ начальствомъ". И дѣйствительно, въ 1822 г. Бриммеръ перешелъ на Кавказъ и тотчасъ пошелъ съ Ермоловымъ въ Кабарду. Оставляя въ сторонѣ живо описанныя военныя дѣйствія, приведемъ нѣсколько чертъ объ Ермоловѣ. Послѣ одного дѣла съ непріятелемъ, причемъ было отбито много скота (баранты), къ начальнику штаба подходитъ маіоръ Павловъ (зять Алексѣя Петровича, бывшій въ отрядѣ за дежурнаго штабъ-офицера) и громко спрашиваетъ: „Не прикажете ли изъ лагеря взять казаковъ, чтобы оцѣпить баранту и пересчи-

тать? — Оцѣпить прикажи, но сегодня не считать, а завтра, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, чтобы солдаты на вольную руку, еще до счета, могли добыть себѣ шашлыка. На завтра, несмотря на поздній счетъ, оказалось 304 лошади, около 500 штукъ рогатаго скота и 12800 барановъ. Такими распоряженіями добываютъ любовь и признательность солдата."

На обратномъ походѣ на всадниковъ напало множество осъ. „Можно было вообразить свирѣпую нетерпѣливость Алексѣя Петровича, у котораго маленькій Сѣрко былъ облѣпленъ осами. Одинъ штабный офицеръ, веселый малый, проѣзжая мимо меня, говоритъ: „Хочешь послушать, какъ старикъ ругается. Никому нѣтъ спуску, всѣ держатся отъ него подальше, и тезкѣ (Вельяминову) достается". Мы приблизились къ группѣ офицеровъ, ѣхавшихъ позади Алексѣя Петровича, и, увы, услышали, что, перебравъ всѣхъ окружающихъ (тотъ близко подъѣхалъ и осъ съ собою привезъ; этотъ, отмахивая отъ себя осъ, гонитъ ихъ на него: „ужъ пускай бы, сударь, вашу лошадь кусали, да и у васъ-то крови много у самихъ, нечего гнать ихъ на насъ", и прочее въ этомъ родѣ) онъ взялся за мірозданіе „Увѣряютъ, что все отлично-хорошо создано на свѣтѣ. Мудрецы, а все Нѣмцы! Въ халатѣ, за стаканомъ пива ему хорошо. Не угодно ли пожаловать сюда въ Кабарду, г-нъ Gelehrter! Пускай-ка осы васъ покусаютъ, да потомъ и разскажите намъ, зачѣмъ созданы осы, комары, мухи и Нѣмцы, и что отъ нихъ пользы?" Непріятное расположеніе духа выражалось въ такихъ затѣйливыхъ фразахъ и такъ отчетисто, что даже въ самыхъ мелочахъ невольно удивляли и сочетаніе мыслей, и подборъ словъ, и всегда добродушный юморъ. Доѣхали до рѣчки, текущей изъ ущелья, и осы оставили насъ. Алексѣй Петровичъ первый сталъ смѣяться надъ тѣмъ, какъ иногда ничтожное насѣкомое можетъ разстроить расположеніе духа порядочнаго человѣка и, обратился къ одному офицеру, которому сказалъ, чтобы отъѣхалъ отъ него, что онъ ему осъ привезъ: „А вы, милостивый государь, думали, что я и вправду сердился? Совсѣмъ нѣтъ: я только хотѣлъ къ вамъ придраться, чтобы хоть разъ выговоръ сдѣлать; а какъ, по отличной вашей службѣ, вы не дозволяете себѣ выговаривать, такъ вотъ я и придрался, чтобы вы не зазнавались". Такими рѣчами съ молодыми офицерами генералъ Ермоловъ привлекалъ къ себѣ сердца подчиненныхъ Если бы всѣ начальники знали, какъ ласковое слово ихъ много значитъ! Но чтобы понять это, заключаетъ Бриммеръ, надобны умъ и сердце".

Таковъ Ермоловъ въ походѣ. Посмотримъ теперь, каковъ онъ въ мирной жизни.

А. П. Ермоловъ посѣтилъ урочище Гомборы, гдѣ стояла рота Бриммера Офицеры встрѣтили его у квартиры бригаднаго командира Копылова „Здравствуйте, господа артиллеристы!" Увидѣвъ меня: „Ба! И ты тутъ, Тевтонъ? Чтó у васъ всегда такая пакостная погода? Или вы это для меня подготовили угощенье?" Онъ вошелъ въ сѣни и, замѣтивъ кипящіе самовары, развеселился. „Еще разъ здравствуйте, господа! А что, Гермогенъ Ивановичъ (Копыловъ), кажется, вы насъ чаемъ хотите напоить? И дѣло! Чтó тамъ ни говори, а лучше самовара и Нѣмецъ ничего не выдумаетъ!" Вечеромъ Алексѣй

Петровичъ играетъ въ карты (въ бостонъ). „Игра осталась за Ховеномъ, Могилевскій пасуетъ, Алексѣй Петровичъ идетъ въ вистъ. Играютъ. Все идетъ хорошо. У Алексѣя Петровича уже двѣ взятки. Ховенъ беретъ свою послѣднюю, пятую; остается на рукахъ по двѣ карты; у Алексѣя Петровича дама бубенъ отыгралась, и онъ разсчитываетъ ею взять третью взятку. Вдругъ Ховенъ ходитъ съ трефъ. Происходитъ взрывъ: Съ бубенъ, ваше превосходительство, съ бубенъ надо ходить! Я вамъ показалъ, что у меня дама бубенъ! — Да у меня бубенъ нѣтъ! — Да я не прошу съ большой — хоть съ двоечки, сударь, съ двоечки!“ И видѣть эту колоссальную голову Ермолова, вытянутую впередъ, обѣ ладони вывернутыми надъ столомъ, чуть ли не слезно-умоляющимъ голосомъ взывающаго: „хоть съ двоечки, сударь, съ двоечки!“ Когда всѣ бросили карты на столъ, оказалось, что бубенъ ни у кого не было. Говорятъ, что за ломбернымъ столомъ у него всегда вызываются подобныя убѣжденія. Онъ всегда весь въ томъ дѣлѣ, которымъ занятъ“. Замѣтимъ, что Ермоловъ никогда не игралъ за себя. Такъ какъ онъ всегда почти проигрывалъ, ибо игралъ рискованно, надѣясь на вистъ, то разъ какъ-то онъ началъ оправдывать свою горячность: „вамъ хорошо проигрывать хладнокровно свое состояніе (игра была всегда самая ничтожная), а я долженъ за игру другого стоять горой“. Вообще о поѣздкахъ Ермолова по штабъ-квартирамъ войскъ въ Грузіи Бриммеръ разсказываетъ такъ, что сильно смягчаетъ краски разсказовъ о томъ же Н. Н. Муравьева въ Запискахъ послѣдняго и этимъ подтверждаетъ, что послѣднія, несмотря на свой интересъ, слишкомъ носятъ на себѣ отпечатокъ характера ихъ автора. Кстати Бриммеръ даетъ слѣдующую, характеристику будущаго Кавказскаго намѣстника: „По службѣ педантъ до мелочности, самолюбивъ до уродливости, недовѣрчивъ до обиды; но, когда хотѣлъ, могъ быть любезенъ, привѣтливъ и незнакомыхъ даже обворожить любезностью. Что̀ въ сильномъ характерѣ называется твердостью, у него было упрямствомъ. Онъ никогда не признавалъ причинъ дѣйствій въ другомъ, но свои доводы были въ его глазахъ всегда непогрѣшимы. Человѣкъ былъ своевольный иногда до смѣшнаго, и все изъ самолюбія“.

Вотъ еще немалая заслуга Ермолова на Кавказѣ. „По Четвергамъ и по Воскресеньямъ у Алексѣя Петровича собиралось все общество Тифлиса, т. е. только мущины; иногда бывали танцы. Дамъ было весьма мало. Грузинки, только что начинали принимать участіе въ нашей жизни и, кажется, были очень обязаны генералу Ермолову, что онъ убѣдилъ мужей ихъ и отцовъ заняться серьезнѣе хлѣбопашествомъ, распахивая пустопорожнія мѣста. Это убѣжденіе, приведенное почти во всемъ краѣ въ исполненіе, дало намъ хлѣбъ, Грузинамъ — деньги, а красавицамъ — наряды. Въ послѣдніе годы его правленія войска, расположенныя въ Грузіи и Карталиніи, могли уже продовольствоваться туземнымъ хлѣбомъ, тогда какъ доставка его изъ Россіи черезъ Баку и Кавказскія горы обходилась очень дорого. И плугъ понемногу вытѣснилъ саблю изъ занятій обитателей Закавказья“.

Любовь, внушаемая личностью Алексѣя Петровича, обрисовывается въ разсказѣ Бриммера о болѣзни его въ 1825 году; а вотъ случай, показывающій,

какъ смотрѣли на него горцы. На почлегѣ у Терека, во время движенія Ермолова въ 1825 г. къ дер. Андреевой, „ему доложили, что изъ Андреевой пришли два почтенныхъ Кумыка и хотятъ его видѣть. Когда ихъ допустили къ нему, они поклонились и хотѣли уйти. Что съ ними? Вѣдь не за тѣмъ же они пришли, чтобы посмотрѣть на меня? сказалъ онъ переводчику.—Именно затѣмъ, сказали Кумыки: у насъ въ Андреѣ распустили слухъ, что ты померъ и что другой генералъ надѣлъ твой мундиръ и называетъ себя Ермолой. Вотъ какъ мы тебя видѣли прежде и знаемъ, то насъ и послали посмотрѣть, и слава Аллаху, что ты живъ; а то не удержать бы нашу молодежь!" Одинъ Кумыкъ говорилъ: „Ермолой—большой человѣкъ, ума много; онъ говоритъ, какъ кулакомъ бьетъ; мало, крѣпко и больно; это хорошо!"—„Напрасно объ Алексѣѣ Петровичѣ говорятъ, что онъ былъ жестокъ, это неправда; но онъ былъ разумно строгъ". „Этотъ харамъ-зада (собачій сынъ) всему виноватъ, говорилъ Чеченецъ-сынъ, указывая на отца, шедшаго сквозь строй; если бы не онъ, насъ бы не били теперь!" Развѣ можно быть добродушнымъ съ народомъ, изъ среды котораго сынъ ругаетъ отца? Эта разумная строгость, это неуклонное исполненіе долга при взысканіяхъ (всегда непріятныхъ для благороднаго человѣка), простое, привѣтливое обращеніе, свято исполняемое обѣщаніе, угроза ли она или милость, все это при колоссальной, могучей фигурѣ, съ нависшими бровями, умной, иногда шутливой рѣчи и знаніи Татарскаго языка, наводило страхъ на горцевъ и внушало имъ уваженіе къ одному имени „Ермолою".

„Однажды, въ Январѣ мѣсяцѣ 1826 года, въ станицѣ Червленной, мы пили чай въ его казацкой хатѣ... Алексѣй Петровичъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и раскладывалъ пасьянсъ. Онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и разсказывалъ разные случаи изъ своей военной жизни. Припомню нѣкоторые. Извѣстно, что въ Аустерлицкомъ сраженіи мы потеряли много артиллеріи. Вслѣдъ затѣмъ была Прусская кампанія, и эта потеря артиллеріи вызвала у главнокомандующаго приказъ по арміи, въ коемъ сказано было, что офицеръ, потерявшій орудіе, будетъ отданъ подъ судъ. Я командовалъ тогда артиллеріею въ авангардѣ князя Багратіона. Получивъ этотъ приказъ, я пошелъ къ князю и говорю ему, что этотъ приказъ дичь, что его могъ написать только Нѣмецъ.

— Говори, да не ругайся, сказалъ Багратіонъ.

— Если за потерю орудія артиллерійскаго офицера будутъ отдавать подъ судъ, то онъ почтетъ первою святою обязанностью своею не дѣйствовать по непріятелю и сколь возможно болѣе вредить ему, но сохранять въ цѣлости орудія, и потому не будетъ выжидать не только пѣхотнаго наступленія, но и кавалерійской атаки, а проворнѣе удеретъ, чтобъ не попасть подъ судъ. Артиллерія должна дѣйствовать до-нельзя: четыре картечныхъ выстрѣла по наступающей пѣхотѣ и непремѣнно два по кавалеріи. Если не охладятъ ихъ жаръ; если орудія будутъ потеряны, то они окупились сильнымъ вредомъ, сдѣланнымъ непріятелю. Орудіе—кусокъ металла, а честь артиллерійскаго офицера дороже.

Я замолчалъ. Князь Багратіонъ выслушавъ меня, спрашиваетъ: — И все-таки приказъ отданъ; что-жъ тутъ дѣлать? — Я свой отдамъ приказъ по авангардной артиллеріи.—Ну, дѣлай, какъ знаешь!

Я отдалъ приказъ, согласно того, что̀ высказалъ князю, и кончилъ его увѣренностью, что ни одинъ артиллерійскій офицеръ не захочетъ подвергнуться военному суду за раннее оставленіе позиціи.

Чрезъ нѣкоторое время Александръ I догналъ однажды авангардъ и спросилъ, между прочимъ, Ермолова· „Какъ ты это позволилъ себѣ отдать приказъ по авангардной артиллеріи, совершенно противорѣчащій приказу главнокомандующаго?

— Ваше Величество, приказъ главнокомандующаго поставилъ артиллерійскаго офицера въ постыдное положеніе забыть присягу, данную Вашему Величеству: служить вѣрою и честію до послѣдней капли крови. Нѣтъ страшнѣе наказанія офицеру, какъ угроза подъ судъ.

И я разсказалъ что̀ говорилъ Багратіону.

— Полагаю, что ты правъ. А главнокомандующій сердитъ?

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ермоловъ замолчалъ. Я воспользовался минутой и спросилъ его: Ваше высокопревосходительство, дозвольте спросить у васъ, правда ли, что вы Нѣмцевъ не жалуете?

— Ну, братецъ, нельзя сказать, чтобы я горячо любилъ вашу братію; но, вѣдь, случаются же и между вами хорошіе люди; вотъ Бистромъ — дѣйствительно человѣкъ безстрашный, я любилъ его*). Есть, есть и между вами порядочные люди; но вѣдь это все Тевтоны.

— Ну, а про ваше выс-ство говорятъ, что вы Нѣмцевъ совсѣмъ терпѣть не можете, и Богъ знаетъ, что̀ разсказываютъ.

— Ну, чтоже разсказываютъ? Говори.

— Будто вы главную квартиру фельдмаршала Барклая называли Нѣмецкою колоніею.

— Ну да, тамъ и была Нѣмецкая колонія.

— Что въ 14-мъ году, пріѣхавши въ Варшаву, вы пришли къ разводу и, озираясь кругомъ, будто ищете кого, подходите къ коменданту главной квартиры генералу Безродному (Ермоловъ улыбается) и по-нѣмецки что-то его спрашиваете. „Я не говорю по-нѣмецки, отвѣчаетъ вамъ комендантъ; я Русскій".—„Русскій! землякъ! говорите вы, обрадовавшись: я думалъ, что тутъ все Нѣмцы; ну вотъ хоть одинъ Русскій, да и тотъ безродный!"

— Хорошій человѣкъ былъ этотъ Безродный, промолвилъ Ермоловъ. Русскихъ такъ мало было въ главной квартирѣ, что ихъ, точно, искать надо было. Ну, что жъ еще разсказываютъ?

— Вотъ и объ Аракчеевѣ говорятъ, что онъ, инспектируя роту вашего высок ства, нашелъ, что лошади не въ порядкѣ и выговаривалъ вамъ, ска-

*) Въ бесѣдахъ съ А. П. Ермоловымъ (1854 г.), намъ случалось слышать отъ него большія похвалы графу Петру Петровичу Палену. П. Б.

залъ, что этакъ рота репутацію потеряетъ; а вы ему въ отвѣтъ: точно, ваше прев—ство, нынѣ репутація артиллерійскаго офицера отъ скотовъ зависитъ!

— Ужъ будто я такъ сказалъ? Чего не наговорятъ! Алексѣй Андреевичъ былъ очень ко мнѣ расположенъ, и продолжалъ уже объ Аракчеевѣ.

Можетъ показаться страннымъ, что молодой офицеръ позволялъ себѣ такіе разговоры съ высокимъ начальникомъ, но Алексѣй Петровичъ любилъ свободное обхожденіе, а моя непринужденность, никогда не выходившая изъ границъ, и усердная служба, видимо, нравились ему. Такая болтовня за пасьянсомъ была ему отдыхомъ.

Что подобное отношеніе къ подчиненнымъ (примѣровъ его еще много разсѣяно въ Запискахъ Бриммера) не вредило службѣ, лучше всего доказывается и тѣмъ, что̀ сдѣлано Алексѣмъ Петровичемъ съ ничтожными средствами на Кавказѣ, и тою плеядою дѣятелей, которая была оставлена имъ въ наслѣдство своимъ пріемникамъ, къ числу которой принадлежалъ авторъ воспоминаній, достигшій высшихъ служебныхъ положеній.

Примѣръ отношеній къ солдату мы видѣли во время Кабардинской экспедиціи; а вотъ какъ въ Августѣ 1826 г. встрѣчалъ онъ свой „геройскій легіонъ“, какъ онъ называлъ Ширванскій полкъ. „Чтобы ускорить прибытіе ихъ, Алексѣй Петровичъ написалъ командовавшему двумя баталіонами подполк. Ускову коротенькое письмо, въ коемъ фраза: „расправьте крылья, Кавказскіе орлы, и спѣшите бить Персіянъ“, прочтенная Усковымъ солдатамъ и офицерамъ, замѣнила маршрутъ. Полкъ дѣлалъ до 50-ти и болѣе верстъ въ сутки и не оставилъ ни одного больного или отсталаго на разстояніи 300 слишкомъ верстъ. Можно представить себѣ контрастъ: гвардейскій полкъ при вступленіи въ городъ былъ одѣтъ въ мундиры, со всевозможною опрятностью, а за нимъ шли два баталіона Ширванскаго полка въ походной формѣ, т. е. въ шинеляхъ, вмѣсто ранцевъ—Кавказскіе мѣшечки черезъ плечо, въ фуражкахъ; у офицеровъ вмѣсто шпагъ шашки. Едва прошли мимо корпуснаго командира, какъ передъ баталіонами пѣсенники затянули родныя Русскія солдатскія пѣсни. Проходили по отдѣленіямъ, при чемъ Ширванцы такъ и пожирали глазами любимаго начальника, а онъ — кому привѣтливое слово, кому головой кивнетъ; то слышны „здравствуй, молодецъ Петровъ!“, то—„здорово, Сидоровъ!“, то—„спасибо, ребята, что поторопились!“ и т. д. А генералъ-адъютантъ Паскевичъ стоитъ тутъ же, подлѣ Ермолова, и только что не пожимаетъ плечами, слыша привѣтствія, отпускаемыя Алексѣемъ Петровичемъ этимъ оборванцамъ, и громкое, радостное: „рады стараться!“

Сердечныя отношенія, вытекавшія изъ подобныхъ отношеній и немало способствовавшія и успѣхамъ служебнаго дѣла, видны въ разсказѣ Бриммера о встрѣчѣ его въ Екатериноградѣ съ уѣзжавшимъ въ Россію Ермоловымъ.

— Онъ принялъ меня, какъ роднаго, оставилъ пить чай и продержалъ часа два... Раскладывая пасьянсъ, говорилъ о своемъ смѣщеніи, какъ Дибичъ, присланный Государемъ, усердно работалъ съ нимъ, какъ онъ выспрашивалъ его о всѣхъ приготовленіяхъ, о средствахъ края и ожидаемыхъ изъ Россіи, а также мнѣнія Алексѣя Петровича о планѣ кампаніи. И когда все это было

у него въ карманѣ, прибавилъ Ермоловъ, онъ выждалъ перваго курьера изъ Петербурга и предъявилъ мнѣ высочайшій приказъ, бывшій у него давно за пазухой.

Когда онъ кончилъ, и могучая голова какъ бы съ неудовольствіемъ наклонилась, я хотѣлъ что-то сказать и остановился. Алексѣй Петровичъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня.

— Ты что-то хотѣлъ сказать, говори.

— Извините, ваше высокопр., такъ, ничего.

— Говори, Тевтонъ! Что̀ ты хотѣлъ сказать?

— Да вотъ, ваше высокопр., мы всѣ думали, что если бы вы на коронацію да поѣхали къ Государю, то всѣхъ бы ихъ тамъ, Петербургскихъ-то, за поясъ заткнули.

Онъ молчалъ и, Богъ вѣсть, не сознавалъ ли въ эту минуту справедливости общаго желанія, выраженнаго въ моей простой рѣчи. Я всталъ, чтобы откланяться. Алексѣй Петровичъ поцѣловалъ меня.

— Прощай, Тевтонъ; прощай, лучшій изъ Нѣмцевъ! Служи хорошенько, чтобы видѣли, что я отличалъ дѣльныхъ офицеровъ. Растроганный, прослезившись, я вышелъ отъ этого необыкновеннаго человѣка.

Благородный *Тевтонъ* оканчиваетъ такъ свои воспоминанія объ Алексѣѣ Петровичѣ:

„Противникамъ его (а у него ихъ было много) я скажу кратко: всякій человѣкъ имѣетъ недостатки; но пускай эти господа заставятъ уважать и любить себя такъ безгранично, какъ уважали и любили Алексѣя Петровича Ермолова, кто его зналъ, и тогда пускай тѣшатся и бросаютъ камни въ его огородъ“.

*

Заключимъ нашу замѣтку благодарностью генералу Чернявскому, редактору „Кавказскаго Сборника“ за помѣщеніе на его страницахъ Записокъ Э. В. Бриммера, и пожеланіемъ, чтобы продолженіе этихъ высоко-интересныхъ Записокъ не заставило себя долго ждать. Онѣ дѣлаютъ честь, какъ внушившему ихъ, такъ и писавшему.

Е. Козубскій.

Т.-Х.-Шура,
23 Іюля 1894 года.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1834-й годъ *).

1-го Января провелъ я утро во дворцѣ, а вечеръ въ придворномъ маскарадѣ, на коемъ, полагаютъ, было до 40.000 народа. Съ тѣхъ поръ я провожу время въ самыхъ несносныхъ и безпокойныхъ визитахъ. На дняхъ былъ я у Бенкендорфа, дабы благодарить его за участіе, которое онъ принялъ въ переводѣ брата Александра въ Вятку, со всѣмъ получаемымъ имъ нынѣ содержаніемъ. Послѣ того онъ спросилъ меня, что̀ я располагалъ дѣлать. Я отвѣчалъ, что я нахожусь нынѣ здѣсь безъ дѣла; но онъ прервалъ рѣчь мою, изъявивъ, сколько положеніе мое должно нынѣ быть пріятно: ибо первое лестное порученіе, которое встрѣтится, вѣрно мнѣ дадутъ, а между тѣмъ я провожу время на свободѣ. Давъ ему досказать ошибочное мнѣніе его, основанное на его собственныхъ понятіяхъ, не постигающихъ другихъ наслажденій кромѣ праздной придворной жизни, я, къ удивленію его, отвѣчалъ, что рѣдко когда либо находился въ такомъ скучномъ и затруднительномъ положеніи какъ нынѣ; что по привычкѣ къ дѣятельной жизни, которую велъ въ теченіи 23 лѣтъ, я не могу свыкнуться съ настоящимъ положеніемъ моимъ и желалъ бы имѣть назначеніе внѣ столицы, гдѣ и состояніе мое позволило бы жить лучше чѣмъ здѣсь, между тѣмъ какъ я остаюсь здѣсь въ трактирѣ, въ ожиданіи ежеминутно поѣздки и не имѣя своего угла. «Хотите, чтобы я сіе Государю сказалъ?»—Скажите. Я бы и самъ не скрылъ отъ Его Величества, что мнѣ здѣсь скучно, еслибы имѣлъ на то случай.

8-го числа я былъ дежурный. Бенкендорфъ, выходя отъ Государя, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ сообщилъ Его Величеству все сказанное мною и что Государь приказалъ ему сказать мнѣ, что онъ не можетъ мнѣ дать дивизіи, а корпусовъ вакантныхъ теперь не имѣется и что потому я долженъ ждать; что я могу ѣхать въ отпускъ

*) См. въ VIII-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“.

для свиданія съ отцемъ, но не болѣе какъ на одинъ мѣсяцъ, а что между тѣмъ мое мѣсто при немъ. Il a son chez-soi auprès de moi. —Arrangez vous en conséquence, сказалъ Бенкендорфъ и ушелъ [1]).

Я былъ въ твердомъ намѣреніи лично доложить Государю о себѣ при первомъ случаѣ, который въ тотъ же день представился.

Я былъ приглашенъ къ обѣду у Государыни. Императрица, вышедши прежде, обратилась ко мнѣ и спросила о разводѣ того дня, коимъ Государь былъ очень доволенъ. Я изъявилъ свое восхищеніе, видѣвъ правильныя движенія Семеновскаго баталіона и отличную чистоту въ отдѣлкѣ ружейныхъ пріемовъ. N'est-ce pas, ils ont l'air de poupées? сказала она, дабы изловить меня. Point du tout, Votre Majesté. Je leur trouve l'air très martial. C'est le cas aux gardes, où les hommes sont si biens choisis, surtout au régiment de Pavlowsk [2]). И переводя такимъ образомъ разговоръ на другой предметъ, мы стали оба выхвалять видъ и одежду гренадеръ сего полка.

Вскорѣ вошелъ Государь, и сѣли за столъ, за коимъ были графъ П. П. Паленъ, графъ П. А. Толстой, князь П. М. Волконскій, я, дежурный флигель-адъютантъ Лужинъ, графъ Головинъ и фрейлина графиня Тизенгаузенъ. Во время обѣда Государь спросилъ меня, часто ли я бываю у Ахметъ-паши.—Нынѣ рѣже прежняго. «Неблагодарный! А почему же?»—Потому что онъ рѣдко у меня бываетъ.—«И онъ неблагодарный! Да что же такъ?»—Онъ сталъ важничать, и его нынѣ узнать нельзя. Впрочемъ я у него былъ съ недѣлю тому назадъ.—«И что же, онъ не принялъ тебя?»—Нѣтъ, онъ сего сдѣлать не смѣетъ.—«Вотъ какъ! Что же онъ дома дѣлаетъ?»—Я засталъ его, что онъ ходитъ около столовъ своихъ, уставленныхъ подарками съ фарфоровыхъ и хрустальныхъ заводовъ, коими его надѣлили и которые его очень занимаютъ. Онъ показывалъ мнѣ и модели орудій морскихъ, которыя онъ хочетъ подарить адмиралу ихъ Тагиръ-пашѣ и которыя онъ доставалъ изъ-подъ кровати своей, гдѣ онѣ были спрятаны. Государь смѣялся сему и сказалъ: «Каково же! Въ дипломатикѣ есть правило, что посолъ, прежде пріѣхавшій, есть старшій, и потому на представленіяхъ, или когда наши послы вмѣстѣ, то первое мѣсто занимаетъ Австрійскій посолъ, второе Турецкій, а третье прежде всѣхъ Французскій маршалъ Мезонъ».

Стали говорить объ одеждѣ Турокъ и эполетахъ ихъ. Они здѣсь только завелись ими, сказалъ я Государю; здѣсь себѣ и шитье на во-

---

[1]) Его домашній уголъ при мнѣ.—Устройтесь согласно этому.

[2]) Не правда-ли, что они похожи на куколъ?—Вовсе нѣтъ, Ваше Величество. Я нахожу, что у нихъ видъ очень воинственный. Такова гвардія, куда набирается такой отличный народъ, особенно въ Павловскомъ полку.

ротникахъ надѣлали; тамъ они ходили безъ оныхъ. Логофетъ, напримѣръ, въ Царьградѣ носилъ солдатскую шинель, которую ему султанъ за отличіе пожаловалъ и которой полы по землѣ волочились. Я имъ за отличіе давалъ выношенныя эполеты всякаго рода, и они съ радостью надѣвали ихъ.—«Онъ жаловалъ у нихъ въ чины! сказалъ Государь смѣючись. Видѣлъ-ли ты рисунки Шифлорда?»—Видѣлъ въ чернѣ.—«Постой, я тебѣ ихъ покажу» и приказалъ послать за ними; но ихъ, не знаю почему, не принесли. Я сказалъ, что у меня есть и рисунокъ камня сего, вновь присланный съ изображеніемъ Турецкой надписи.—«И на моемъ рисункѣ есть Турецкая надпись, сказалъ Государь. Такъ Шифлордъ вѣрно съ моего срисовалъ! Однакоже, продолжалъ Государь, знаешь-ли, что ты начинаешь толстѣть съ пріѣзда твоего?»—Нѣсколько растолстѣлъ, Ваше Величество.—«Вѣдь это не хорошо».—Дѣла не имѣю, Ваше Величество, отвѣчалъ я.—«Я зналъ, что ты это скажешь, повторилъ Государь, нѣсколько разъ погрозившись на меня въ шутку. Да какъ же быть? Вотъ подожди: князь Меньшиковъ пріѣдетъ. Не встрѣтится-ли тогда дѣло для тебя? Я его только ожидаю». —Когда онъ пріѣдетъ, какъ слышно?—«Я слышалъ, что въ началѣ Февраля мѣсяца». Всякій сказалъ, чтò онъ посему слышалъ, и разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ.

Хотя Государь мнѣ велѣлъ въ тотъ день шарфъ скинуть, но онъ не сказалъ мнѣ домой ѣхать; а потому я остался на дежурствѣ, въ назначенной во дворцѣ комнатѣ, до другаго утра, въ которое и смѣнился послѣ развода.

И такъ мнѣ теперь остается ждать порученія или назначенія; въ отпускъ же на срокъ, и короткій, я не располагаю ѣхать.

11-го пріѣзжалъ ко мнѣ братъ Мордвиновъ, который сказалъ мнѣ, что онъ снова сообщилъ Бенкендорфу мой образъ мыслей на счетъ служенія въ Петербургѣ и что, не соглашаясь на сіе, я вѣрно приму мѣры свои и удалюсь отъ службы, при всемъ желаніи моемъ продолжать оную. Бенкендорфъ долго не могъ понять сего образа мыслей, совершенно противнаго его понятіямъ и, приписывая сіе къ видамъ честолюбія моего, выразился сгоряча довольно неприлично, сказавъ: Ces Russes ne sont jamais contents de rien; ils veulent toujours plus avoir. Voilà maintenant Kisseleff, qui est trop grand seigneur pour commander un corps et qui n'en veut pas *). На это Мордвиновъ ему отвѣчалъ, что конечно Русскіе правы и что въ Германіи можно только видѣть почтмейстеровъ, по 25 лѣтъ на одномъ мѣстѣ остающихся, но что, напро-

*) Эти Русскіе никогда ничѣмъ недовольны; имъ все хочется больше. Вотъ теперь Киселевъ слишкомъ большой баринъ, чтобы командовать корпусомъ, и не хочетъ его.

тивъ того, я движимъ не видами честолюбія, а умѣренности, когда отказываюсь отъ лестнаго служенія при лицѣ Государя.

Вникъ ли Бенкендорфъ въ сіе, какъ должно, только онъ сіе передалъ Государю, который согласился дать мнѣ назначеніе внѣ столицы и сказалъ, что я буду у него Азіатскимъ генераломъ, предположивъ мнѣ дать 6-й корпусъ, отъ командованія коего Киселевъ просился.

И такъ я остаюсь теперь въ ожиданіи сего назначенія; порученіе же, которое мнѣ Государь хотѣлъ дать по возвращеніи князя Меншикова, миновалось.

15-го ввечеру выѣхалъ отсюда обратно въ Гродно братъ Михайло, получивъ въ нынѣшній пріѣздъ корону на орденъ св. Анны 1-й степени, чего домогался уже въ послѣдніе дни своего пребыванія здѣсь черезъ князя Н. А. Долгорукаго.

18-го. Я былъ дежурнымъ. Государь, послѣ занятій вышедши, дабы ѣхать куда-то съ принцемъ Оранскимъ, спросилъ меня только о здоровьи и отпустилъ домой.

20-го ввечеру я былъ у военнаго министра, который между разговоромъ сказывалъ мнѣ, что не проходитъ одного доклада его у Государя, чтобы Его Величество не говорилъ ему обо мнѣ съ различными предположеніями для помѣщенія меня и что повидимому намѣреніе Государя состоитъ въ томъ, чтобы оставить меня при себѣ. Графъ Чернышовъ, можетъ быть и вѣроятно, не зналъ про сказанное Государемъ Бенкендорфу касательно меня; но случай сей доказываетъ мнѣ, что я не могу надѣяться на прочное назначеніе для меня и долженъ имѣть въ виду продолженіе того безполезнаго и скучнаго существованія, которое я веду здѣсь въ Петербургѣ.

26-го, въ 11-мъ часу утра, военный министръ послалъ за мною; я поѣхалъ и въ пріемной комнатѣ министерства встрѣтилъ Нейдгарда, выходящаго отъ министра. Видъ его былъ веселый, и онъ мнѣ немедленно сообщилъ, что назначенъ командиромъ 1-го корпуса на мѣсто Палена. Я тотъ же часъ догадался, что меня готовятъ на его мѣсто генералъ-квартирмейстеромъ. Я вскорѣ былъ позванъ къ министру, который, отведши меня въ сторону, началъ съ того, что объявилъ мнѣ желаніе Государя, дабы я поступилъ на сіе мѣсто и спросилъ меня, согласенъ ли оное принять. Я отвѣчалъ, что не считаю себѣ въ правѣ противиться волѣ Государя, но я не признаю въ себѣ силъ соотвѣтствовать такому назначенію. Два раза онъ домогался моего согласія и спрашивалъ, чтò ему Государю доложить, и я тоже отвѣчалъ. Наконецъ онъ сказалъ, что доложитъ Государю о моемъ согласіи, что онъ въ особенности будетъ доволенъ со мною служить, будетъ считать меня за ближняго, за друга, за брата и, обнявши меня, сказалъ, что въ

семъ мѣстѣ мнѣ только надобно будетъ имѣть нѣкоторыя уваженія къ генералъ-лейтенанту Шуберту, съ коимъ Нейдгардъ умѣлъ ладить. Онъ описалъ мнѣ квартиру, которую я буду занимать, и всѣ прелести сего назначенія. Я не отвѣчалъ и не изъявилъ согласія, но не смѣлъ и явно объявить моего неудовольствія въ присутствіи многихъ, когда порученіе шло отъ Государя. Во все время разговора министръ, какъ будто опасаясь поднять на меня глаза, смотрѣлъ въ сторону: онъ бы могъ въ глазахъ моихъ видѣть мой образъ мыслей. Но онъ думалъ заманить меня и воспользоваться скромностью моей и, изъявивши мнѣ подобнымъ образомъ удовольствіе свое, черезъ пять минутъ отпустилъ меня, какъ будто окончивши дѣло и взявши съ меня слово.

Мѣсто генералъ-квартирмейстера, которое считается здѣсь важнымъ и которое должно рушиться съ переводомъ Нейдгарда (ибо по преобразованіи министерства предполагалось уничтожить весь штабъ и имѣть только департаментъ генеральнаго штаба), совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ни видамъ моимъ, ни желаніямъ. Не любя службу сію, отъ коей я уже два раза отдѣлывался въ теченіи жизни моей, не признавая даже существенность оной (ибо она неопредѣлена никакимъ уставомъ или постановленіями и наполнена молодыми людьми, коихъ воспитываютъ въ тѣхъ мысляхъ, что они должны быть дядьками и наставниками генераловъ, къ коимъ ихъ посылаютъ), я имѣю къ ней отвращеніе и не признаю ее, и потому никогда не допускалъ офицеровъ сихъ къ себѣ во время войны. Съ такими правилами трудно было бы управить корпусомъ, коего назначеніе столь различно отъ моихъ понятій. При томъ же жизнь въ столицѣ, гдѣ и сію даже, пустую, мнимую службу нельзя исполнить съ точностью по безпрерывной суетѣ и собраніямъ при дворцѣ, на парадахъ, маневрахъ и разводахъ, – всѣ сіи причины, вмѣстѣ соединенныя, противились тому, чтобы я принялъ сіе мѣсто съ удовольствіемъ. Вышедши отъ Чернышова, который со мною такъ ложно поступилъ, я зашелъ къ Нейдгарду въ его канцелярію.

Нейдгардъ поздравлялъ меня съ симъ назначеніемъ, говоря, что это собственная мысль Государя и что Чернышовъ весьма досадуетъ, что самъ не предложилъ оной. Но я сказалъ Нейдгарду, что я твердо рѣшился не принимать сего мѣста. Онъ сталъ увѣрять меня, что я черезъ шесть мѣсяцевъ найду средство изъ онаго выдти; но я отвѣчалъ, что я просилъ не совѣтовъ его какъ выдти, но какъ теперь отдѣлаться; ибо я пребывалъ въ твердомъ намѣреніи пожертвовать и службою своею съ тѣмъ, чтобы не быть генераломъ-квартирмейстеромъ, и при томъ предложилъ ему посмотрѣться со мною въ зеркало, дабы увидѣть разность лицъ нашихъ при сихъ назначеніяхъ. Нейдгардъ не умѣлъ мнѣ дать совѣта сего, когда увидѣлъ, что никакія убѣжденія

не могли на меня болѣе дѣйствовать, и сказалъ, что онъ ничего не можетъ болѣе сдѣлать какъ передать дня черезъ два или три въ точности слова мои военному министру.

Я вышелъ и отправился къ графу Орлову, коему объяснилъ случай сей съ жаромъ. Орловъ винилъ меня, что я съ перваго раза не отвѣчалъ довольно сильно и опредѣлительно министру; я отозвался тѣмъ, что не смѣлъ сего сдѣлать, когда порученіе сіе шло отъ имени Государя, но что я готовъ въ отставку выдти, но не останусь въ семъ званіи. Орловъ обѣщался мнѣ помочь и между тѣмъ совѣтовалъ мнѣ написать письмо къ графу Чернышову.

Съѣздивъ домой, я написалъ письмо слѣдующаго содержанія: «Ваше сіятельство, милостивый государь! Съ безпредѣльною покорностью къ волѣ Его Императорскаго Величества я сего утра имѣлъ честь доложить вашему сіятельству, что, не смѣя отказываться отъ принятія назначенія, коего Его Величеству угодно меня удостоить, я не признавалъ въ себѣ силъ для исполненія сей новой обязанности съ пользою для службы, и потому не надѣялся, при постоянномъ усердіи моемъ, соотвѣтствовать лестному званію генералъ-квартирмейстера, на меня возлагаемому. Съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе вникая въ новый родъ обязанности, мнѣ предстоящей и съ основательностью соразмѣривъ оную съ силами своими, я счелъ долгомъ еще представить вашему сіятельству образъ мыслей моихъ, кои, по краткости времени, я не могъ изложить передъ вами изустно въ подробности, опасаясь отвлечь васъ отъ занятій вашихъ и не выразить вполнѣ моихъ чувствованій, какъ передъ начальникомъ, коему я не умѣю противорѣчить».

«Въ теченіе службы моей, я два раза уже находился въ генеральномъ штабѣ и два раза оставлялъ сей корпусъ, потому что не имѣлъ склонности къ сего рода занятіямъ и посвятилъ себя совершенно службѣ въ арміи, какъ болѣе соотвѣтствующей и свойствамъ, и привычкамъ моимъ, и нынѣ убѣдительнѣйше прошу васъ принять на себя ходатайство о неназначеніи меня генералъ-квартирмейстеромъ, а о представленіи мнѣ прежняго поприща моего въ арміи».

«Я не рѣшился бы прибѣгнуть къ мѣрѣ, мною теперь предпринимаемой, еслибы я не былъ увѣренъ, что во всякой другой должности, коей меня удостоитъ Государь Императоръ, я всегда буду подъ начальствомъ вашимъ; ибо я уже съ прошедшаго года началъ цѣнить сію лестную и пріятную зависимость, и ближайшее знаніе оной побуждаетъ меня и въ семъ случаѣ прибѣгнуть къ вамъ съ надеждою, что вы уважете просьбу мою, изложенную съ совершенною довѣренностью къ вашему милостивому расположенію: представить Его Величеству готовность мою къ исполненію священной воли его, но вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе мое не быть генералъ-квартирмейстеромъ, коего званіе я со всевозможнымъ усердіемъ никогда не оправдаю по неопытности въ семъ родѣ службы и занятій, мнѣ уже давно чуждымъ».

Письмо сіе было немедленно послано и получено военнымъ министромъ за обѣдомъ. Часа черезъ два послѣ онаго пріѣхалъ отъ него

фельдъегеръ съ приглашеніемъ меня къ графу къ половинѣ девятаго часа вечера. Въ назначенное время я явился. Графъ Чернышовъ началъ съ длинной рѣчи, которую онъ произнесъ съ запинаніями и съ опущенными глазами и въ которой онъ изъявилъ свое удивленіе видѣть, что письмо сіе содержало совсѣмъ иное отъ сказаннаго ему поутру, и между тѣмъ старался убѣдить меня къ принятію назначенія, коего онъ представлялъ мнѣ выгоды и въ настоящемъ, и въ будущемъ, говоря, что оно поведетъ меня къ лучшему еще мѣсту и тому подобное. «Вы теперь въ такомъ положеніи, сказалъ онъ, что вамъ нельзя дать дивизіи; корпуса также нельзя дать, потому есть много старшихъ васъ, и потому это мѣсто будетъ только занятіемъ вашимъ до первой вакансіи».

Сіе могло быть послѣдствіемъ того, что Государь уже черезъ Бенкендорфа обѣщался дать мнѣ корпусъ. Чернышовъ изъ зависти и досады за сіе не допуститъ меня до званія корпуснаго командира. Я видѣлъ сіе. Но я уже твердо рѣшился, во что бы ни стало, не принимать сего назначенія, въ коемъ я бы остался вѣкъ чернорабочимъ у министра, гдѣ безконечные труды мои стались бы въ глуши для собственной его пользы и безъ всякаго поощренія, какъ и послѣдняя моя Египетская экспедиція, умѣрившая совершенно мой видъ честолюбія. Выслушавъ графа, я сказалъ ему, что я никакъ не отрекаюсь отъ сказаннаго мною поутру, что не смѣю противиться волѣ Государя и примусь немедленно за сію должность, противную моимъ видамъ и желаніямъ.

«Государь желаетъ вашего согласія».—Я не могу дать согласія своего въ дѣлѣ, въ коемъ не въ правѣ отказывать.—«Объясните же мнѣ причины вашего нежеланія».—Я не люблю службы генеральнаго штаба, два раза выходилъ изъ оной и буду не на своемъ мѣстѣ, имѣя подъ начальствомъ офицеровъ, коихъ обязанности не опредѣлены и кои я не признаю существенными. Какое я буду въ состояніи имъ дать направленіе, когда понятія мои столь различны отъ принятыхъ всѣми, когда я по сей причинѣ никогда не допускалъ къ себѣ офицеровъ генеральнаго штаба? Я не вѣрю и службѣ сей, коей цѣли и предназначенія не постигаю.—«Мы не имѣемъ права такъ обсуждать предметы и по долгу службы должны только исполнять возлагаемое на насъ. Такъ и я, будучи военнымъ министромъ, вижу множество вещей въ кругу дѣйствій моихъ, которыя бы я считалъ нужнымъ преобразовать, но не вступаюсь въ сіе, какъ въ предметъ не до меня касающійся, и ограничиваюсь однимъ исполненіемъ воли Государя, отъ коего усмотрѣнія преобразованія сіи зависятъ».

Недостойный отзывъ сей исполнялъ меня отвращенія къ нему.

Онъ продолжалъ уговаривать меня, увѣряя, что, въ случаѣ какой либо экспедиціи, она непремѣнно мнѣ поручится и что такъ какъ нынѣ предвидилось нападеніе Французовъ съ Англичанами на Петербургъ, то я непремѣнно буду имѣть лестное командованіе въ семъ случаѣ. Но обманчивыя рѣчи сіи не обольстили меня: ибо я ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы имѣть команды въ присутствіи всей столицы, гдѣ бы я имѣлъ нѣсколько сотъ начальниковъ и завистниковъ, которые бы сложили на меня вину всѣхъ ихъ безразсудностей. Я не могъ сказать сего министру; но, продолжая отказываться, сказалъ, что новое назначеніе генералъ-квартирмейстера считалъ я неизбѣжною гибелью моею, потому что я не чувствовалъ въ себѣ способности исполнить свои обязанности къ его удовольствію и лишусь черезъ сіе его довѣренности, а потому и считалъ сіе концемъ моего служебнаго поприща; что, служа при немъ, я буду ему болѣе въ тягость, чѣмъ въ пользу.

Чернышовъ тогда обратился ко мнѣ съ жаромъ и спросилъ, знаю ли я послѣдствія отъ такого рода сужденія и поступковъ. «Какъ? продолжалъ онъ, вы считаетесь при лицѣ Государя, чего ничего не можетъ быть лестнѣе. Вы генералъ-адъютантъ. Государь хочетъ васъ отличить еще отъ среды вашихъ сослуживцевъ, приближая васъ еще къ себѣ и возводя въ званіе, полученіемъ коего всякій почелъ бы себя счастливымъ, и вы можете отказываться?»

Въ семъ случаѣ хладнокровіе всего было нужнѣе съ моей стороны, и я, не перемѣняясь въ лицѣ, голосѣ и положеніи своемъ, отвѣчалъ ему, что рѣшеніе мое опредѣлено прежними отвѣтами моими, что я разсудилъ и о послѣдствіи; а потому, будучи готовъ къ исполненію воли Его Величества, я былъ готовъ и къ послѣдствіямъ, которыя могутъ произойти отъ мнѣнія и поступковъ моихъ, при коихъ я всегда останусь, и что если излагаемыя мною мнѣнія должны бы погубить и всю службу мою и повергнуть меня въ немилость, то я сочту сіе за судьбу свою, fatalité, коей я не могъ избѣгнуть: смирюсь передъ оною и перенесу съ терпѣніемъ.—«Какъ? Вы, умный человѣкъ, говорите мнѣ о судьбѣ! Что̀ вы говорите?»—Назовите это волею Божіею, которая мною руководитъ и коей я покоряюсь.—«Признаюсь вамъ, сказалъ Чернышовъ, перемѣнивъ голосъ, что изъ всего, вами сказаннаго, я ничего не понялъ».—Сіе служитъ вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я не могу занять мѣста мнѣ предлагаемаго.

Онъ находилъ сужденія мои неосновательными.—Вотъ еще, сказалъ я, одна причина, по коей я не могу служить въ семъ званіи и корпусѣ: продолжая долгое время службу свою въ арміи, я привыкъ находиться только въ сношеніяхъ двоякаго рода, повиноваться и пове-

лѣвать...»—Онъ прервалъ меня съ угрожающимъ голосомъ. «Какъ? Развѣ вы думаете, что я не буду умѣть васъ понудить къ повиновенію? Вы ошибаетесь, сударь; я умѣю повелѣвать: у меня это и въ правилахъ, и въ характерѣ, и принадлежитъ къ званію моему. Я умѣлъ понудить иныхъ, какъ васъ, къ повиновенію. Что́ вы думаете о моей власти?» Съ тѣмъ же хладнокровіемъ я сказалъ ему, что вѣрно не подалъ бы повода понуждать себя къ повиновенію; но что къ сему выраженію моему послужило поводомъ то, что́ онъ мнѣ поутру сказалъ, что надобно мнѣ будетъ имѣть нѣкоторыя уваженія къ генералъ-лейтенанту Шуберту, чего я не разумѣлъ: ибо если Шубертъ мнѣ подчиненный, то сношенія мои съ нимъ не должны выходить, по понятіямъ моимъ, изъ общаго круга начальника съ младшимъ и опредѣлялись уже нашимъ старшинствомъ.

Онъ остановился и опять перемѣнилъ голосъ. «Я, можетъ быть, сего утра вамъ не хорошо объяснился, сказалъ онъ. Шубертъ вашъ подчиненный, и таковы сношенія ваши съ нимъ; но люди бываютъ различныхъ свойствъ и требуетъ различнаго обхожденія. Знаете-ли вы, въ какое положеніе вы и меня поставили? Я давича еще послалъ въ Инспекторскій Департаментъ приказаніе помѣстить ваше назначеніе въ Высочайшихъ приказахъ, и что́ я завтра доложу Государю? Скажите мнѣ, я право не знаю».—Доложите Его Величеству только то, что́ ваше сіятельство изволили отъ меня слышать, и Государь вѣрно пойметъ меня. Меня безпокоитъ только то, чтобы Государь не счелъ меня неблагодарнымъ къ милостямъ его; но я счастливъ былъ бы ему доказать противное и пролить кровь свою за него. Полагаясь на милостивое расположеніе ваше, я не сомнѣваюсь, что вы доложите о семъ Его Величеству въ такомъ видѣ и что я не пострадку за искреннее изложеніе передъ вами правилъ моихъ.

Мы разстались. Графъ Чернышовъ не могъ быть доволенъ упорствомъ, во мнѣ найденномъ; но и я послѣ сего не могъ бы болѣе согласиться служить съ человѣкомъ, старавшимся лишь склонить меня къ себѣ угрозами.

Отъ министра я поѣхалъ прямо къ графу Орлову, которому разсказалъ все случившееся и который уже говорилъ о семъ съ Чернышовымъ по полученіи письма моего. Орловъ сказалъ мнѣ, что министръ обвинялъ его, будто онъ причиною сего назначенія моего; но Орловъ оправдывался отъ сего, говоря, что онъ самъ въ душѣ своей увѣренъ былъ, что эта должность мнѣ не по лицу, находя меня неспособнымъ къ неопредѣлительнымъ должностямъ по правиламъ моимъ. Къ интригамъ, сказалъ я, на коихъ основана вся здѣшняя служба въ Петербургѣ. Но Орловъ въ семъ случаѣ показалъ участіе ко мнѣ; ибо

онъ предупредилъ Чернышова, что служба меня лишится, если будутъ настаивать.

27-го. На бывшемъ по утру парадѣ многіе поздравляли меня съ новымъ назначеніемъ моимъ; другіе спрашивали, кто на мѣсто Нейдгарда назначенъ; иные просили покровительства для нѣкоторыхъ офицеровъ генеральнаго штаба съ переводомъ ихъ въ другія мѣстности. Но Нейдгардъ поздравилъ меня съ неназначеніемъ моимъ, и Орловъ на ухо сказалъ мнѣ, что дѣло кончено (министръ доложилъ Государю о моемъ отвѣтѣ), прибавивъ: C'est une espèce de préjugé oriental qui l'en empêche [1]), смѣшивая употребленное мною выраженіе fatalité съ фатализмомъ Турокъ; что Государь сожалѣлъ о томъ, что я не принялъ мѣста сего, но между тѣмъ сказалъ, что нельзя же противъ желанія насильно опредѣлить меня къ должности, къ коей я имѣю отвращеніе. Я просилъ графа Орлова довершить дѣло и предупредить назначеніе мое для командованія гвардейскою дивизіею, и онъ успокоилъ меня, что сего не будетъ.

Между тѣмъ военный министръ, явившій уже злобу свою ко мнѣ язвительнымъ и ложнымъ докладомъ Государю, разсказалъ всякія нелѣпости родственнику своему генеральнаго штаба полковнику Трескину, нигдѣ не служившему и промышляющему однѣми сплетнями. Онъ пустилъ его въ генеральный штабъ съ разглашеніями всякихъ нелѣпостей и, распущая слухи, что c'est par prédestination, que je me refusais à cette place [2]), что я имѣлъ сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ офицеровъ сего корпуса, ненавидѣлъ ихъ, относился дурно о нихъ и множество подобныхъ вздоровъ, которые министръ и старается разсѣять по городу, дабы мнѣ повредить въ общемъ мнѣніи.

Не видя, чтобы въ теченіи службы моей я могъ избѣгнуть вліянія и извѣтовъ сего лживаго человѣка, я готовъ оставить свое военное поприще, на коемъ меня болѣе не удерживаютъ виды честолюбія и которое я считаю себя въ правѣ покинуть послѣ нѣкоторыхъ заслугъ и 23-лѣтняго продолженія дѣйствительной службы сей.

28-го. Я былъ въ ввечеру въ Эрмитажѣ. Графъ Орловъ сказалъ мнѣ, что Государь не сѣтуетъ на меня за отказъ мною данный.

30-го. Мнѣ говорилъ Александръ Мордвиновъ, что Бенкендорфъ сказывалъ ему, чтобъ я написалъ письмо къ Государю съ изъявленіемъ моей покорности, дабы онъ не счелъ меня ослушникомъ его волѣ и доставилъ бы ему сіе письмо для врученія Государю. Я бы никогда не былъ сего мнѣнія и не сдѣлалъ бы сего, ибо оправданіе могло бы

---

[1]) Ему препятствуетъ тутъ что-то въ родѣ восточнаго фатализма.

[2]) Я отказывался отъ этого мѣста, по вѣрѣ въ предопредѣленіе.

только быть слѣдствіемъ вины, которой я за собою не чувствовалъ, и сей совѣтъ, въ коемъ я не нуждался, поставилъ бы меня въ затруднительное положеніе относительно къ Бенкендорфу. Но къ тому времени пріѣхалъ къ Бенкендорфу графъ Орловъ, который разсказалъ ему въ общихъ чертахъ случившійся у меня разговоръ съ министромъ и настойчивость мою не принять мѣста генералъ-квартирмейстера, вопреки всѣхъ усилій графа Чернышова. Орловъ опровергъ мнѣніе его о томъ, дабы я послалъ письмо къ Государю, взявшись лично обо всемъ доложить Его Величеству.

Они оба ненавидятъ графа Чернышова и рады всякому случаю ему противному; но въ сей распрѣ нѣтъ сомнѣнія, что все должно будетъ на мнѣ обрушиться, и потому я не оставлю намѣренія своего или мыслей уклониться отъ круга подобнаго служенія, если не дадутъ мнѣ назначенія внѣ столицы.

1-го Февраля. Я былъ дежурнымъ, но не видалъ Государя; ибо не было приглашенія къ столу. Ввечеру по обязанности былъ я въ театрѣ, въ большой ложѣ, потому что Государь былъ также въ театрѣ въ своей ложѣ. При выходѣ я видѣлся съ графомъ Орловымъ, который увѣрялъ меня, что Государь не перемѣнилъ своего расположенія ко мнѣ по сему случаю, но что хочетъ вывѣдать не менѣе того, какъ министръ о семъ дѣлѣ и объ отвѣтѣ моемъ доложилъ Его Величеству. Я сказалъ, что располагалъ проситься въ безсрочный отпускъ; но Орловъ не совѣтовалъ сего и сказалъ, чтобы проситься на срокъ въ отпускъ.

2-го числа я былъ у Ахметъ-паши, который собирался въ тотъ день выѣхать, но выѣхалъ только вчера, 3-го числа. Вскорѣ послѣ меня прибыли недавно пріѣхавшій сюда изъ Царьграда А. П. Бутеневъ и послѣ него и графъ Орловъ, который сказывалъ мнѣ, что онъ узнаетъ у Государя, какимъ образомъ ему былъ представленъ отказъ мой военнымъ министромъ и слово въ слово сообщитъ мнѣ узнанное.

3-го числа, вчера, я былъ на балѣ во дворцѣ. Государь подошелъ ко мнѣ и упрекнулъ, зачѣмъ я цѣлый день пробылъ, будучи дежурнымъ. «Я уже однажды сказалъ, продолжалъ онъ въ шуткахъ: у меня пѣть дежурныхъ генералъ-адъютантовъ, и что они свободны». Я отвѣчалъ, что считалъ сіе своею обязанностью; но что я ѣздилъ и домой въ сей день дежурства моего.

Въ другой разъ, онъ, увидя меня съ Бутеневымъ и вблизи Орлова, подошелъ и сказалъ мнѣ, что сожалѣлъ не видѣть съ нами Ахметъ-паши, дабы уже всѣ вмѣстѣ были. Это вчера случилось, отвѣтилъ я: мы четверо собрались вмѣстѣ у Ахметъ-паши нечаянно. Государь прибавилъ еще нѣсколько словъ на счетъ сношеній моихъ съ Бутеневыми, съ коимъ я нынѣ увидѣлся, былъ веселъ и не показалъ ника-

кого знака неудовольствія. Государь сказывалъ мнѣ, что видѣлся съ генераломъ Отрощенкою, недавно пріѣхавшимъ въ отпускъ сюда и коего онъ назвалъ славнымъ старикомъ. — Онъ достойный служивый Вашего Величества, отвѣчалъ я.

Во время бала сего, однакоже, графъ Орловъ нашелъ случай доложить Государю обо мнѣ. Онъ объяснилъ ему, что я много огорчился предположеніемъ, что онъ, можетъ быть, меня полагаетъ неблагодарнымъ къ милостямъ его или приписываетъ отказъ моей единственно капризу, что я готовъ жертвовать собою на службѣ его предъ бригадою полковъ и даже батальономъ, еслибы въ семъ надобность была, но что избѣгалъ службы не соотвѣтствующей моимъ наклонностямъ, хотя онъ и полагалъ меня способнымъ къ занятію сего мѣста. Государь отвѣчалъ, что это была собственно его мысль, ему вдругъ пришедшая, и что министръ удивился, услышавъ сіе отъ него, но что онъ нисколько не сѣтуетъ на меня за сіе. Такъ мнѣ пересказалъ по крайней мѣрѣ разговоръ сей графъ Орловъ съ желаніемъ мнѣ добра.

Послѣ сего Государь однажды только еще обратилъ вниманіе на меня, когда я располагалъ сѣсть играть въ шахматы и, проходя мимо, спросилъ, въ шахматы ли я располагалъ играть? Обхожденіе Государя со мною показало прочимъ придворнымъ, что онъ благоволитъ ко мнѣ, и согласно сему было и обхожденіе всѣхъ со мною.

Я стоялъ смотря на танцующихъ, какъ вдругъ почувствовалъ сильное пожатіе руки, обернулся и увидѣлъ великаго князя Михаила Павловича. «Муравьевъ, когда ты пустишься въ кадриль, тогда и я за тобою пущусь», сказалъ онъ.—Ваше высочество, я болѣе никогда не буду пускаться въ танцы, а тѣмъ менѣе въ кадрили, коихъ въ мое время еще не танцовали.—«И въ мое время тоже не знали ихъ еще»—При томъ же и служеніе мое не позволяетъ мнѣ болѣе симъ заниматься. — «Да какъ ты находишь балы сіи?» — Я съ удовольствіемъ любуюсь ловкостью и красотою танцующихъ.—«А я такъ тебѣ скажу, что не нахожу ничего скучнѣе какъ оставаться на балѣ до 4-хъ часовъ утра, и гораздо-бы охотнѣе провелъ время сіе дома».—И я тоже охотно провелъ бы время свое дома; но зрѣлище сіе занимательно, коль скоро должно здѣсь быть.

Въ другой разъ сталъ онъ мнѣ говорить объ Ахметъ-пашѣ. Я объяснилъ ему безтолковость мѣры, принятой Турками для образованія, и говорилъ съ нимъ нѣсколько времени о семъ предметѣ. Вообще я замѣтилъ, что отказъ мой произвелъ странное дѣйствіе: всѣ находятъ оный весьма дѣльнымъ и основательнымъ, даже тѣ, которые могли оному дивиться; находятъ и мѣсто сіе негоднымъ, малымъ, отрѣзаннымъ и непріятнымъ и затрудняются въ прінсканіи кого-либо другаго на оное.

И такъ, съ одной стороны дѣло мое кончено, и Государь на меня не сѣтуетъ. Остается принять мѣры, дабы въ другой разъ не случилось что-либо подобнаго, ибо другой отказъ такого рода могъ-бы произвести непріятное вліяніе на будущность мою. Сношенія же мои съ графомъ Чернышовымъ остаются по послѣднему еще не въ добромъ положеніи.

Совѣщавшись вчера и третьяго дня съ Нейдгардомъ и Орловымъ, какъ мнѣ проситься въ отпускъ, я рѣшился просить онаго нынѣ на четыре мѣсяца. Графъ Орловъ не сомнѣвался, что прежде истеченія сего времени я получу назначеніе, но въ противномъ случаѣ совѣтовалъ мнѣ пріѣхать сюда къ маневрамъ, что̀ будетъ впрочемъ отъ меня зависѣть, еслибы я увидѣлъ, что мнѣ безъ пользы надобно будетъ продолжать праздную и суетливую жизнь, которую я нынѣ веду. Орловъ казался мнѣ съ добрыми намѣреніями ко мнѣ и говорилъ, что въ отсутствіе мое онъ не упуститъ ничего изъ виду для пользы моей и что я могу твердо полагаться на его участіе.

Дня три тому назадъ, на парадѣ, военный министръ, который, послѣ случившагося между нами объясненія, на меня все смотрѣлъ косо, подошелъ ко мнѣ и замѣтилъ дружески, что я перестал ходить къ нему. Сіе было, помнится мнѣ, 9-го числа. Рѣшившись проситься въ отпускъ, я не могъ сего сдѣлать 10-го, ибо былъ въ тотъ день съ визитомъ у пріѣхавшаго 8-го числа изъ Варшавы фельдмаршала Паскевича, который принялъ меня очень хорошо. (Ввечеру того же дня я видѣлся съ нимъ на балѣ Австрійскаго посланника графа Фикельмонта, куда я былъ приглашенъ).

10-го ввечеру я поѣхалъ къ военному министру и просилъ его исходатайствовать мнѣ отпускъ на четыре мѣсяца; онъ обѣщался доложить о семъ Государю. Разговоръ сей продолжался не болѣе двухъ минутъ, и мы разстались; онъ казался недовольнымъ.

Вчера, 11-го, было общее представленіе фельдмаршалу. Министръ, вышедши отъ него, подошелъ ко мнѣ и объявилъ съ явнымъ неудовольствіемъ, какъ сіе можно было замѣтить, что Государь меня уволилъ по просьбѣ моей. Я не зналъ, на какомъ сіе будетъ сдѣлано основаніи и не просилъ ни о сохраненіи содержанія своего, ни о какихъ-либо преимуществахъ, желая просто удалиться сначала на время, а въ послѣдствіи, глядя на обстоятельства, можетъ быть и совсѣмъ. Въ ожиданіи бумагъ для отпуска сего или приказа, я оставался сегодня дома, какъ получилъ сего числа ввечеру письмо за номеромъ отъ военнаго министра. Онъ увѣдомляетъ меня о согласіи Государя на отпускъ мой, коему однакоже срока не ограничиваетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что сего не будетъ въ приказахъ; что Государь надѣется, что я

возвращусь на службу при первомъ востребованіи его, и что мнѣ оставлено все содержаніе.

И такъ отпускъ сей, означая милость ко мнѣ Государя, не дастъ мнѣ спокойствія, котораго я искалъ: я долженъ буду ежеминутно находиться въ готовности явиться на службу и почти отложить мысли о спокойствіи своемъ.

Вотъ три или четыре дня, какъ я получилъ отпускъ свой уже письменно и все еще далекъ отъ выѣзда отсюда.

13-го я ѣздилъ въ Военное Министерство, дабы благодарить графа Чернышова и спросить, когда я могу откланяться Государю. Мнѣ сказали, что Чернышовъ боленъ и не будетъ въ присутствіи. Я поѣхалъ къ нему; онъ меня не принялъ, а приказалъ извиниться болѣзнью жены своей, отъ которой онъ отойти не можетъ.

14-го я опять поѣхалъ въ Министерство по той же надобности и дожидался долго министра, ибо не знали, будетъ ли онъ; наконецъ, видя, что онъ не ѣдетъ, я зашелъ къ Брискорну, правителю канцеляріи его, который сказалъ мнѣ, что графъ не будетъ и взялся ему сказать о моей надобности и кончить дѣло сіе.

(14-го ввечеру я окрестилъ у Рёльи дочь съ матерью его Xavier).

Сегодня, 15-го я былъ наряженъ дежурнымъ и затруднялся, какъ быть, если получу вмѣстѣ съ тѣмъ и приказаніе быть у Государя: ибо надобно было бы различно одѣться въ одномъ и другомъ случаѣ. Но приказаніе явиться къ Государю, дабы откланяться, не приходило, и я отправился въ обыкновенной формѣ къ разводу. Когда я принималъ отъ Государя рапорты, ему поданные, онъ мнѣ сказалъ только: «здравія желаю» и былъ повидимому веселъ.

Соображаясь со вновь изданною инструкціею на счетъ службы генералъ-адъютантовъ, въ коей сказано, чтобы во время церемоніальнаго марша и представленія ординарцевъ находиться на правой сторонѣ Государя, нѣсколько отступя назадъ, я, для исполненія сего правила въ точности, съ начатіемъ церемоніальнаго марша, всталъ, какъ было предписано, и очутился выше пословъ иностранныхъ и фельдмаршала Паскевича. Государь, увидя сіе, сдѣлалъ мнѣ знакъ стать ниже; сіе было сдѣлано безъ неудовольствія и съ веселымъ видомъ. Я немедленно отъѣхалъ и сталъ ниже; но, соображаясь опять съ тою же инструкціею, въ коей сказано, чтобы о всякомъ словесномъ приказаніи Государя, относящемся до службы дежурныхъ, доводить немедленно до свѣдѣнія Бенкендорфа, я, по окончаніи развода, подошелъ къ нему и доложилъ ему о семъ. Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что инструкція сія относилась до разводовъ, которые бываютъ на площади Михайловскаго замка, а не въ манежѣ. Какъ будто не все равно, что̀ одинъ, что̀ дру-

гой, и притомъ же разводы на площади бываютъ только лѣтомъ или весною, а зимою всегда въ манежѣ, для коего и инструкція сія въ недавнемъ времени издана.

Государь передъ выходомъ изъ манежа подозвалъ меня и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Ты въ отпускъ ѣдешь?»—Желалъ ѣхать, Ваше Величество.—«Однакоже я надѣюсь, что когда надобность встрѣтится, то ты опять явишься на службу».—Когда Вашему Величеству угодно будетъ.—«Тебѣ сколько надобно времени въ Москвѣ пробыть?»—Четыре мѣсяца.—«Да, оно почти такъ и выйдетъ до нашего лагеря; у насъ лагерь будетъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Смотри же, еслибы и срокъ твой не миновался къ тому времени, то пріѣзжай сюда» *).—Слушаю, пріѣду, былъ мой отвѣтъ. И какой могъ я другой дать? Но вмѣстѣ съ симъ разрушаются всѣ мои предположенія. Я хотѣлъ пожить на свободѣ въ Москвѣ, объѣздить родныхъ, заняться, упрочить сколько нибудь будущность свою и возвратиться только по зову, когда бы встрѣтилось для меня назначеніе; но теперь уже сему не бывать, и мнѣ, какъ и теперь, доведется только жить на сторожѣ, въ ожиданіи поминутно временной командировки или Іюня мѣсяца, дабы явиться сюда, но что же—на лагерь, на маневры, коихъ я надѣялся избѣжать, опасаясь, чтобы не поручили мнѣ команду: ибо я никогда не былъ дѣйствующимъ лицомъ на сихъ маневрахъ, въ коихъ трудно угадать, чего хотятъ, и когда надобно побѣдить или положить оружіе; время самое суетливое и безпокойное, издержки, противъ коихъ цѣлое состояніе едва ли можетъ устоять. И одна надежда моя осталась только та, что въ теченіе сихъ трехъ, а уже не четырехъ, мѣсяцевъ могутъ произойти какія нибудь непредвидѣнныя перемѣны.

Но прежде всего мнѣ предстоитъ еще отсюда выбраться, и вотъ уже три дня, какъ я безъ пользы бьюсь и ѣзжу, чтобъ попасть къ Государю, недоступному, потому что у графини Чернышовой болятъ зубы; а то идти другимъ путемъ можетъ меня завлечь въ различныя интриги и неудовольствія, коихъ должно всячески стараться избѣгать.

Но симъ еще не кончился мой день. Я видѣлся на разводѣ, до пріѣзда Государя, съ графомъ Орловымъ и сказалъ ему о преимуществахъ, предоставленныхъ мнѣ при отпускѣ и о затрудненіяхъ, которыя я встрѣчаю дойти до Государя, дабы откланяться. Онъ совѣтовалъ мнѣ написать письмо къ графу Чернышову, если онъ меня не принималъ, благодарить его за участіе и спросить, когда мнѣ къ Государю представиться. Эта мѣра хорошая, сказалъ онъ, ибо Черны-

---

*) Государь сказалъ послѣднія слова сіи почти смѣючись, какъ будто онъ зналъ желаніе мое уклониться отъ лагернаго времени.

шовъ по характеру своему не расположенъ кому либо сдѣлать услуги, и въ этомъ случаѣ онъ поступилъ не по обычаю своему; а письмо нужно: оно все прикроетъ и накипетъ, какъ бы покрывало на все случившееся. Слова сіи были сказаны не въ пользу Чернышова и такъ рѣшительно, что оии подали мнѣ поводъ думать, что обстоятельства Чернышова не въ самомъ лучшемъ состояніи, въ чемъ я, впрочемъ, можетъ быть, и ошибаюсь; но сіе состояніе домосѣдства, въ коемъ онъ нынѣ находится, не можетъ быть безъ какихъ либо причинъ иныхъ, кромѣ зубной боли его жены.

Я бы не замедлилъ исполнить совѣтъ, данный мнѣ графомъ Орловымъ, еслибъ не разговоръ, который я имѣлъ съ Государемъ при выходѣ его изъ манежа, который я не зналъ, какъ принять: за послѣдній уже передъ выѣздомъ или ожидать мнѣ другаго свиданія въ кабинетѣ его. А потому, вручивши рапорты камердинеру Государя, я и поѣхалъ къ графу Орлову, коего не засталъ дома, оставилъ у него человѣка, дабы меня увѣдомить о его возвращеніи, а заѣхалъ дождаться у Мордвинова; но вскорѣ получилъ отвѣтъ, что Орловъ возвратился, но извинялся, что не могъ принять меня: ибо сейчасъ выѣзжалъ со двора.

Я поѣхалъ къ Бенкендорфу, коего также дома не засталъ, и остался дожидаться его. Коль скоро онъ возвратился, я спросилъ его: какъ мнѣ было считать разговоръ съ Государемъ—отпускомъ ли, или ожидать другаго, и объяснилъ я ему, какъ я уже третій день задержанъ болѣзнью военнаго министра. Vous auriez du me le dire; car c'était à moi à le faire savoir au comte Tchernichoff, et vous auriez eu réponse.—Je vous prie de me pardonner mon ignorance sur cet article; je croyais avoir du m'adresser au comte Tchernichow[1]).—Oh, ce n'est pas pour cela que je vous le dis, сказалъ Бенкендорфъ, дабы не подать повода мнѣ замѣтить соперничество его съ министромъ, которое явствуетъ изъ всякаго слова обоихъ. Mais qu'a-t-il donc ce pauvre Tchernichow? Il me fait bien de la peine de savoir malade cet pauvre Tchernichow [2]). Могъ ли я не смѣяться внутренно подобнымъ рѣчамъ? Je voudrais, сказалъ я, avoir moi-même l'occasion de remercier le c. Tchernichow de la bonté qu' il a eu de me procurer ce semestre que je n'eus pu obtenir sous de si favorables auspices. Je suis en même tems pénétré des bontés de l'Empereur, qui a été si gracieux envers

---

[1]) Вамъ слѣдовало сказать о томъ мнѣ, потому что я долженъ дать о томъ знать графу Чернышову, и вы получили бы отвѣтъ.—Простите мнѣ мое невѣжество въ этомъ случаѣ. Я думалъ, что мнѣ должно обратиться къ графу Чернышову.

[2]) Но что̀ такое съ этимъ бѣднымъ Чернышовымъ? Мнѣ очень жаль, что онъ боленъ, этотъ бѣдный Чернышовъ.

moi et dont il me reste à mériter la bienveillance.—Oh, vous en aurez l'occasion: une bataille, et vous les aurez méritées.—Mais comment dois-je considérer la conversation d'aujourd'hui avec Sa Majesté: comme un congé déjà, ou dois-je en attendre encore un?—Venez demain à 11½ au palais et attendez moi; en sortant de chez l' Empereur, je le vous dirai».—Et si en attendant je recevais réponse de m-r Briscorn, comment devrais-je faire?—Voilà ce que c'est! Pourquoi m-r Briscorn et ces messieurs se chargent-ils de choses qui ne les regardent pas? Mais si vous receviez réponse, conformez vous-y *).

Я вышелъ отъ Бенкендорфа довольный его участіемъ, но еще съ бо́льшимъ омерзеніемъ къ гадкимъ интригамъ, коихъ здѣсь миновать нельзя, кои служатъ всему основаніемъ и которыя препятствуютъ всѣмъ дѣламъ, промедляя ихъ до безконечности и направляя всегда по личнымъ видамъ главныхъ особъ.

Изо всего же случающагося мнѣ кажется, что графъ Чернышовъ злобствуетъ на меня, но не смѣетъ явно показать вражды своей по участію, которое приняли во мнѣ графы Орловъ и Бенкендорфъ, въ видахъ неудовольствія на Чернышова поставя меня орудіемъ. Что̀ мнѣ остается желать, какъ не совершеннаго удаленія отъ сего круга злобы, козней и личной вражды, черезъ который только доступенъ Государь, единый изъ нихъ съ правилами прямоты и чести?

15-го ввечеру я получилъ записку отъ военнаго министра, коею онъ увѣдомляетъ меня, что какъ я отправляюсь въ отпускъ съ условіемъ возвратиться при первомъ востребованіи, то Государь разрѣшаетъ мнѣ ѣхать, не представляясь.

16-го я ѣздилъ къ Бенкендорфу показывать записку сію, дабы онъ вторично не доложилъ обо мнѣ Государю. Онъ опять повторилъ мнѣ, дабы я впредь уже всегда къ нему относился въ подобныхъ случаяхъ, называя для примѣра нѣкоторыхъ флигель-адъютантовъ, коимъ онъ доставляетъ представленія Государю. Могъ ли я ему замѣтить то, чего онъ самъ не разумѣлъ, именно, что флигель-адъютанты, состоя при лицѣ Государя, остаются вообще въ семъ званіи безъ какого либо

---

*) Мнѣ хотѣлось самому имѣть случай, чтобы поблагодарить графа Чернышова за то, что онъ милостиво устроилъ мнѣ этотъ отпускъ, котораго бы я не могъ получить при столь благопріятныхъ условіяхъ; въ тоже время тронутъ я милостями Государя, который такъ благосклоненъ ко мнѣ, что мнѣ остается заслужить его благоволеніе.—О, случай къ тому вамъ представиться: военное дѣло, и вы заслужите его милости. Но какъ мнѣ считать нынѣшній разговоръ съ Его Величествомъ, за отпускъ ли, или мнѣ должно еще ожидать онаго?—Приходите завтра въ 11½ часовъ во дворецъ и подождите меня. Я скажу вамъ о томъ, выйдя отъ Государя.—А если, до того, я получу отвѣтъ отъ г-на Брискорна, какъ мнѣ быть?—Вотъ еще! За чѣмъ г. Брискорнъ и эти господа берутся за то, что̀ до нихъ не относится? Ну, если получите отвѣтъ, поступите сообразно съ нимъ.

назначенія, тогда какъ генералъ-адъютанты, и особливо я, пользующійся симъ званіемъ только какъ почестью, бываютъ назначаемы на разныя мѣста, въ коихъ они совершенно зависятъ отъ графа Чернышова, который вѣрно не упустить случая отмстить за избраніе инаго кромѣ его пути и тѣмъ удовлетворить свою злобу или зависть къ Бенкендорфу? Вотъ здѣшній ходъ дѣлъ, вотъ упражненія и сношенія здѣшнія. Я продолжалъ въ теченіе дня дѣлать нѣкоторые прощальные визиты у начальниковъ, коихъ здѣсь очень много и съ коими я уже близъ недѣли раздѣлаться не могу, но имѣлъ мало успѣха.

Засталъ я только Клейнмихеля и Канкрина, съ коими и распростился. Первый показывалъ большія расположенія къ угодливости, совершенно лицемѣрныя; послѣдній же много искренности и занялъ меня поучительнымъ и безпристрастнымъ разговоромъ своимъ о дѣлахъ. Человѣкъ сей вѣрно полезнѣе и занимательнѣе если не всѣхъ, то многихъ здѣсь служащихъ вблизи Государя.

17-го я все утро проѣздилъ въ новой формѣ съ прощальными визитами къ тѣмъ лицамъ, которымъ должно было ихъ сдѣлать по необходимости. Сперва былъ я у Клейнмихеля, къ коему еще имѣлъ надобность по случаю, что испрашиваемое мое засвидѣтельствованіе статей къ полученію пряжки уже около года, о чемъ я нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ повторялъ записками и на словахъ, было наконецъ прислано ко мнѣ; но какъ никто не позаботился о прочтеніи сего списка, то и написали мнѣ неправильный срокъ, а вмѣсто всей экспедиціи моей въ Египетъ и Турцію написали, что я никакой команды и порученія во все сіе время не имѣлъ. Сіе было подписано и военнымъ министромъ, и дежурнымъ генераломъ! Надобно было все сіе исправить, и Богъ знаетъ, когда статьи сіи снова получатся; но вотъ какимъ образомъ увеличиваются всѣ переписки. Здѣсь дѣла иначе не дѣлаются.

Я былъ у фельдмаршала, князя Волконскаго и графа Толстаго. Послѣдній съ участіемъ радовался тому, что я отказался отъ мѣста генералъ-квартирмейстера и совѣтовалъ мнѣ потерпѣть еще нѣсколько для полученія мѣста корпуснаго командира.

Потомъ я былъ у великаго князя. Кто ѣдетъ къ нему являться, можетъ быть увѣренъ, что на сіе посвятитъ все утро, ибо онъ заставляетъ долго дожидаться. Сіе и со мною случилось; когда же онъ вышелъ, то не сказалъ мнѣ ничего особеннаго кромѣ похвалы о Москвѣ.

Отъ него я пошелъ къ великой княгинѣ, гдѣ дожидался также цѣлый часъ, но и разговоръ мой съ нею продолжался довольно долго: она такъ пріятна, что съ удовольствіемъ проводишь съ нею время. Она говорила со мною о путешествіи моемъ въ Хиву, о пребываніи

въ Грузіи, шутила надъ строгимъ взглядомъ моимъ, съ коимъ я оставался на балахъ, находила, что занятія и родъ жизни здѣсь не могли нравиться порядочному человѣку, привыкшему къ дѣятельности и путнымъ занятіямъ, и не совѣтовала мнѣ дѣлать какія либо усилія надъ собою, дабы привыкнуть къ сему роду жизни, ибо отъ онаго теряются всѣ способности ума и души. «Кто хочетъ не наблюдать, долженъ ѣхать прочь отсюда». Она не могла нахвалиться своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Искренній разговоръ ея склонилъ и меня къ таковому же. Я сказалъ ей чувства сіи относительно къ здѣшнему роду жизни и намѣренія мои навѣстить брата своего въ Вяткѣ. «Это занимательное путешествіе, отвѣчала она; кому не лестно увидѣть богатыя губерніи восточной Россіи? И я бы съ удовольствіемъ побывала въ нихъ».—Вы бы должны предпринять сіе путешествіе, сказалъ я.—«Какъ же можно одной! Развѣ мнѣ сдѣлаться Донъ-Кихотомъ? Да притомъ же и Императрица еще не ѣздила туда».—Вы ѣздите однакоже на воды за границу; почему бы вамъ не съѣздить на Кавказъ, сдѣлавъ небольшой кругъ?—Она воспользовалась симъ случаемъ, дабы обратить разговоръ на Кавказъ и Грузію, слушала со вниманіемъ, чтò я ей говорилъ о намѣреніяхъ правительства перевести торговлю Индіи черезъ Хиву и Астрахань въ Россію, выхваляла достоинства А. П. Ермолова. Какъ ея разговоръ различествовалъ отъ того, коимъ она занимается въ присутствіи другихъ, говоря только о войскахъ и солдатахъ!

Я вышелъ отъ великой княгини въ восхищеніи отъ ея образа мыслей и разговора; подобнаго я не слыхалъ здѣсь ни отъ кого. Но она не умѣла утаить и соперничества своего съ Императрицею. Между разговорами своими она сказала, что не постигала, какимъ образомъ здѣсь должностные люди умѣли при разсѣянностяхъ еще заниматься дѣломъ. Я отвѣчалъ, что самъ не постигалъ сего и не признавалъ въ себѣ способностей, дабы нести сіи двѣ обязанности вполнѣ съ успокоеніемъ совѣсти на счетъ исполненія ихъ по надлежащему.

Образъ мыслей моихъ не скрытъ болѣе ни отъ кого: всѣ знаютъ, что я избѣгаю двора, столицы и разсѣянностей, и я гласно говорилъ вездѣ, что преданность Государю не знаменуется неутомимою алчностью быть при лицѣ его, ибо служба ему предстояла и въ отдаленныхъ мѣстахъ Имперіи.

18-го я кончилъ послѣдніе визиты свои; былъ и у военнаго министра, который принялъ меня хорошо, но въ глазахъ своихъ не умѣлъ скрыть оскорбленія своего. Былъ у Бенкендорфа, Эссена и, наконецъ, у графа Орлова, который увѣрялъ меня опять въ дружбѣ своей и готовности служить мнѣ. Онъ разсказалъ мнѣ опять снова все, чтó зналъ

о происшествіи моемъ съ министромъ, говоря, что министръ ему упрекаетъ въ томъ, что меня хотѣли назначить генералъ-квартирмейстеромъ, но Орловъ оправдывался отъ сего. Министръ, по словамъ его, хвалился передъ вечернимъ разговоромъ нашимъ, что онъ меня склонитъ или заставитъ принять сіе мѣсто, но что будто Орловъ предостерегъ его, что ему не удастся и что министръ теперь se sent humilié *) и оттого дуется на меня. Орловъ увѣряетъ, что онъ подстрекалъ меня къ сему отказу, потому что зналъ, сколько мѣсто сіе негодно и не по мнѣ. Я отвѣчалъ, что званіе генералъ-квартирмейстера я могу только сравнить съ состояніемъ Грузинскихъ царевичей, показывающихся во дворцѣ на выходахъ. Онъ смѣялся сему, но нашелъ сравненіе сіе справедливымъ и сказалъ, что мѣсто сіе исполнено интригъ и неудовольствій и само по себѣ ничего не значитъ. Нейдгардъ, сказалъ онъ, извлекъ уже все, что̀ изъ онаго можно было, и теперь очень радъ удалиться.—Мнѣ бы предстояло два рода службы, отвѣчалъ я: придворная и обязанность. Еслибъ я послѣдовалъ за первою, то гдѣ бы осталась совѣсть моя, когда бы должность моя осталась заброшенною? Еслибы же я занялся одною обязанностью своею, то я бы былъ самый черно-рабочій и не въ силахъ былъ бы при всемъ томъ исполнить ее вопреки принятаго здѣсь хода занятій. За обѣими же я не чувствую въ себѣ силъ угнаться.

Орловъ нашелъ весьма справедливыми мои сужденія и обѣщался самъ по себѣ заботиться о дѣлахъ моихъ въ мое отсутствіе. Онъ совѣтовалъ мнѣ однакоже непремѣнно пріѣхать сюда къ маневрамъ, полагая, что, можетъ-быть, онъ будетъ командовать однимъ войскомъ, а я другимъ. Я говорилъ ему, что дѣло сіе для меня весьма новое и что тутъ множество соображеній входитъ, мнѣ совершенно чуждыхъ; но онъ настаивалъ и говорилъ, что это все очень легко. Онъ не совѣтовалъ мнѣ уѣзжать, какъ я желалъ прежде тогое въ Вятку къ брату Александру, и думалъ, что по окончаніи маневровъ Государь меня охотно отпуститъ туда и даже вспомнитъ о братѣ и замедлитъ и перевести его поближе въ Россію.

Графъ Орловъ не сдѣлаетъ зла тамъ, гдѣ ему не поперечишь, и онъ въ сихъ отношеніяхъ велъ себя очень хорошо со мною.

Завтра, 20-го Февраля, я оставляю Петербургъ и ѣду въ Москву. Оставляю съ удовольствіемъ пребываніе сіе, въ коемъ я много претерпѣлъ мукъ и досады; оставляю его съ желаніемъ болѣе не возвращаться сюда.

---

*) Чувствуетъ себя униженнымъ.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ТЕТРАДЕЙ С. М. СУХОТИНА [1]).
1872-й годъ.

Si chacun, dit Marmontel, écrirait ce qu'il a vu, ce qu'il a fait, qui lui est arrivé de curieux et dont le souvenir mérite d' être conservé, il n'est personne qui ne pût laisser quelques lignes intéressantes [2]).

Праздникъ Рождества я провелъ въ Петербургѣ и воротился въ Москну 11 Января 1872 г. Впечатлѣніе, производимое на меня Петербургомъ, было одно и тоже: тотъ же водоворотъ, таже суета, тоже отсутствіе живыхъ интересовъ въ обществѣ, за исключеніемъ собственныхъ; одинъ идолъ для всѣхъ—это дворъ и угодничество; нѣтъ ни одного государственнаго человѣка, который бы торжественно защищалъ свои убѣжденія и свои даже предложенія. Мнѣ разсказывалъ кн. С. Н. Урусовъ, что, за нѣсколько дней до засѣданія министровъ, назначеннаго подъ предсѣдательствомъ Государя, ** послалъ за нимъ, дабы предварительно побесѣдовать о предполагаемомъ обсужденіи въ этомъ засѣданіи новаго циркуляра относительно измѣненія цензурнаго устава; и тутъ **, нападая на нѣкоторыя статьи этого циркуляра, объявилъ Урусову, что онъ будетъ непремѣнно ихъ опровергать въ присутствіи Государя. За тѣмъ, въ засѣданіи, ни онъ, и никто изъ присутствовавшихъ ничего рѣшительно не сказалъ противъ, тогда какъ Государь настоятельно вызывалъ всѣхъ на опроверженія. Вообще наши современные государственные люди не отличаются гражданскимъ мужествомъ. Къ томуже, почти всѣ они до того поглощены вечерами, обѣдами, праздниками, что я и не знаю, когда они успѣваютъ прочитывать тѣ груды бумагъ, которыя лежатъ на ихъ письменныхъ столахъ. Почтенный членъ государственнаго совѣта П. жаловался тоже на современный низкій уровень нашихъ дѣятелей, которые всѣ находятся подъ какимъ-то страхомъ революціи и смѣшиваютъ въ своемъ воображеніи кошмаръ интернаціоналки съ распущенностью нашей прессы,

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года, выпуски 2—8.

[2]) Мармонтель говоритъ: Если бы каждый записывалъ что онъ видѣлъ, дѣлалъ, что съ нимъ случилось занимательнаго и воспоминаніе о чемъ заслуживаетъ сохраненія, то нѣтъ такого человѣка, который бы не могъ оставить по себѣ нѣсколькихъ любопытныхъ строкъ.

и даже съ прошлогоднимъ адресомъ Московской Думы. А между тѣмъ на рѣчь князя Черкаскаго, признесенную имъ за юбилейномъ обѣдомъ Погодину, никто не обратилъ въ Петербургѣ, или не хотѣлъ обратить, вниманія. Дарованія такихъ людей колятъ глаза неспособнымъ.

Возвратясь въ Москву, я нашелъ Н. А. Мюлютина лучше чѣмъ когда его оставилъ; но это лучше продолжалось недолго, и онъ скончался 26-го Января, оплакиваемый своимъ семействомъ, друзьями и всей мыслящей Россіей. Его имя принадлежитъ Исторіи. Это былъ въ свое время типъ Русскаго государственнаго человѣка.

Въ Москвѣ все тихо и гладко. Эта монотонія была только нѣсколько нарушена дворянскими выборами, гдѣ предложеніе Ю. Ѳ. Самарина надѣлало много шума. Оно состояло въ ходатайствованіи, чтобы всякій дворянинъ, подвергнувшійся административной карѣ, имѣлъ право просить отдачи его подъ судъ, если онъ самъ того потребуетъ до истеченія двухнедѣльнаго срока со дня объявленія ему административнаго распоряженія, которымъ ограничивается его личное право. По поводу этого заявленія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья, которая осуждаетъ это заявленіе, какъ лишенное практичности и обдуманности; статья написанная въ духѣ вредномъ, какъ для Самарина, такъ и для дворянства, его принявшаго. Всѣ благомыслящіе люди, даже защитники Каткова, возстали на него за эту статью, носящую характеръ современной жандармеріи, и Катковъ, уже потерявшій большую долю своего авторитета, еще больше упалъ во мнѣніи общественномъ. А тутъ подоспѣло запрещеніе на четыре мѣсяца газеты «Голосъ», которая получила третье предостереженіе за статью о реальныхъ училищахъ, гдѣ она обвиняетъ дѣйствія и распоряженія министерства просвѣщенія, и этотъ актъ высшей цензуры подогрѣлъ негодованіе публики.

Въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ я не имѣлъ времени вести моего дневника. Изъ событій болѣе замѣчательныхъ была смерть Н. А. Милютина. Историческій человѣкъ сошелъ въ могилу. Я сблизился съ нимъ, когда болѣзнь его совершенно разрушила, и видѣлъ его только раза три, когда онъ былъ еще во цвѣтѣ своей дѣятельности; но я не могу забыть того чарующаго впечатлѣнія, которое онъ тогда произвелъ на меня. Это былъ орелъ, не знавшій препятствій въ своемъ государственномъ полетѣ. Я никогда не забуду его любопытныхъ разсказовъ о Польскомъ дѣлѣ, которые онъ мнѣ сообщалъ въ Райкахъ *), и я слушалъ его съ жадностью въ продолженіи 4-хъ часовъ сряду. Я

*) Подмосковная, гдѣ Милютины живали лѣтомъ. П. Б.

понялъ то мощное вліяніе, которое онъ распространялъ на служившихъ съ нимъ и вообще на всѣхъ его близко знавшихъ.

16 Іюля. На дняхъ возвратился я изъ Кочетовъ, гдѣ провелъ время самымъ пріятнымъ образомъ въ обществѣ Жемчужниковыхъ. Разговоръ о настоящемъ положеніи Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, вездѣ теперь происходящій, былъ поднятъ конечно между Алексѣемъ Михайловичемъ и мной, и возбудилъ много споровъ, такъ какъ онъ возвратился изъ за границы съ мрачнымъ, преувеличеннымъ и даже безотраднымъ взглядомъ на застой, въ которомъ находится въ эту минуту Русское общество. Не раздѣляя вполнѣ такихъ пессимистическихъ впечатлѣній, нужно однако признать, что равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и нерасположеніе правительства къ серьезнымъ, бодрымъ и патріотическимъ дѣятелямъ представляютъ мало утѣшительнаго. Та гражданская доблесть, которая оживляла первыхъ дѣятелей великихъ реформъ (крестьянской, земской и судебной), совершенно потухла, и добросовѣстные изъ нихъ исполняютъ свою обязанность больше рутиннымъ образомъ, не проникая въ глубь вопросовъ. Многіе изъ людей практическихъ перешли на службу въ банки, гдѣ наживаютъ большія деньги. Въ Московской Городской Думѣ дѣла идутъ тихо, и городъ остается въ томъ же грязномъ положеніи. Развѣ съ введеніемъ новаго положенія дѣла примутъ другой видъ. А правительство, съ своей стороны, преслѣдуетъ людей даровитыхъ и покровительствуетъ ничтожностямъ; многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ пугаютъ заговорами и разными кошмарами, съ цѣлью забрать администрацію въ свои руки и сдѣлать себя неизбѣжными. Подкупы, какъ и прежде, только въ болѣе тонкомъ видѣ, являются особенно по желѣзнодорожному дѣлу: еще недавно г-нъ С. предлагалъ Ѳ. В. Чижову отдѣлить 5 милліоновъ изъ покупной суммы Курской желѣзной дороги въ пользу какихъ-то вліятельныхъ лицъ; но Чижовъ отвергъ это предложеніе и передалъ объ этомъ министру финансовъ Рейтерну, этому рыцарю честности, который поддержалъ его въ этомъ отказѣ, вслѣдствіе чего дѣлаются теперь разныя придирки къ администраціи Курской дороги. Теперь настало царство эгоизма въ службѣ: каждый хлопочетъ только о сохраненіи своего мѣста, а до Россіи никому дѣла нѣтъ. Большая часть людей государственныхъ и талантливыхъ сошли въ могилу или состарились, а Славянскій кружокъ совсѣмъ разсѣялся. Недавно умеръ Гильфердингъ; точно роковая судьба давитъ этотъ кружокъ, изъ котораго остались только въ живыхъ И. С Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и отчасти князь Черкаскій, которому между прочимъ **, во время своего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ, даже не кланялся. Говоря объ этомъ грустномъ положеніи, я передаю всеобщій от-

голосокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряю надежды и чувствую полное уваженіе къ тѣмъ людямъ, которые серьезно смотрятъ на исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей и не оскудѣваютъ въ своей дѣятельнобти, помня, что всякое зерно даетъ плодъ и всякое поле со временемъ очистится отъ плевелъ, хотя часто приходится и ждать очень долго.

20 Іюля. Теперь Государь находится въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Великой Княгиней Марьей Николаевной и принцессой Баденской, которыя пробыли всего двое сутокъ. Я все время находился при нихъ, сопровождалъ ихъ по дворцу и по выставкѣ; онѣ обѣ произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе по ихъ любезности и особенно по простотѣ ихъ обращенія. Марья Николаевна очень постарѣла и легко утомляется; принцеса Баденская вспомнила то грустное для меня время, когда я былъ у нея въ Карлсруе. При Марьѣ Николаевнѣ состоитъ гофмейстеромъ Василій Петровичъ Погенполь, мой старый знакомый, весьма милый и образованный человѣкъ, по крайней мѣрѣ гораздо образованнѣе и любезнѣе бо́льшей части лицъ, составляющихъ свиту Государя. Даже самъ графъ * * * выразился весьма неприлично на одномъ изъ гофмаршальскихъ обѣдовъ: разговаривая съ графомъ Дегенфельдомъ, генераломъ Австрійскимъ, онъ выражалъ свое удивленіе тому, что генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, состоявшій при эрцгерцогѣ Австрійскомъ Вильгельмѣ, носитъ 1-ю степень Желѣзной Короны, не имѣя никакого на это права, и передъ иностраннымъ генераломъ, особенно передъ Австрійцемъ, обзывалъ своего товарища, генералъ-адьютанта князя Меньщикова, хвастуномъ, тогда какъ ему, Меньшикову, порученъ былъ эрцгерцогъ. Конечно Дегенфельдъ, возвратясь во-свояси, не преминетъ разсказать этотъ случай. Въ этотъ пріѣздъ Государь былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и всѣмъ остался доволенъ. Мы узнали о предстоящемъ свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ; всѣ заговорили о Sainte Alliance. Дай Богъ, чтобъ насъ-то не надули! Эрцгерцогъ Вильгельмъ очень симпатичнаго вида; онъ имѣетъ репутацію добраго и кроткаго человѣка и потому былъ избранъ, какъ наиболѣе способный человѣкъ, играть роль посредника между Австрійскимъ и Русскимъ дворами. При немъ состоялъ военный агентъ Австріи при Русскомъ дворѣ, Бертольсгеймъ, весьма умный и ловкій господинъ, котораго въ Петербургѣ очень любятъ.

На дняхъ была напечатана телеграмма изъ Бѣлграда, въ которой Сербы приглашали Московскую Думу выслать депутатовъ для присутствованія въ Бѣлградѣ, при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія князя Милана. Московская Дума была въ большомъ затруд-

неніи, такъ какъ никто не соглашался туда ѣхать; наконецъ, вызвались профессоръ Нилъ Александровичъ Поповъ и гласный Матвѣй Григорьевичъ Поповъ. Генералъ-губернаторъ опросилъ телеграммой, черезъ графа Шувалова, и депутація эта не была разрѣшена; а между тѣмъ Дума заказала золотое блюдо для поднесенія князю Милану. Чего испугались? Какой кошмаръ представили на видъ? Вѣдь посланъ же туда флигель-адьютантъ князь Долгоруковъ. А между тѣмъ этотъ невольный отказъ Думы на радушное приглашеніе Сербовъ произведетъ на тамошнее общество и даже правительство самое грустное впечатлѣніе. Надо сознаться, что наша настоящая политика самая антинаціональная. Трудно загадывать; но многимъ кажется, что это свиданіе трехъ государей не принесетъ пользы Россіи; вѣроятно, нашъ Государь сдѣлается въ извѣстномъ отношеніи жертвой этого союза, и два союзника будутъ ставить его въ странныя и, можетъ быть, враждебныя отношенія къ Франціи, а вѣрнѣе всего къ Славянамъ Австрійскимъ.

25 Августа. Были у насъ въ Москвѣ гости, члены Международнаго Статистическаго Конгресса, въ числѣ 160 человѣкъ. Городъ ихъ помѣщалъ и возилъ на свой счетъ. Между ними было много людей ученыхъ и знаменитыхъ, какъ: Quetelet, Engel, Farr и пр. Они были въ восторгѣ отъ Москвы, по крайней мѣрѣ непрестанно объ этомъ говорили. Англичане и Американцы давали обѣдъ городскому головѣ *), дабы возблагодарить въ его лицѣ весь городъ за Московское гостепріимство. Спичамъ не было конца; я удивлялся той ловкости, находчивости и легкости, съ которою они говорятъ. Много было сказано любезнаго и лестнаго для Россіи; между прочимъ одинъ Американецъ, объясняя причины сочувствія, которое господствуетъ между Россіей, Англіей и Америкой, сказалъ, что эти три свободныя державы стремятся къ усовершенствованію общественныхъ учрежденій. Были и дамы между ними, и многія изъ Американокъ, также Англичанокъ, совсѣмъ не говорятъ по-французски. Всѣ эти разнородные языки живутъ въ мирѣ и любви и, повидимому, политикой мало занимаются. Въ гостиницѣ Мамонтова, которая мнѣ была поручена, жили Шведы, Норвежцы, Гамбуржцы, Чехи, Венгры, Румыны и одинъ Грекъ. Изъ Шведовъ былъ одинъ весьма почтенный и образованный человѣкъ Беркъ.

29 Августа. По случаю нынѣшней выставки, дня не проходитъ почти, чтобъ не посѣтилъ Москвы какой нибудь великій князь или принцъ. А любимцемъ нашимъ сдѣлался Великій Князь Константинъ, который очень популяренъ. Сегодня за обѣдомъ разговоръ шелъ о народномъ театрѣ, о хорошей игрѣ актеровъ въ «Ревизорѣ»; и когда ген.-губернаторъ сказалъ ему, что министръ внутреннихъ дѣлъ на-

*) Д. Д. Шумахеру, скорбной памяти! П. Б.

ходилъ, что не слѣдуетъ давать «Ревизора» въ народномъ театрѣ, какъ *вредную* пьесу, Великій Князь сказалъ: Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ. Сегодня утромъ я имѣлъ разговоръ съ Великимъ Княземъ о старокатоликахъ, на переходъ которыхъ въ Православіе онъ сильно надѣется; и когда я навелъ разговоръ на письмо Аксакова къ Дёллингеру, то онъ сталъ нападать на безтактность и раздражительный тонъ этого письма, хотя приписывалъ ему большое достоинство. Онъ говорилъ также, что очень любитъ Аксакова и уважаетъ его за его правдивость и честность убѣжденій, но что Аксаковъ своей безтактностью всегда вредилъ дѣлу, которому сочувствовалъ. Видно, что въ этомъ вопросѣ Великій Князь не очень свѣдущъ и находится подъ вліяніемъ Осинина, отца Васильева и пр. Петербургскихъ мелкихъ богослововъ.

26 Октября. Сегодня вечеромъ у Аксакова читали письмо Ю. Ѳ. Самарина къ Кавелину, по поводу статьи послѣдняго: *Задачи психологіи.* Самаринъ, отдавая полную справедливость Кавелину за его добросовѣстный трудъ, не соглашается съ его положеніями и доказываетъ ему, что та душа, которую авторъ хочетъ представить самостоятельною, есть ничто иное какъ произведеніе той же матеріи, и ея существованіе оканчивается со смертію. Самаринъ оканчиваетъ свое заключеніе слѣдующими замѣчательными словами: «Церковь, опуская человѣка въ могилу, говоритъ: земля еси и въ землю прейдеши, а вы (Кавелинъ) говорите: отъ земли еси ты и съ плотію прейдеши. Это письмо замѣчательно по своей неумолимой логикѣ и по своему блистательному языку; посреди той апатіи, въ которой пребываетъ теперь все Русское общество, такое письмо утѣшительно дѣйствуетъ на душу и вѣетъ свѣжимъ воздухомъ. Къ тому же, при ослабленіи политическихъ и общественныхъ интересовъ, открывается болѣе мѣста для занятій отвлеченныхъ: философическихъ и религіозныхъ.

Два мѣсяца прошло, и я не имѣлъ охоты взяться за перо: такъ все гладко и пусто. Московское общество еще болѣе сократилось; нигдѣ почти нѣтъ собраній, гдѣ бы сходились для разговоровъ; только по Четвергамъ собираются у И. С. Аксакова, гдѣ бываетъ иногда довольно оживлено, по милости князя Черкаскаго и Гилярова-Платонова. Современный городской интересъ—это ссора князя Мещерскаго съ прочими предводителями дворянства, которые, впрочемъ, уже почти всѣ получили свои отставки. Говорятъ, что по поводу этой исторіи князь ** написалъ въ родѣ доноса къ министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ сваливаетъ всю вину на Самарина и князя Черкаскаго, которые будто бы постоянно мутятъ Московское общество и поджигали будто бы уѣздныхъ предводителей противъ князя Мещерскаго, тогда какъ Самаринъ былъ въ это время у себя въ деревнѣ въ Са-

марской губерніи, а князь Черкаскій рѣшительно не вмѣшивался въ эту историю, и они оба ни тѣломъ, ни душой не виноваты... На сторонѣ Мещерскаго самъ Государь, который сказалъ его тестю графу Строганову: Je sais que votre beau-fils a eu des démêlés avec la noblesse; mais il a parfaitement agi dans cette affaire *).

12 Ноября. Мое знакомство съ графомъ Павломъ Христофоровичемъ Граббе. Пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ старикъ-рыцарь. Онъ воспитанникъ Ермолова и славной эпохи 12-го года. Граббе умѣлъ сохранить свою независимость въ царствованіе Николая, который его любилъ, но часто противъ него и раздражался. Когда Граббе командовалъ драгунской дивизіей въ Курскѣ, Николай Павловичъ пріѣхалъ туда смотрѣть его дивизію и, получивъ передъ выѣздомъ на ученье какія-то непріятныя вѣсти отъ двухъ фельдъегерей, явился на смотръ въ самомъ ужасномъ расположеніи духа, такъ что Граббе, слыша его дикій голосъ, пересталъ даже передавать войску его команду. Вдругъ Государь, посреди ученья, круто повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ въ отведенный ему въ городѣ домъ; тогда Граббе тоже поскакалъ за нимъ, взошелъ за Государемъ по лѣстницѣ и прошелъ за нимъ по амфиладѣ растворенныхъ комнатъ до послѣдней стѣны. Тогда Государь, обернувшись къ нему и къ подошедшимъ тутъ полковымъ командирамъ, объявилъ, что онъ въ дивизіи не нашелъ того, чего требуетъ; на это Граббе отвѣчалъ, что въ его дивизіи есть все то, чего Государь требуетъ. На другой день, на вновь назначенномъ смотру, Государь былъ въ восхищеніи и, ставъ передъ дивизіей, закричалъ: *виноватъ*, и расцѣловалъ дивизіоннаго командира. Во время Крымской кампаніи Граббе былъ назначенъ командиромъ войскъ, защищавшихъ Кронштадтъ и Петербургъ съ моря. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ Января, Государь потребовалъ его къ себѣ уже поздно вечеромъ и разсказалъ ему все критическое положеніе нашей Крымской арміи. Тогда Граббе говорилъ ему, что надо дать огромное сраженіе, подобное тѣмъ, которыя прежде давали Русскіе, т. е. побѣдоносное, гдѣ, положивъ половину арміи, можно было уничтожить всѣхъ Англо-Французовъ, и что онъ Граббе берется прискакать въ Севастополь раньше всякаго фельдъегеря. Государь, выслушавъ эту рѣчь привѣтливо, говоритъ Граббе: да вѣдь у меня пороху нѣтъ! Черезъ 18 дней послѣ этого разговора Государь скончался. Эту натуру сгубили тоска и отчаянье.

---

*) Я знаю, что у вашего зятя были непріятности съ дворянствомъ; но въ этомъ дѣлѣ онъ поступалъ отлично.

4 Декабря. На дняхъ пріѣзжали въ Москву Прусскіе гости изъ свиты принца Карла Прусскаго. Эти господа не представляютъ ничего интереснаго; они очень мало развиты умственно. Бёнъ и Притвицъ имѣютъ солдатскій видъ; люди крупные по ихъ сложенію, но не по умственнымъ способностямъ. Изъ разговоровъ съ ними о послѣдней Французской войнѣ видно, что они глубоко презираютъ Французскій народъ. Между прочимъ при маіорѣ Притвицѣ находится въ услуженіи маленькій Французъ, un gamin de Paris, котораго онъ, какъ самъ разсказываетъ, формируетъ и наказываетъ пощечинами и драньемъ за волосы и за уши.

1873-й годъ.

8 Января 1873 года. Сегодня происходилъ въ здѣшнемъ Окружномъ Судѣ давно ожидаемый судъ надъ Нечаевымъ, который произвелъ на меня и на всѣхъ самое возмутительное впечатлѣніе. Этотъ Нечаевъ явился съ такимъ наглымъ видомъ, принималъ такія каррикатурно-величественныя и трагическія позы, что съ перваго раза вселилъ къ себѣ омерзѣніе. При первомъ своемъ появленіи на скамью подсудимыхъ, на вопросъ предсѣдателя Дейера онъ почти закричалъ: Я не считаю себя подсудимымъ вашего Государя и его законовъ не признаю и отвѣчать ни на что не намѣренъ. Когда предсѣдатель его остановилъ, онъ продолжалъ кричать: Я не Русскій подданный, я эмигрантъ. Тогда предсѣдатель велѣлъ его вывести. Во второй разъ, когда онъ появился, онъ тѣмъ же тономъ заговорилъ, что онъ эмигрантъ и законовъ деспотизма не признаётъ. Послѣ первой его выходки въ публики раздались крики: вонъ его мерзавца! Въ слѣдующія его появленія онъ говорилъ, между прочимъ, послѣ окончанія обвинительной рѣчи прокурора, что онъ уже сказалъ графу Левашову въ Петербургѣ, что онъ жизнью своею готовъ жертвовать, но честью никогда. Во время чтенія свидѣтельскихъ показаній онъ сидѣлъ обернувшись спиной къ суду и нагло поглядывалъ на публику. А когда предсѣдатель объявилъ ему приговоръ (двадцать лѣтъ каторжной работы), то онъ воскликнулъ: да здравствуетъ земскій соборъ и долой деспотизмъ! Судъ велъ себя умно и прекрасно. Рѣчь Дейера была замѣчательна по своей логичности, твердости и выражала благородныя мысли. Слава Богу, что это опасное дѣло кончилось такъ удачно, что судъ вышелъ съ торжествомъ изъ справедливо ожидаемыхъ препятствій, и что на него не должно пасть никакихъ нареканій свыше. Странно только и жаль, что, по распоряженію высшей полиціи, не дозволено редакторамъ газетъ сообщать отчетъ и свои впечатлѣнія по этому судебному

дѣлу, а разрѣшено имъ перепечатывать отчетъ изъ «Правительственнаго Вѣстника».

Въ продолженіи лѣта совершилось, для Россіи конечно, великое событіе — это взятіе Хивы и освобожденіе рабства ханомъ. Но и это событіе въ прежнее время, лѣтъ 5 или 6 тому назадъ, произвело бы на публику болѣе живое и радостное впечатлѣніе; а теперь, при умолкнувшихъ политическихъ и общественныхъ вопросахъ, никто и не откликнулся особенно на это событіе. — Вчера Государь, пробывъ здѣсь три дня, отправился въ Кіевъ и потомъ въ Ливадію. На выходѣ Государь очень холодно принялъ хлѣбъ-соль отъ Думы, у которой мало доброжелателей въ Петербургскихъ правительственныхъ сферахъ. Нашъ исправляющій должность президента графъ А. Н. отлично распоряжался: онъ совсѣмъ несуетливъ, держитъ себя почтительно, но весьма прилично и благородно. На мои глаза онъ довольно замѣчательная личность по своей умной распорядительности, твердости характера, толковости, и, главное, относится серьезно къ исполненію вообще своего долга; а какъ частный человѣкъ, онъ всей душой занимается воспитаніемъ своихъ дѣтей, и вообще нравственности безукоризненной. Онъ достоинъ изученія, и впослѣдствіи вѣроятно мнѣ придется не разъ о немъ говорить. При распущенности и легкомысліи нашихъ чиновниковъ и дѣятелей, такіе люди составляютъ исключеніе.

Вечеръ провелъ у графини Блудовой, проѣзжавшей черезъ Москву; тамъ былъ П. И. Бартеневъ; разговоръ о П. А. Вяземскомъ и покойномъ Тютчевѣ, для всѣхъ незабвенномъ.

23 Августа. Вчера у меня были П. Н. Свистуновъ, Андрей Оболенскій съ дочкой и И. С. Аксаковъ. Разговоръ объ апатіи и безучастіи ко всему нынѣшней молодежи. Настапъ вѣкъ экономическихъ интересовъ; они теперь на исторической очереди.

25 Августа. Утромъ былъ на похоронахъ Панина. Вечеромъ у Свистунова, который много вспоминалъ о миссіонерѣ о. Макаріи, объ его дарѣ прозорливости и его глубокой духовности. Онъ находился подъ вліяніемъ того духа, который ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизрѣченными (посл. къ Римлянамъ, глава 8, ст. 26). Макарій очень уважалъ Н. Д. Фонъ-Визину, хотя и зналъ ее мало.

29 Августа. Былъ въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ служилъ преосв. Леонидъ заупокойную обѣдню въ 40-й день послѣ смерти графа Александра Петровича Толстаго; проповѣдь сказалъ Греческій архимандритъ Григорій, съ большимъ чувствомъ. — Вечеръ провелъ у Дегая. Что за музыкальная чета! Они меня угостили музыкой. Дегай мнѣ читалъ, между прочимъ, нѣкоторыя мѣста изъ неизданнаго сочиненія его умершаго дяди Игнатьева, объемлющаго почти всѣ отрасли человѣ-

ческаго знанія, но болѣе посвященнаго наукѣ управленія народами. Что-то очень, или даже слишкомъ, оригинально.

1874-й годъ.

Пребываніе въ Москвѣ эрцъ-герцога Альбрехта Австрійскаго съ 5 по 9 Іюля 1874 года Этотъ принцъ произвелъ на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе своей любезностью, добротой и привѣтливостью; онъ всегда былъ дружески расположенъ къ Россіи, и бывъ въ 1839 году въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, купался съ нами, Преображенскими офицерами, въ пруду, похожемъ на лужу; съ нимъ еще тогда сдѣлалась судорога, и Лярскій его вынесъ изъ воды. Эрцъ-герцогъ напомнилъ мнѣ этотъ случай и тутъ меня назвалъ однимъ изъ своихъ избавителей. Его свита состояла изъ людей весьма любезныхъ, но не очень, кажется, просвѣщенныхъ. Вообще же Австрійцы, которые здѣсь перебывали въ послѣдніе два года, отличаются любезностью, веселостью, но болѣе люди поверхностные и мало интересуются Московскими древностями, не такъ какъ Прусаки и Англичане, которые лучше понимаютъ прелесть Москвы. Впрочемъ всѣ эти именитые посѣтители такъ утомляются поминутными поѣздками, обозрѣніями, что по-неволѣ дѣлаются подъ конецъ равнодушными ко всему, что̀ имъ показываютъ.

1875-й годъ.

1875 года, 3 Іюня. Проѣзжалъ черезъ Москву изъ Константинополя съ и Востока наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ-Францъ-Павелъ, братъ нашей Великой Княгини Марьи Павловны, добрый и милый молодой человѣкъ. При немъ находились два адъютанта, *Шуленбургъ* и баронъ *Мальцанъ*, очень порядочные и любезные господа; Шуленбургъ большой ружейный охотникъ и убилъ крокодила въ Нилѣ.

1875 года, 27 Іюня вечеромъ. Прибылъ въ Москву прямо изъ Риги король Шведскій и Норвежскій Оскаръ II-й, внукъ Бернадота. Онъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе своимъ любезнымъ, простымъ обращеніемъ; говоритъ онъ хорошо и умно. Сегодня 30 Іюня, за большимъ обѣдомъ у князя Долгорукова, поднявъ бокалъ, онъ обратился ко всѣмъ съ слѣдующею рѣчью: J'admire votre Empereur et félicite le peuple russe d'avoir un Monarque, qui a réalisé de si grandes et belles idées *). Потомъ, въ другой разъ, обращаясь къ хозяину кн. Долго-

*) Восхищаюсь вашимъ Императоромъ и поздравляю народъ Русской съ тѣмъ, что у него Государь, осуществившій столь великія и прекрасныя начàла.

рукову, онъ сказалъ: Je vous remercie, mon prince, de la cordiale hospitalité que j'ai reçue à Moscou, ce berceau des gloires et des traditions du peuple russe [1]). Обѣ рѣчи возбудили въ насъ самый искренній восторгъ и вызвали неумолкаемое «ура».

Осматривая Оружейную Палату и увидавъ носилки Карла XII, онъ обратился къ своей свитѣ и сказалъ: Nous avons été battus par les Russes, ce qui ne nous empêche pas d'etre restés bons amis [2]). Я вспомнилъ, что этотъ Оскаръ былъ въ 1846 году въ Петергофѣ, совершеннымъ юношей, и плѣнялъ всѣхъ своимъ хорошенькимъ лицомъ. Мнѣ теперь приходится видѣть въ Москвѣ много принцевъ и разныхъ знаменитостей, уже устарѣлыхъ, которыхъ я въ моей молодости встрѣчалъ въ Петербургѣ. Въ свитѣ короля мало интересныхъ личностей; всѣ большею частію люди молчаливые, невзрачные и съ затрудненіемъ говорящіе по-французски, исключая посланника Дуè, большаго болтуна и франта. Еще графъ Лагербергъ имѣетъ хорошую наружность.

17 Іюля. Прибыли въ Москву принцъ Піемонтскій Гумбертъ, съ супругой Маргаритой и принцессой Маріею Савойскою. Пробыли $4^1/_2$ дня, и 21 Іюля отправились черезъ Кіевъ за границу. Принцъ Гумбертъ былъ уже здѣсь въ Москвѣ въ 1867 году. Онъ человѣкъ очень обходительный, но не оживленный и, кажется, мало интересуется тѣмъ что́ видитъ; наружность его очень странная, и глаза его точно дикіе. Но принцесса Маргарита весьма интересная и симпатичная личность; она очень привѣтлива, граціозна и образована; манеры ея только не царскія. Вчера, то-есть, 20 Іюля, я сопровождалъ ее къ Троицѣ, и во время нашего пути, посланникъ Нигра (chevalier Nigra) читалъ намъ великолѣпно свой переводъ Пушкинскаго «Пророка» и «Анчара», и своего собственнаго стихотворенія: «Ночная прогулка Сардинскаго короля Карла Алберта на полѣ сраженія». Хотя и не понимаю я по-итальянски, но Нигра такъ хорошо и пластично читалъ, что я понялъ главный смыслъ стихотворенія. Этотъ Нигра во многихъ отношеніяхъ замѣчательная личность. Прочія лица свиты ничего не представляютъ особеннаго. Маркиза Ментерепа, статсъ-дама, очень добрая и любезная дама; и всѣ кавалеры очень вѣжливые, привѣтливые и скромные люди.

---

[1]) Благодарю васъ, князь, за сердечное гостепріимство, встрѣтившее меня въ Москвѣ, этой колыбелѣ славы и преданій Русскаго народа.

[2]) Мы были побѣждаемы Русскими, что́ не мѣшаетъ намъ оставаться добрыми друзьями.

1876-й годъ.

1 Августа 1876 года. Прибыли въ Москву короли и королевы Датскіе и Греческіе, съ принцессой Тирой, принцемъ Вольдемаромъ и съ Цесаревной Великой Княгиней Маріей Ѳеодоровной и 3 Августа въ 9½ ч. вечера отправились обратно въ Петербургъ. Всѣ они были очень милы и любезны.

31 Августа. Вся Россія волнуется, негодуетъ на Турокъ за ихъ безчеловѣчную, звѣрскую войну; а особенно негодуетъ противъ нашей безцвѣтной политики, противъ нашего страха передъ Европой, и жаждетъ войны. Любовь и участіе къ Сербамъ, Болгарамъ и Черногорцамъ проявляются безпрестанно въ пожертвованіяхъ денежныхъ, въ отправкѣ волонтеровъ и даже въ манифестаціяхъ на улицѣ. 27 Августа, на Смоленской желѣзной дорогѣ, при отправленіи походной церкви и знамени въ Бѣлградъ, собралось множество народу, до 10.000 человѣкъ, которые, пропѣвъ народный гимнъ и «Спаси Боже люди Твоя» и, проводивъ отъѣзжавшихъ волонтеровъ самыми трогательными напутственными благословеніями, отправились обратно огромной толпой по Тверской, останавливались сперва передъ домомъ губернатора Дурново, потомъ генералъ-губернатора, съ пѣніемъ «Спаси Господи люди Твоя», дальше пошли къ Тверской и, наконецъ, къ монументу Минина и Пожарскаго. Толпа эта двигалась спокойно и весьма прилично; никакого буйства и скандала не происходило. Нашъ генералъ-губернаторъ въ опасеніи какихъ-нибудь безпорядковъ, и вся Московская полиція была въ тревогѣ.

28 Октября 1876 года. Сегодня на выходѣ во дворцѣ, въ Георгіевской залѣ, Государь произнесъ свою замѣчательную политическую рѣчь, которая произвела взрывъ восторга. «Ура» не умолкало, всѣ мы кричали и махали шляпами. Государь произнесъ свою рѣчь громкимъ и твердымъ голосомъ. Императрица стояла рядомъ съ нимъ, выраженіе ея лица было умилительное. Эта рѣчь затронула самыя живыя струны сердца, съ котораго какъ будто свалился тяжелый камень. Сегодня вечеромъ Дума собирается для написанія адреса, а завтра Московское дворянство въ экстра-ординарномъ собраніи.

1877-й годъ.

19 Декабря 1877 года. Государь возвратился въ Петербургъ и съ восторгомъ былъ принятъ. Его видъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе; хотя онъ и похудѣлъ, но бодрый духъ выражается въ его

лицѣ. Всѣ возвратившіеся съ нимъ говорятъ, что онъ былъ Ангеломъ-хранителемъ для арміи. Отзывы о Наслѣдникѣ самые благопріятные. Минута критическая, всѣ ожидаютъ какой-нибудь гадости со стороны Англіи.

20 Декабря. Утромъ участвовалъ въ коммиссіи у графа Ламздорфа на счетъ правильной отчетности въ Дворцовой Конторѣ; обѣдалъ съ братьями у Сушковыхъ, вмѣстѣ съ О. А. Новиковой и И. С. Аксаковымъ. Новикова недавно вернулась изъ Англіи, гдѣ, по ея словамъ, общественное мнѣніе не слишкомъ раздражено противъ Россіи; но придворная партія, съ королевой во главѣ и принцемъ Эдинбургскимъ, страшно озлоблены противъ Россіи. Вечеръ провелъ у княгини Е. А. Черкаской.

21 Декабря. Страшные стоятъ холода. Вечеромъ слушалъ чтеніе Юрьева, который слишкомъ размазываетъ свою лекцію и не мастеръ говорить, но читаетъ съ одушевленіемъ. Вечеромъ былъ у Нейдгардовъ и встрѣтилъ тамъ пріѣхавшаго изъ Малой Азіи, съ театра войны, Сергѣя Сергѣевича Бутурлина, который разсказывалъ, что наша армія сильно терпитъ отъ холоду и отъ недостатка горячей пищи, особенно подъ Эрзерумомъ.

22 Декабря. Сегодня пришла интересная и отрадная вѣсть о переходѣ отряда Гурко черезъ Балканы.

Обѣдалъ у княгини Н. В. Долгорукой; вечеръ провелъ у Аксакова, который теперь ищетъ послать въ Болгарію уполномоченнаго отъ Славянскаго Комитета, но такого не находитъ.

24 Декабря. Сочельникъ. Слушалъ вечерню въ Успенскомъ соборѣ; мною овладѣло отрадное, духовно-радостное чувство; разныя воспоминанія прошедшаго, и особенно о преосвященномъ Леонидѣ, посѣтили мою душу; было свѣтло на душѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно. Служба Рождества Христова всегда производитъ на меня благодатное впечатлѣніе. Сегодня получены хорошія извѣстія изъ отряда г. Гурко; только ужасно то, что въ отрядѣ г. Дандевиля погибло столько людей отъ морозной бури. Что за ужасныя испытанія претерпѣваютъ наши геройскія войска; это истинные мученики!

25 Декабря. Слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ; потомъ дѣлалъ разные визиты и былъ у митрополита Иннокентія. Видъ Троицкаго подворья всегда наводитъ меня на пріятныя воспоминанія. Обѣдалъ у барона Боде, а вечеръ окончилъ у графини Соллогубъ. Нынче пришло извѣстіе о занятіи Софіи. Слава Богу!

26 Декабря. Сегодня пришла телеграмма съ подробностями о переходѣ нашей арміи черезъ Балканы. Это удивительный подвигъ, это была битва Титановъ съ стихіями, съ бурями и со льдами. Преобра-

женскій полкъ отличался, и Николай Николаевичъ Вельяминовъ одержалъ блистательную побѣду. Я очень радъ за него, столь несчастнаго подъ Плевной. Подвигъ нашихъ войскъ можно только сравнить съ переходомъ Суворова черезъ Альпы. Что за герои наши офицеры и солдаты! Слухъ носится, что и дипломатія наша заговорила энергическимъ языкомъ съ Англіей. У Щербатовыхъ на вечерѣ говорили, что Радецкій спустился въ Шипку; все радостныя извѣстія.

27 Декабря. Все утро дѣлалъ визиты. Обѣдалъ у Батюшковыхъ съ Чертковыми, Свѣчиной, Дашковымъ и проч. Вечеръ у Нейдгарда и Шереметевыхъ.

29 Декабря. Радостная вѣсть о плѣненіи Шипкинской Турецкой арміи. Турки толкуютъ о перемиріи. Всѣ въ Москвѣ ликуютъ. Говорятъ, что Наслѣдникъ принимаетъ командованіе надъ Софійской арміей и что будто Обручевъ назначается къ нему въ начальники штаба. Аксаковъ получилъ письмо отъ Алабина изъ Болгаріи, который пишетъ, что, послѣ взятія Плевны, наши солдаты грабили лавки и многіе Болгарскіе дома. Сюда пріѣхалъ изъ Петербурга литераторъ Боборыкинъ и хочетъ прочесть нѣсколько лекцій о Славянскихъ земляхъ, съ цѣлью примирить взглядъ Петербургской интеллигенціи съ Московско-Византійскимъ и Православнымъ взглядомъ; онъ позитивистъ и вѣроятно не найдетъ отголоска въ Московской публикѣ.

30 Декабря. Былъ на молебнѣ въ Успенскомъ соборѣ по случаю разбитія Шипкинской арміи. Вечеромъ у Сушковыхъ, разговоръ М. В. Дурново съ Чичеринымъ о прогрессѣ вообще. Онъ утверждалъ, что не по всѣмъ частямъ человѣческой жизни замѣтенъ прогрессъ; напр. развитіе искусства въ нынѣшнее позитивное время совершенно незамѣтно. Греческому искусству художники не подражаютъ, тогда какъ оно есть достиженіе идеала вѣчной красоты. Впрочемъ, этотъ разговоръ былъ веденъ à bâtons rompus *).

1878-й годъ.

1 Января 1878 года. Годъ начинается подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ успѣховъ нашего оружія. Турки всюду бѣгутъ, и Русское войско побѣждаетъ; но зима со всѣми ея ужасами даетъ себя жестоко чувствовать. Сегодня въ Успенскомъ соборѣ говорилъ Михаилъ, ректоръ Московской Духовной Академіи, прекрасную проповѣдь о чистотѣ сердца.

*) Изъ пятаго въ десятое.

5 Января. Сочельникъ. Слушалъ въ 12 часовъ обѣдню съ вечерней въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ для меня всегда особенно бываетъ отрадно. Обѣдалъ у гр. Ламздорфа; слушалъ всенощную у Рождества Богородицы и окончилъ вечеръ у Аксакова. Говорили про наши блистательныя дѣла военныя; кажется, что Русское правительство не согласится на перемиріе, а будетъ твердо и рѣшительно въ своихъ требованіяхъ. Сегодня въ «Моск. Вѣд.» напечатанъ замѣчательный рескриптъ Государя на имя Моск. ген.-губернатора кн. Долгорукова, по поводу его поздравленія съ Новымъ годомъ. Тамъ замѣчательно особенно то мѣсто, гдѣ говорится, что Москва, своимъ благимъ примѣромъ, явилась и въ настоящемъ случаѣ во главѣ Русскаго народа, доказавшаго свое сочувствіе къ цѣли *предпринятаго* въ минувшемъ году похода и къ геройскимъ подвигамъ побѣдоноснаго Русскаго воинства. Эти слова показываютъ, что правительство вступаетъ на путь народный и сочувствуетъ теперь тому стремленію народному, которое оно въ прошломъ году, особенно передъ началомъ кампаніи, преслѣдовало, и за какое сочувствіе между прочимъ Аксаковъ получилъ два раза выговоръ. Времена мѣняются и, слава Богу, въ этомъ случаѣ къ лучшему.

6 Января. Слушалъ обѣдню въ Кремлѣ, смотрѣлъ изъ дворца на крестный ходъ. Обѣдалъ у Дурновыхъ; разговоръ коснулся до управленія Краснаго Креста и взгляда правительства на Славянскій вопросъ. Марья Васильевна разсказала, что еще недавно она узнала, что Императрица была недовольна воззваніемъ отъ Московскаго склада къ публикѣ о пособіяхъ въ пользу раненыхъ, написаннымъ Аксаковымъ, такъ какъ тамъ вставлена была фраза политическаго значенія; за это конечно не было никакого выговора, но Исаковъ писалъ къ Марьѣ Вас., чтобы впредъ всякая публикація отъ учрежденія Краснаго Креста была подвергаема цензурѣ мѣстнаго управленія. Вечеромъ былъ на представленіи въ Двор. Клубѣ, въ пользу Краснаго Креста, гдѣ г. Правдинъ читалъ «Записки Сумасшедшаго» Гоголя; онъ былъ одѣтъ въ халатѣ сумасшедшаго и представлялъ эту сцену съ большимъ искусствомъ; только это представленіе произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе: оно слишкомъ реально, и никогда такого рода сцены не должны быть представляемы въ лицахъ.

9 Января. Обѣдня у б. Боде въ день Св. Филиппа. Все вниманіе Россіи обращено теперь на ожидаемый миръ; говорятъ, что Болгарія, хотя и будетъ независимымъ государствомъ, но останется однако вассальнымъ, то-есть какъ бывшая Сербія будетъ платить дань Турціи, что̀ многихъ смущаетъ. Въ настоящую минуту, когда побѣдоносная наша армія не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, когда разбросанные Турецкіе отряды бѣгутъ передъ нашими героями, когда Англія изоли-

рована и не можетъ намъ представить какихъ-либо матеріальныхъ препятствій, зачѣмъ бы, кажется, не докончить окончательно Славянскаго дѣла, и не дать полной независимости Болгаріи, разбивъ въ прахъ этотъ кошемаръ, созданный Европой для нашего запугиванья? Конечно Европа, насъ вполнѣ ненавидящая, придетъ въ негодованіе отъ разсѣченія мечемъ Гордіева узла; но для чего же обращать вниманіе на эту ненависть, и для чего заискивать милости Европы въ такую благопріятную для насъ минуту? А эта ненависть вездѣ проявляется. Недавно вышелъ 3-й томъ книги Martin о жизни du Prince-Consort, Альберта, исполненный злобы и негодованія противъ Россіи. Въ Mémoires du prince de Gentz тоже трактуютъ Россію какъ недостойную занимать мѣсто между Европейскими державами. Причина этой ненависти кроется въ антипатіи народовъ къ Славянскому племени и въ какомъ-то роковомъ невѣжествѣ относительно Россіи, которую иныя личности начали серьезно теперь изучать и съ ней примиряться, но какъ только ихъ націи вступаютъ во враждебныя отношенія къ Россіи, такъ и они присоединяются къ общему враждебному хору и забываютъ все то, чтó пріобрѣли изученіемъ Россіи. А мы, подобострастные поклонники Запада, только расшаркиваемся передъ Европой и желаемъ заслужить ея милости, во зло своей личности, которую отрицаемъ, и дѣлаемся космополитами, дабы прослыть людьми просвѣщенными. Богъ дастъ, эта война насъ отрезвитъ и сдѣлаетъ насъ болѣе самостоятельными.

11 Января. Нынче былъ на молебствіи въ Успенскомъ соборѣ, по случаю побѣды одержанной Гурко. Наше войско идетъ тріумфаторомъ, только не знаемъ, дойдетъ ли оно до Константинополя при общемъ ликованіи; всѣ тревожатся на счетъ условій мира, которыя мы предпишемъ Туркамъ. Вечеромъ у графини М. Ѳ. Соллогубъ говорили, какъ бы было утѣшительно, еслибъ Русскіе въ Константинополѣ водрузили крестъ надъ храмомъ Св. Софіи, но увы! кажется, что эта мысль одна химера. Впрочемъ увидимъ: черезъ нѣсколько дней мы должны узнать о требованіяхъ нашего правительства.

12 Января. Наши войска вступили въ Адріанополь, а главныя наши силы идутъ на Галиполи; кажется, что мы побываемъ и въ Царьградѣ: всѣ препятствія сглаживаются. Англія примирилась съ этою мыслію. Только въ Германіи и Австріи Славяне смотрятъ недоброжелательно на предполагаемое присоединеніе Герцеговины и Босніи къ Австріи; вчера Нилъ Поповъ получилъ письмо отъ профессора изъ Берлина, гдѣ онъ выражаетъ свое негодованіе на то, что Россія допуститъ присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи, этихъ двухъ племенъ, которыя начали возстаніе и открыли путь къ освобож-

денію христіанъ.—О. А. Новикова получила письмо отъ Фримана изъ Англіи, гдѣ онъ, выражая свое сочувствіе къ Россіи, надѣется, что она заключитъ самый блистательный миръ и не пожалѣетъ Турокъ.

13 Января. Нынче пріѣхавшіе изъ Петербурга Шиповы сообщили, что наша армія до Галиполи не дойдетъ, а займетъ только узелъ желѣзной дороги, *Демотику*; но рѣшено идти и занять Константинополь. Изъ Петербурга выѣхалъ графъ Игнатьевъ, для веденія переговоровъ и для даванія совѣтовъ. Наша главная квартира не богата умными людьми, и присутствіе Игнатьева тамъ можетъ быть очень полезно. Обѣдалъ сегодня у Дурновыхъ, гдѣ опять нападали на И. С. Аксакова за его рѣчь, сказанную въ Славянскомъ Комитетѣ еще въ Сентябрѣ.—Здѣсь носится слухъ о пріѣздѣ какихъ-то депутатовъ отъ студентовъ Петербургскаго Университета къ Московскимъ студентамъ, приглашающихъ ихъ подписать адресъ или прошеніе къ Государю о помилованіи недавно судимыхъ въ Петербургѣ политическихъ преступниковъ, дѣлавшихъ на судѣ разныя безобразія. Все это дѣло, по отзыву свѣдущихъ людей, было ведено безтолково и неосмотрительно: похватали этихъ безобразниковъ огромное число, продержали три года въ заключеніи, смѣшавъ истинно-виновныхъ съ легко прикосновенными къ дѣлу; потомъ принуждены были выпустить на свободу весьма значительное количество и судили, наконецъ, раздраженную толпу, которая только производила скандалы въ засѣданіяхъ.

15 Января. Общее смущеніе во всемъ обществѣ по поводу слуховъ объ условіяхъ будто нами предложенныхъ Турціи; дай Богъ, чтобъ эти слухи не оправдались! Это будетъ ужасно и унизительно для насъ, если точно эти условія оправдаются.

19 Января. Опять продолжается сбивчивость въ телеграммахъ объ условіяхъ мира; всѣ недоумѣваютъ. Катковъ сегодня, какъ говорятъ, повеселѣлъ и увѣренъ, что Государь не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ, особенно въ отношеніи къ Болгаріи. Но Аксаковъ все еще въ мрачномъ настроеніи. Можно только положительно сказать, что въ Англіи и Австріи ведется сильная интрига противъ нашихъ условій мира.

28 Января. Вчера появились въ газетахъ наши условія мира, которыя всѣхъ обрадовали; нѣкоторые только предвидятъ, что на конференціи, на которой представителемъ Россіи будетъ князь Горчаковъ, мы уступимъ; но я надѣюсь и вѣрую въ сердечную мудрость Государя, что дѣло кончится со славою для Россіи.

3 Февраля. Всѣ эти дни ожидали вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь; но сегодня пришло извѣстіе, будто Англія воспротивилась этому. Есть слухи изъ Зимняго дворца, что Государь находится въ твердомъ и непреклонномъ настроеніи, и никакія дипломати-

ческія махинаціи не сведутъ его съ пути избавленія христіанъ отъ магометанскаго ига. Надо терпѣливо ожидать *).

13 Февраля. Тревожное политическое положеніе продолжается. Турки, подстрекаемые Англичанами, особенно при видѣ Англійскаго флота, стоящаго въ Босфорѣ, медлятъ подписывать условія мира. Всѣ здѣсь находятся въ ожиданіи и въ тревогѣ. Англичане и Австрія такъ озлоблены противъ Россіи, что хотятъ во всякомъ случаѣ, и въ послѣднюю минуту, вырвать у насъ блескъ нашихъ побѣдъ и стушевать наши успѣхи. Вѣроятно миръ будетъ заключенъ, но не тотъ миръ радостный и славный, котораго мы ожидали.

24 Февраля. Смерть князя Черкаскаго очень печальное событіе.

5 Марта. Сегодня утромъ, въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, И. С. Аксаковъ сказалъ прекрасное слово о князѣ Черкаскомъ, гдѣ онъ весьма разумно объяснялъ между прочимъ тѣ упреки, которые падали на него со всѣхъ сторонъ, въ его честолюбіи, будто единственномъ двигателѣ его государственной и общественной дѣятельности; и двумя крупными обстоятельствами, какъ отказомъ продолжать службу въ Царствѣ Польскомъ и настойчивостью въ подачѣ думскаго адреса, оправдывалъ его отъ этого обвиненія. Главнымъ двигателемъ Черкаскаго была любовь къ Россіи и къ народу Русскому; а увѣренность его въ пользѣ, которую онъ могъ принести своей службой, заставила его называться на службу. Онъ ревновалъ о такой дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждалъ иронической стороной своего характера зависть и подозрѣніе большей части общества, а своими талантами и откровенностью, всегда иронически выражаемой, кололъ глаза государственнымъ посредственностямъ.—Сегодня утромъ слушалъ обѣдню въ Богоявленскомъ монастырѣ. Амвросій сказалъ прекрасное слово о покаяніи (2. п. къ Коринѳянамъ, глава VII, ст. 9). Потомъ онъ сказалъ нѣсколько сочувственныхъ и разумныхъ словъ въ память покойнаго князя Черкаскаго.

*

Здѣсь, къ сожалѣнію, кончаются любопытныя замѣтки С. М. Сухотина. († 1886). Въ бумагахъ его осталась еще небольшая автобіографическая записка, которую читатели прочтутъ съ удовольствіемъ, такъ какъ они конечно полюбили добраго, честнаго, просвѣщеннаго и отзывчиваго Москвича. П. Б.

---

*) Къ несчастью, у насъ не было прямой проволоки до Санъ-Стефано, и сношенія Петербурга съ главною квартирою нашихъ войскъ происходили черезъ Германскаго посла въ Константинополѣ князя Рейса. А между тѣмъ сокровища султана увозили на Азіатскій берегъ, и Константинопольскія казармы готовились для пріема побѣдителей. П. Б.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА С. М. СУХОТИНА.

Москва 15 Апрѣля 1875 года.

Родился я въ Москвѣ, 18 Мая 1818 года, на Большой Якиманкѣ, въ домѣ бывшемъ Денисьева, и крещенъ въ приходской церкви Іоакима и Анны. Начинаю себя помнить съ 7-ми-лѣтняго возраста, въ 1825 году, когда мы жили въ деревнѣ, въ нашемъ миломъ гнѣздѣ, селѣ Кочетахъ, Новосильскаго уѣзда. Семейство наше было большое, и мы жили въ деревнѣ довольно оживленно. Въ залѣ былъ устроенъ театръ съ декораціями и занавѣсью, гдѣ мы, т. е. дѣти и пріѣзжіе родственники, игрывали, когда приходились торжественные семейные праздники. Въ устройствѣ механизма участвовали нашъ отецъ и нѣкоторые изъ самыхъ ловкихъ дворовыхъ людей. Помню, что пьеса самая модная въ нашемъ невинномъ репертуарѣ была Agar dans le désert, гдѣ Ангелъ спускался на землю въ какой-то люлькѣ, а источникъ воды былъ представленъ посредствомъ самовара, поставленнаго сзади декораціи. Въ одну изъ репетицій театральныхъ, въ концѣ Ноября или началѣ Декабря 1825 года, вечеромъ, мы услыхали звонъ колокольчика и стукъ экипажа, подъѣхавшаго къ крыльцу. Пришли доложить отцу, что пріѣхалъ становой, который привезъ извѣстіе о смерти государя Александра Павловича. Отецъ весь въ слезахъ пришелъ намъ объ этомъ объявить, и мы дѣти, не имѣвшіе понятія о Государѣ, тоже принялись плакать. На эти рыданія прибѣжала мать, и наша театральная зала превратилась въ сцену плача, который конечно недолго продолжался. Помню, что на другой день пріѣхалъ священникъ, и отецъ присягалъ новому государю Константину Павловичу. Вообще жизнь наша въ деревнѣ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ сряду, протекала тихо и пріятно. Родители наши любили насъ всей душой и заботились, главное, объ нашемъ благополучіи. У насъ былъ гувернеръ-Французъ, Жераръ (m-r Gérard), большой невѣжда по части педагогіи, но былъ хорошъ тѣмъ, что пріучилъ насъ братьевъ къ Спартанской дисциплинѣ, къ перенесенію усталости, къ прогулкѣ во всякую погоду, къ раннему и быстрому вставанью, къ холодной спальнѣ. Я ему очень благодаренъ за внушеніе такихъ хорошихъ привычекъ, которыя мнѣ облегчили тягости военной дисциплины, въ началѣ моей гвардейской службы.

Этотъ Жераръ, проживъ у насъ два года, отправился на короткое время для свиданія съ родителями къ себѣ на родину, близъ Седана и

Мезьера, откуда вернулся опять къ намъ съ младшимъ своимъ братомъ Гюберъ (Hubert), 15-ти-лѣтнимъ, весьма добрымъ и благороднымъ юношей, но совершенно неотесаннымъ. Хотя мы и всѣ сосѣди наши жили очень скромно и просто, но Гюбера поражала даже и эта скромная обстановка. Помню, что разъ, стоя со мною на балконѣ и увидавъ ѣхавшихъ къ намъ на охотничьихъ старинныхъ дрожкахъ (или въ долгушѣ) сосѣдей нашихъ князей Голицыныхъ, совсѣмъ не щеголеватыхъ, Гюберъ воскликнулъ: Les princes! Mais où est donc leur suite *)? Мы вмѣстѣ учились съ этимъ Гюберомъ и очень подружились.

Изъ родственниковъ нашихъ, верстахъ въ 40, близъ Орла, жило семейство Павловыхъ, веселые, умные и симпатичные люди. Они къ намъ часто ѣзжали, и пріѣздъ ихъ былъ для насъ всегда праздникомъ. Отецъ ихъ, мой дядя, Василій Никитичъ, былъ типъ Русскаго, добраго толковщика, умнаго балагура, котораго всѣ любили, отъ стараго до малаго, и который всѣмъ возрастамъ умѣлъ угождать своими разговорами. Онъ очень любилъ играть въ шашки, и когда живалъ въ Москвѣ, то ходилъ играть съ купцами къ нимъ въ лавки. Жена его, моя тетка, Анна Михайловна Павлова (р. Соковнина), недавно умершая, была женщина особенно добрая, умная, литературно-образованная, и писала премилые стихи. При этомъ оба эти симпатичные супруги были беззаботны на счетъ своихъ дѣлъ, всегда нуждались въ деньгахъ, но не унывали.

Въ нашемъ сосѣдствѣ жилъ одинъ отставной морякъ Алексѣй Ивановичъ Веревкинъ, старый холостякъ и великій чудакъ; онъ былъ большой пріятель моего отца. Это было смѣшеніе самыхъ благородныхъ, высокихъ чувствъ, самоотверженія, независимости, искренней дружбы, съ деспотизмомъ, развратомъ и самодурствомъ помѣщичьей власти. Онъ серьезно хлопоталъ о благосостояніи своихъ крестьянъ, снабжалъ нуждавшихся деньгами и хлѣбомъ, но при этомъ, если замѣчалъ, что облагодѣтельствованный имъ домохозяинъ не поправляется и что не въ пользу ему пошло пособіе барское, онъ его призывалъ, читалъ ему мораль и отдиралъ немилосердно на конюшнѣ. Отецъ мой, человѣкъ очень добрый, которому Веревкинъ былъ душевно преданъ, часто смягчалъ и останавливалъ его въ порывахъ барскаго гнѣва. Какъ старый морякъ, Веревкинъ вводилъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ корабельный порядокъ, и аккуратности былъ неимовѣрной, доходившей иногда до комизма. Онъ былъ страстный псовый охотникъ и развилъ во мнѣ эту страсть, дарилъ собакъ и вообще воспламенялъ во мнѣ это врожденное чувство. Его пріятель и товарищъ по охотѣ былъ князь Александръ Борисовичъ Голицынъ, который тоже возбуждалъ во мнѣ, съ моего дѣтства, страсть къ псо-

*) Князья! Да гдѣ же ихъ свита?

вой охотѣ, сдѣлавшейся моимъ любимымъ удовольствіемъ, и въ продолженіи моей 10-ти-лѣтней службы въ гвардіи, во времена самыя строгія, при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, я находилъ возможность, подъ разными большею частію выдуманными предлогами, выхлопатывать себѣ отпускъ каждогодно осенью. Любовь къ охотѣ усиливалась еще любовью къ тѣмъ мѣстамъ роднаго края, которыя дѣйствовали всегда на мое юношеское поэтическое воображеніе. Счастливые годы моего дѣтства и юношества, проведенные въ деревнѣ, въ дружномъ нашемъ семействѣ, подъ руководствомъ честныхъ, добрыхъ и горячо насъ любившихъ родителей, подѣйствовали благотворно на мой характеръ, развили во мнѣ любовь къ людямъ и къ природѣ и возбудили то стремленіе къ идеаламъ, безъ котораго жизнь теряетъ всякую прелесть.

Тихо и спокойно протекала наша жизнь въ Москвѣ и въ деревнѣ до первой моей поѣздки въ Петербургъ, въ Іюнѣ 1833 года, со всѣмъ семействомъ, для опредѣленія старшаго моего брата Ѳедора въ Юнкерскую школу. Мы отправились въ путь въ своихъ экипажахъ, но на почтовыхъ, и на пути заѣзжали въ Нилову пустынь, близъ Осташкова. Дорога идетъ черезъ дремучіе лѣса, мимо маленькихъ монастырей или пустынь, куда большею частію ссылаютъ на покаяніе разныхъ провинившихся духовныхъ лицъ. Нилова пустынь, по своему благообразію, произвела тогда на насъ самое благопріятное впечатлѣніе. Въ Петербургъ мы ѣхали по прекрасной погодѣ; везли насъ скоро, и ямщики тогда по этому тракту отличались ловкостью и молодечествомъ. Между ними нерѣдко попадались хорошіе пѣсенники. Помню, какъ однажды ночью насъ плѣнялъ ямщикъ своимъ пѣніемъ: *Зима ты моя, зимушка*! Тогда ямщики Русскіе были типичны; ils avaint la figure de l'emploi *).

Въ Петербургъ мы пріѣхали поздно вечеромъ, и признаюсь, что первое впечатлѣніе при въѣздѣ было самое неблагопріятное. Для насъ была нанята квартира на Сергіевской. Вскорѣ возвратились въ Петербургъ наши родные, семейство Фанъ-деръ-Флитъ, и съ этихъ поръ начинается романическая сторона моей жизни. Я былъ восхищенъ моей прелестной кузиной и совершенно ей заполоненъ. Эти три мѣсяца, проведенные мною въ Петербургѣ, въ однихъ развлеченіяхъ, parties de plaisir, въ обществѣ de la dame de mes pensées, прошли для меня какъ очаровательный сонъ, и я тутъ же рѣшился, черезъ два года, поступить также юнкеромъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Лѣто было жаркое, и мы съ братомъ часто ходили купаться въ купальню, что́ противъ Лѣтняго сада. Однажды увидѣли мы

---

*) Ихъ внѣшность соотвѣтствовала ихъ должности.—Куда дѣлись эти войлочныя шляпы черепенникомъ? П. Б.

между купавшимися кудрявую черную голову человѣка, который насъ поразилъ своей особенной, замѣчательной физіономіей. Онъ подплылъ къ намъ и сталъ насъ учить плавать по всѣмъ правиламъ искусства *). Это былъ Пушкинъ, имя котораго произнесъ вошедшій въ купальню князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Мы были въ восторгѣ и цѣлый день потомъ говорили объ этомъ счастьи: такое чарующее вліяніе имѣлъ Пушкинъ на молодежь.

Въ это время я познакомился въ Петербургѣ со многими молодыми людьми, пріятелями и товарищами моего двоюроднаго брата Ѳедора Тимофѣевича Фанъ-деръ-Флита, весьма образованными и особенно интересующимися литературой. Такъ какъ тогда политика, земское дѣло и внутренняя администрація никого не интересовали, и собственно дѣло просвѣщенія было достояніемъ одного дворянскаго класса, то весьма естественно, что молодежь болѣе или менѣе избранная предавалась всей душой занятіямъ литературнымъ. Изъ Французскихъ писателей болѣе всѣхъ интересовались: Cousin, Guizot и Thiers. Англійская литература не была, какъ теперь, въ большомъ ходу; потому что вообще мало учились Англійскому языку, особенно мущины, а, главное, родители хлопотали о томъ, чтобъ дѣти ихъ бойко говорили по-французски. Многіе, коверкая языкъ, грассировали нарочно, думая черезъ это походить на Французовъ.

Проведя въ Петербургѣ все лѣто 1833 года, послѣ поступленія брата Ѳедора въ Школу подпрапорщиковъ, мы въ Октябрѣ отправились обратно въ Москву и заѣзжали въ гости въ Дмитровскій уѣздъ, с. Храброво, къ нашимъ роднымъ и друзьямъ князьямъ Оболенскимъ; а въ Ноябрѣ поселились опять въ нашемъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ я принялся снова за свое ученье, сперва имѣя въ виду приготовленіе къ Университету. Но ученье шло съ грѣхомъ пополамъ, безъ опредѣленной цѣли, и часто нарушалось удовольствіями, театрами и дѣтскими балами, которые тогда въ Московскомъ обществѣ были довольно часты. Сердце у меня было не камень, я былъ очень впечатлителенъ и влюблялся во многихъ тогда изъ моихъ сверстницъ, изъ которыхъ особенно была плѣнительна Варинька Жихарева, вышедшая потомъ замужъ за князя Элима Мещерскаго и надѣлавшая много шуму своими похожденіями; у ея родителей бывали очень милые балы. Изъ плѣнявшихъ меня барышенъ были графиня Любовь Апраксина, теперь старушка, жена князя С. П. Голицына, Настенька Урусова, знаменитая теперь Мальцова. Модными кавалерами были: братья князья Мещерскіе и многочисленные, не переводящіеся въ

---

*) Разсказъ о томъ помѣщенъ С. М. Сухотинымъ въ «Р. Архивѣ» 1864, стр. 1083. П. Б.

Москвѣ князья Оболенскіе. (Часть этого лѣта 1834 г. описана въ моемъ журналѣ, который я велъ тогда по-французски).

Лѣто 1834 года мы провели по обыкновенію въ милыхъ Кочетахъ. Зиму 1835 года жили мы въ Москвѣ, и тогда рѣшено было для меня готовиться къ поступленію на слѣдующую осень въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Изъ учителей, ходившихъ ко мнѣ на домъ, я сохранилъ особенное воспоминаніе о Павлѣ Степановичѣ Щепкинѣ, который училъ меня математикѣ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый любезный, остроумный и живой человѣкъ. Бывши домашнимъ человѣкомъ у графа Петра Александровича Толстаго, онъ встрѣчался тамъ съ разными тогда знаменитыми личностями и говорилъ съ восторгомъ о любезности и оживленномъ разговорѣ князя Александра Николаевича Голицына. Моимъ учителемъ Русской граматики и риторики былъ знаменитый Бѣлинскій, біографіи котораго Пыпинъ посвятилъ столько любопытныхъ статей, что мнѣ нечего описывать его характеръ и вліяніе на литературу; но я вспоминаю нѣкоторыя его нравственныя черты и выходки, которыя могутъ имѣть интересъ для его поклонниковъ. Бѣлинскій тогда былъ очень молодъ, пылокъ, какъ всегда нервенъ и не зналъ предѣловъ своимъ умственнымъ и душевнымъ увлеченіямъ. Наши уроки проходили больше въ самыхъ разнообразныхъ, живыхъ разговорахъ и спорахъ, особенно по поводу театра.

Въ этотъ годъ весной пріѣзжалъ въ Москву Каратыгинъ съ своей женой, въ сопровожденіи своего друга Нестора Васильевича Кукольника, и я познакомился съ Каратыгиными у Сарачинскихъ, моихъ пріятелей и сверстниковъ, отецъ которыхъ, Илья Степановичъ, отставной генералъ, былъ великій хлѣбосолъ, самъ любилъ веселиться, былъ игрокъ, ловеласъ, театралъ и конечно поклонникъ старинной Французской драмы 18-го столѣтія. Онъ зналъ наизусть почти всего Корнеля и Расина и былъ поклонникомъ Каратыгиныхъ, которымъ задавалъ обѣды на славу. Намъ мальчишкамъ было очень пріятно и даже лестно находиться въ обществѣ знаменитостей театральныхъ и слушать послѣ обѣда декламацію г-жи Каратыгиной, которая иногда читала по-французски избранныя мѣста изъ Французскихъ трагиковъ. При этомъ Кукольникъ, всегда ходившій на ходуляхъ, бывалъ даже въ комическомъ паѳосѣ и возбуждалъ еще болѣе нашъ юношескій восторгъ, подогрѣтый и подкупленный всей этой обстановкой; такъ что, при первомъ представленіи Каратыгинымъ короля Лира, мы апплодировали до неистовства. Тогда въ Москвѣ при «Телескопѣ» издавалась «Молва», гдѣ Бѣлинскій писалъ театральную хронику и, какъ цѣнитель-поклонникъ Мочалова, явился ярымъ противникомъ Каратыгина. Во время нашихъ уроковъ онъ преслѣдовалъ и бранилъ меня

за мое поклоненіе Каратыгину и объявилъ мнѣ, что если я съ моими друзьями буду аплодировать Каратыгину въ его бенефисъ въ драмѣ Кукольника «Роксолана», то онъ засвищетъ и зашипитъ на насъ. Такъ и случилось: въ ту минуту когда мы захлопали, восхищаясь какой-то сценой этой безобразной драмы, я, услыхавъ сзади себя свистъ и шипѣнье, обернулся и увидалъ Бѣлинскаго, мечущаго на насъ негодующіе взоры. Потомъ, въ антрактѣ, онъ подошелъ ко мнѣ и говорилъ, что сдержалъ свое слово. Черезъ нѣсколько лѣтъ я самъ понялъ негодованіе Бѣлинскаго противъ сочиненій Кукольника, которыя отличались натянутостью и иногда комическою претензіею на эффектъ. Этотъ минутный восторгъ, или скорѣе какое-то опьяненіе отъ игры Каратыгина, вскорѣ во мнѣ испарилось, и всѣ мои сценическія симпатіи обратились опять къ незабвенному Мочалову, производившему уже однимъ своимъ голосомъ чарующее дѣйствіе на зрителей. До сихъ поръ не могу забыть его игры въ «Гамлетѣ», его глубоко прочувствованныхъ словъ и его лица, проникнутаго грустью, вызывавшаго слезы у зрителей. Въ воспоминаніяхъ о немъ, читанныхъ въ нынѣшнемъ году въ Обществѣ Любителей Русской Словесности Кублицкимъ *), прекрасно выражены достоинства Мочалова и то глубокое впечатлѣніе, которое его игра производила на публику.

Возвращаясь къ Бѣлинскому, съ которымъ мы занимались недолго, я долженъ сказать, что его разговоры и споры, пропитанные искреннею любовью къ искусству и Русской литературѣ, оставили во мнѣ самое живое и благотворное воспоминаніе и посѣяли въ моей душѣ чувство негодованія противъ лжи, претензіи плаксивой сентиментальности въ литературныхъ произведеніяхъ....

Въ Маѣ мѣсяцѣ онъ долженъ былъ, за недосугомъ, отказаться отъ занятій со мной, и мы съ нимъ разстались на нѣсколько лѣтъ; потомъ свидѣлись въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ, въ другихъ обстоятельствахъ, которыя его раздражали, и когда исчезла въ немъ, конечно, его первая юношеская свѣжесть чувствъ и впечатлѣній. Потомъ уже въ 1848 году я свидѣлся съ нимъ въ Петербургѣ у И. И. Панаева, этого диллетанта, у котораго бывали литературные вечера, оживляемые пламенными и нервными рѣчами Бѣлинскаго, игравшаго тамъ роль оракула и пророка и составлявшаго предметъ восторговъ и удивленія молодыхъ нашихъ, начинавшихъ свою карьеру литераторовъ, какъ Тургенева, Григоровича, Гончарова и прочихъ. Въ Бѣлинскомъ было столько жару, столько негодованія противъ лжи, лицемѣрія и сентиментальности въ литературѣ, столько участія къ ду-

---

*) Эта статья о Мочаловѣ напечатана въ „Р. Архивѣ" 1875, III, 484. П. Б.

ховной и художественной Русской жизни, что нельзя было не увлекаться его разговоромъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе въ немъ образованія, воспитанія и религіознаго чувства часто дѣйствовали на меня непріятнымъ образомъ, особенно когда онъ осмѣивалъ Православіе и глумился надъ Русской Исторіей, представляющей, по его понятіямъ, особенно до Петра, одинъ рядъ безобразій и гнусностей. Молодежь, составлявшая этотъ кружокъ, ему вторила и рукоплескала. Между ними были, какъ всегда водится, своего рода льстецы, хлыщи и шуты, изъ которыхъ отличался между прочимъ одинъ маіоръ Путей Сообщенія Комаровъ, великій болтунъ и либералъ. Эти оживленные вечера оканчивались ужиномъ, къ которому иногда являлся Костя Булгаковъ, всегда почти на веселѣ и съ запасомъ довольно остроумныхъ анекдотовъ.

Въ 1835 году я былъ опредѣленъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и держалъ вступительный экзаменъ вмѣстѣ съ моими Московскими друзьями тремя братьями Сарачинскими, съ Александромъ Егоровичемъ Тимашевымъ, теперешнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и Александромъ Львовичемъ Потаповымъ, теперешнимъ шефомъ жандармовъ. Начальникомъ школы тогда былъ генералъ Шлиппенбахъ, отличавшійся своимъ невѣжествомъ и дубоватостью. Присутствуя на экзаменѣ Исторіи, онъ былъ очень скандализированъ, когда я, на доставшійся мнѣ вопросъ объ основаніи Рима, отвѣчалъ съ увѣренностью Московскаго юноши, что вскормленіе Ромула и Рема волчицею можно отнести къ временамъ баснословнымъ и легендарнымъ, и что этому событію нельзя придавать вѣроятія. Тогда учитель-экзаменаторъ, поставившій мнѣ полные балы, замѣтилъ однако, что я напрасно въ этомъ сомнѣваюсь, а ген. Шлиппенбахъ своимъ басовымъ голосомъ, покачивая головой, сказалъ мнѣ: «это не хорошо, молодой человѣкъ, что вы не вѣрите; надо вѣрить въ то что̀ вы учите» и, обращаясь къ присутствовавшему при этомъ моему отцу: «Вашъ сынъ бойко отвѣчалъ, но жаль, что не вѣритъ». Вообще я выдержалъ очень хорошо вступительный экзаменъ и въ Сентябрѣ поступилъ въ Школу, гдѣ первое время, послѣ тихаго, домашняго воспитанія, мнѣ было дико, неудобно и грустно. Но вскорѣ я привыкъ: товарищи были большею частію добрые и хорошіе ребята. Фельдфебелемъ у насъ былъ Василій Ѳедоровичъ Ралль, теперешній дивизіонный командиръ, очень живой человѣкъ, добрый товарищъ и умно воспитанный. Мнѣ самые близкіе товарищи были Сарачинскіе, Василій Ивановичъ Литвиновъ, Александръ Павловичъ Дегай, теперь почетный опекунъ въ Москвѣ, одинъ Живковичъ, объ которомъ и слухъ простылъ, Михаилъ Сумароцкій, Александръ Тимашевъ, мой родственникъ князь Николай Алексѣевичъ Оболенскій, Александръ Ивановичъ Бибиковъ, Лопатинъ и прочіе

(почти всѣ эти лица уже умершія). По праздникамъ, т. е. наканунѣ вечеромъ, насъ отпускали къ родственникамъ со двора, и я ходилъ къ теткѣ своей Татьянѣ Ѳедоровнѣ Фанъ-деръ-Флитъ, куда меня влекла особенно сильная симпатія къ двоюродной моей сестрѣ, прелестной Александрѣ Тимофѣевнѣ (потомъ за мужемъ за Алединскимъ и давно уже умершей). При роспускѣ, всѣ юнкера съ шумной радостью выбѣгали изъ Школы, куда возвращались конечно съ грустью и съ сладкими воспоминаніями о проведенномъ времени дома. Многіе приносили тайкомъ, въ киверѣ или кулькѣ за тесакомъ, разную провизію, лакомства и даже бутылочки съ наливкой или виномъ, что́ считалось конечно сильной контрабандой. Великимъ постомъ, въ Школѣ, насъ кормили постнымъ на первой и страстной недѣляхъ и по Середамъ и Пятницамъ, остальное время давали скоромное. Я же, воспитанный въ старинномъ Московскомъ домѣ, желая соблюдать весь постъ, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Бибиковымъ, запасался обыкновенно, возвращаясь въ Школу, разными постными снѣдями, которыми мы съ нимъ и питались въ продолженіе недѣли.

Помню, какъ разъ вечеромъ, послѣ ужина, передъ сномъ, когда всѣ мы ходили уже въ растегнутыхъ курткахъ, и фельдфебель нашъ Ралль чѣмъ-то лакомился на своемъ столикѣ, вдругъ входитъ Государь Николай Павловичъ съ веселымъ лицемъ и кричитъ, чтобъ мы всѣ его окружили. Тогда онъ вынулъ изъ кармана и прочелъ письмо отъ Наслѣдника, который писалъ ему о своихъ счастливыхъ впечатлѣніяхъ изъ чужихъ краевъ, гдѣ Наслѣдникъ тогда путешествовалъ. Не припомню только теперь, о чемъ было писано, но помню радостное лице Государя и то, что онъ не обратилъ никакого вниманія на бутылку съ наливкой и разныя съѣстныя контрабанды, стоявшія близъ его на столикѣ. Провожали и встрѣчали мы его, какъ всегда водилось, съ шумомъ и криками радости.

Въ 1837 году, 29 Января, день кончины А. С. Пушкина, мы возвратились въ Школу, какъ обыкновенно, въ 9 часовъ вечера, и тамъ узнали о смерти Пушкина. Это извѣстіе насъ глубоко тронуло, такъ что многіе проливали слезы; вмѣсто того чтобы ложиться въ назначенное время спать, подпрапорщики стали сходиться группами, толковать объ этомъ грустномъ событіи, и къ тому же раздраженные разсказами нашихъ остававшихся дома товарищей о придиркахъ и дерзостяхъ вновь поступившаго дежурнаго офицера Насѣкина еще болѣе заволновались, стали дерзко отвѣчать этому Насѣкину на его увѣщанія успокоиться, и когда легли въ постель, то преслѣдовали криками и свистками проходившаго по спальнямъ дежурнаго офицера. На другой день явился генералъ Шлиппенбахъ, сказалъ намъ

грозную рѣчь и, по докладѣ его Великому Князю объ этомъ событіи, мы были оставлены въ Школѣ на цѣлый мѣсяцъ и лишены права ходить со двора. Такъ мы заплатили за нашъ энтузіазмъ или волненіе, вызванное вѣстью о смерти обожаемаго нами Пушкина.

Курсъ ученья былъ весьма незначительный. Большое вниманіе конечно было обращено на фронтъ, ружейные пріемы и маршировку, въ чемъ я никогда особенно не отличался. На мое и многихъ счастье выпускной смотръ, передъ производствомъ въ офицеры, былъ произведенъ не Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, находившимся тогда за границей, а добрымъ, храбрымъ Карломъ Ивановичемъ Бистромомъ, который, сдѣлавъ намъ самый легкій смотръ, похвалилъ и поздравилъ насъ офицерами. Мы были въ восторгѣ и вышли изъ Школы прямо въ полки, куда назначились. Въ Преображенскій полкъ со мной поступили три брата Сарачинскіе. До производства въ офицеры мы должны были жить при своихъ полкахъ и учиться службѣ. Мы начали съ того, что представились полковому командиру Василью Яковлевичу Микулину, который насъ принялъ самымъ суровымъ и непривѣтливымъ образомъ и сразу оборвалъ, найдя, что мы скверно одѣты, дурно выправлены и что насъ слѣдуетъ хорошенько учить. Онъ закричалъ своимъ рѣзкимъ голосомъ: позвать Лебедянцева (это былъ полковой закройщикъ), который сейчасъ явился, и ему-то Микулинъ сталъ указывать, что мундиры криво сидятъ и что все гадко. Генералъ Микулинъ произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе, которое никогда не изгладилось въ тѣ четыре года, которые я служилъ подъ его начальствомъ; онъ былъ впрочемъ всѣмъ извѣстенъ за непріятнаго, бѣшенаго и притомъ мало образованнаго человѣка.

Помѣщеніе намъ дали въ солдатскихъ казармахъ, на Милліонной, одну довольно просторную, грязную комнату въ концѣ покоя, такъ что, возвращаясь поздно вечеромъ домой, надо было проходить мимо храпѣвшихъ солдатъ и зажимать себѣ носъ отъ густаго человѣческаго духа. Начались для насъ всякаго рода ученья и мученья, которыя впрочемъ, въ молодости и при добромъ здоровьи, переносились легко, а послѣ двухлѣтняго заключенія въ Школѣ я ходилъ охотно на ученье и въ караулъ. Къ тому времени, въ Октябрѣ, пріѣхали изъ Москвы мои родители и поселились въ квартирѣ брата и моей на Сергіевской, въ домѣ Болдырева. Я очень счастливъ былъ ихъ видѣть и вспоминаю это время съ великимъ удовольствіемъ. Было какъ-то у насъ, въ нашемъ семейномъ кругу, очень *gemüthlich*. Но съ конца Ноября начались строгіе смотры въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича, предшествуемые разными репетиціями.....

ПЕРВЫЙ ПРІѢЗДЪ ВИЛЬЯМА ПАЛЬМЕРА ВЪ РОССІЮ.

1840—1841.

Взоры многихъ западныхъ богослововъ обращаются къ нашей церкви съ надеждой въ ней найти примиреніе и разрѣшеніе волнующихъ ихъ душу вопросовъ. Всякая попытка къ соединенію, если она искренна, можетъ возбуждать лишь наше сочувствіе, и потому надѣемся, что нелишнимъ будетъ возобновить въ памяти читателей «Русскаго Архива» знаменитую попытку Пальмера о соединеніи церквей. Нижеслѣдующее извлечено изъ его дневника, который онъ велъ за время перваго своего путешествія въ Россію и который изданъ другомъ его кардиналомъ Ньюманомъ: Notes of a Visit to the Russian Church, by the late William Palmer, M. A. formerly Fellow of Magdalen-College, Oxford. Selected und arranged by Cardinal Newman. London. 1882. мал. 8° XXIV и 572 стр. съ портретомъ Пальмера.

Прежде всего считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ Англиканской церкви и о томъ движеніи, къ которому принадлежалъ Пальмеръ.

Англиканская церковь, первоначально основанная во второмъ вѣкѣ учениками Святаго Поликарпа (ученика Іоанна Богослова), хотя и подпала впослѣдствіи подъ власть папы и даже отличалась особеннымъ рвеніемъ къ «престолу Св. Петра», но всегда имѣла нѣкоторое тяготѣніе къ Востоку. Реформаторскія стремленія рано обнаружились среди Англичанъ; но лишь при королѣ Генрихѣ VIII, въ силу личныхъ и политическихъ причинъ, совершенъ былъ формальный разрывъ ея съ Римской церковью. Отвергнувъ власть Рима, король Англійскій призналъ санъ епископа, что́ и составляетъ характерную особенность англиканства. Нѣсколько времени спустя, при Елисаветѣ (1562 г.) было утверждено ученіе господствующей Англиканской церкви изданіемъ такъ называемыхъ «39 членовъ вѣры» [1]) и «Книги общественнаго богослуженія» [2]);

---

[1]) 39 Articles of religion.

[2]) The book of common prayer and administration of the sacraments and other rites and ceremonies of the Church.

но прочное положеніе не было достигнуто: «Члены вѣры» составлены болѣе въ протестанскомъ духѣ, въ «Книгѣ же богослуженія» болѣе замѣтенъ католическій уклонъ мысли [1]).

Изданіе «39 членовъ» и «Книги общественнаго богослуженія» опредѣлило дальнѣйшія судьбы Англиканской церкви. Ей приходилось избѣгать съ одной стороны захватовъ со стороны Римскаго папы, съ другой крайняго развитія протестантства съ его многочисленными сектами [2]). Неудивительно, что многимъ такое положеніе было невыносимо, и они искали спасенія извнѣ. Въ началѣ прошлаго столѣтія завязались было сношенія о соединеніи съ Русскою церковью, но смерть Петра Перваго помѣшала осуществленію этого дѣла.

1829 г. былъ знаменателенъ въ исторіи Англиканской церкви. Въ этомъ году обнародованъ былъ Roman Catolic Emancipation Act, которымъ Католики допускались въ парламентъ. Начало было положено, и стали говорить о томъ, чтобы вѣроисповѣданіе не было препятствіемъ для принятія въ парламентъ. Хотя и сдѣлана была оговорка, что Католики остаются безъ права голоса въ обсужденіи вопросовъ касающихся Англиканской церкви; но опасность имѣть въ числѣ рѣшителей судебъ церкви не только представителей враждебныхъ направленій, но даже некрещеныхъ и атеистовъ, была слишкомъ очевидна.

Въ это-то время и возникло религіозное движеніе *трактаріанства*, названное такъ потому, что руководители его издавали цѣлый рядъ трактатовъ, касающихся существенныхъ вопросовъ вѣры. Сочиненія эти были направлены какъ противъ Римской церкви, такъ и противъ различныхъ протестантскихъ сектъ. Мѣстомъ собранія для Трактаріанъ служила коллегія Маріи Магдалины при Оксфордскомъ университетѣ. Сущность ученія Трактаріанъ или Пьюзеистовъ (по имени одного изъ главныхъ дѣятелей) состояла въ томъ, что, отвергая мудрствованія своевольнаго протестантства, они стремились къ истинной, Апостольской церкви. Взоры обратились на Востокъ,

---

[1]) Когда, въ нашемъ уже столѣтіи (въ 40 годахъ) въ верхней палатѣ возникъ вопросъ „вѣрилъ ли Англійскій клиръ, подписывая эти акты, въ ихъ церковность“ нѣкоторые изъ присутствующихъ отвѣчали, что не только не вѣрилъ, но и не могъ вѣрить

[2]) Вотъ что писалъ епископъ Кэнтербері́йскій въ своемъ посланіи къ Кіевскому митрополиту Платону по поводу 900-лѣтія крещенія Русскаго народа: „И Русская и Англиканская церковь имѣетъ одного общаго врага. И мы, какъ вы, принуждены оберегать свою независимость противъ папскихъ притязаній, стремящихся подчинить всѣ церкви Христовы Римскому престолу. Мы должны одинаково защищать свою паству отъ проповѣди новыхъ и странныхъ ученій, противныхъ святой вѣрѣ, которая предана намъ святыми апостолами и древними отцами Каѳолической церкви.“

и одинъ изъ даровитыхъ и искреннихъ Пьюзеистовъ Вильямъ Пальмеръ (род. 1811) сталъ искать соединенія съ Восточной церковью, для чего предпринялъ путешествіе въ Россію и на Востокъ.

*

Еще 21-го Мая 1839 года, во время посѣщенія Оксфорда Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, Пальмеръ обратился къ нему съ такимъ заявленіемъ.

«Ваше Высочество! Не сочтите за дерзость, что я рѣшаюсь представить вамъ слѣдующее прошеніе: благоволите прислать сюда Русскихъ духовныхъ лицъ, которыя могли бы разсмотрѣть богословское ученіе нашей церкви. Они могли бы жить въ Магдалениной коллегіи, и я буду обучать ихъ Англійскому языку; они познакомятъ Ваше Высочество и епископовъ восточнаго исповѣданія съ содержаніемъ нашихъ лучшихъ богословскихъ сочиненій. Надѣюсь, что съ теченіемъ времени, когда я пріѣду въ Россію для изученія богословія и обрядовой стороны Русской церкви, я найду ваше покровительство. Конечно, если Вселенская церковь должна стремиться къ единству, ничто недостойно въ такой степени благочестія великаго государя, какъ способствовать единенію двухъ исповѣданій, раздѣленныхъ въ силу недоразумѣній и недостатка общенія. Англійская церковь, всегда охранявшая права̀ христіанскихъ властителей, права̀, подвергающіяся нападеніямъ какъ со стороны папскаго престола, такъ и демократическаго буйства, находится въ настоящее время въ большой опасности. Ей, заброшенной въ отдаленный уголъ Запада, грозитъ ненависть многихъ сектъ, которыя соединились съ схизматиками - папистами въ стремленіи сразить ее».

«Если Ваше Высочество благоволите благопріятствовать нашимъ занятіямъ и обратите вниманіе на бѣдствіе нашей церкви, то тѣмъ вы окажете благодѣяніе для общественнаго порядка на Западѣ, въ тоже время облегчите соединеніе церквей и черезъ это порадуете всѣхъ кто молится о водвореніи мира среди христіанъ».

Этому заявленію Пальмера, кажется, вовсе не было дано ходу. (Нашимъ посломъ въ Лондонѣ былъ тогда Лютеранинъ князь Ливенъ).

*

Въ началѣ 1840 года Пальмеръ напечаталъ по-латыни «Введеніе къ 39 членамъ», гдѣ, далеко отступая отъ протестантскаго толкованія, близко подходилъ къ ученію Православной церкви. Онъ формально объявилъ президенту коллегіи доктору Мартину Раусу (Routh) о своемъ желаніи ѣхать въ Россію. Президентъ выразилъ живое участіе и, не смотря на то, что нѣкоторые изъ членовъ Магдаленной коллегіи

были противъ общенія съ «*идолопоклоннической*» церковью, далъ Пальмеру слѣдующее рекомендательное письмо.

«Благодать, здравіе и спасеніе всѣмъ вѣрующимъ во Христа, въ рукахъ которыхъ будетъ это письмо. Удостовѣряя, что одинъ изъ нашихъ сочленовъ, Вильямъ Пальмеръ, магистръ и студентъ богословія, дьяконъ, желаетъ ѣхать въ Россію для церковныхъ занятій, я одобряю его желаніе и этимъ письмомъ даю утвержденіе его предпріятію. Желаю, чтобы онъ, испросивъ на то позволеніе благочестиваго Императора, почтительнѣйше предсталъ передъ Русскими епископами и особенно передъ Святѣйшимъ Синодомъ, дабы при благосклонномъ покровительствѣ его онъ могъ познакомиться съ ученіемъ, обрядами и обычаями Русской церкви и научиться Русскому языку проживая въ духовной академіи или гдѣ найдутъ болѣе удобнымъ. Далѣе я прошу и даже заклинаю именемъ Христа всѣхъ епископовъ, особенно же Синодъ, чтобы они благосклонно подвергли испытанію правильность его убѣжденій и если найдутъ въ нихъ все необходимое для полноты истинной и спасительной вѣры, то допустили бы его къ общенію Св. Таинъ».

«Пусть онъ согласуется и покоряется во всемъ правиламъ и наставленіямъ Русскихъ епископовъ, если въ нихъ не заключается чего либо противнаго ученію и вѣрѣ Британской церкви».

Это удостовѣрительное письмо Пальмеръ повезъ къ примасу; но тотъ отказался его подписать, хотя и выразилъ сочувствіе предпріятію.

Британскій посолъ въ Петербургѣ лордъ Клэнрикардъ, въ то время находившійся въ Лондонѣ, далъ Пальмеру нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, въ томъ числѣ къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода графу Протасову.

*

7-го Августа 1840 г. прибылъ онъ въ Петербургъ. Англійскій священникъ въ Кронштадтѣ, Блекморъ, былъ его первымъ руководителемъ.

27-го Августа произошло первое свиданіе Пальмера съ гр. Протасовымъ, который заявилъ ему, что, судя по письму Англійскаго посла, онъ, Пальмеръ, хочетъ принять Православіе. Пальмеръ разъяснилъ дѣло. Тогда графъ Протасовъ, сказавъ, что онъ не богословъ, а просто солдатъ, сталъ говорить съ нимъ о пресуществленіи, объ иконахъ, о томъ, что всѣ таинства одинаково важны. Затѣмъ онъ спросилъ, многіе ли Англичане держутся одинаковыхъ съ Пальмеромъ взглядовъ и посовѣтовалъ Пальмеру написать письмо къ нему съ изложеніемъ своихъ желаній и цѣлей. Это письмо обѣщался онъ представить Государю.

Въ тотъ же день письмо было написано *). Приводимъ его вполнѣ.

«На вопросъ вашего сіятельства, зачѣмъ пріѣхалъ я въ Россію и какой милости жду отъ Государя, отвѣчаю вамъ такъ. Сдѣлавшись членомъ Магдалинной коллегіи при Оксфордскомъ университетѣ, я рѣшилъ, что лучшій способъ повиноваться уставамъ нашего основателя, сообразоваться съ церковной и академической жизнью и служить нуждамъ Британской церкви, въ которой я крещенъ,—это путешествіе въ чужіе края съ цѣлью старательно изучать тѣ богословскіе вопросы, которые породили столько разрушительныхъ и продолжительныхъ раздѣленій среди Апостольской церкви. Крещенный не въ Англійскую или Римскую, Восточную или Западную, но въ Каѳолическую вѣру и церковь, я вижу, что сіе апостольское и каѳолическое тѣло, понимая его такъ, какъ учитъ меня моя непосредственная мать, Британская церковь, раздѣлено на различныя и (страшно подумать) враждебныя общества. Поэтому мнѣ кажется желательнымъ узнать полную правду относительно тѣхъ обвиненій, которыя обыкновенно возводятся на насъ посторонними людьми и сдѣлать это не черезъ чтеніе полемическихъ книгъ, но прислушиваясь лично къ преніямъ противоположныхъ сторонъ и затѣмъ пріобрѣсти возможно-точныя знанія въ богословіи другихъ апостольскихъ церквей. Такимъ образомъ, съ Божіей помощью, я буду имѣть возможность потомъ, посвятивъ себя изученію книгъ, лучше разбирать спорныя мнѣнія, возникающія въ Оксфордскомъ университетѣ, надѣясь и стремясь къ тому, чтобы, послѣ надлежащаго разъясненія причинъ разногласія и враждебности, взаимныя подозрѣнія и, можетъ быть, ошибки въ мнѣніяхъ относительно второстепенныхъ вопросовъ, могли болѣе легко быть примирены и устранены. Я считаю этотъ способъ наилучшимъ относительно вышеупомянутыхъ вопросовъ, и надѣюсь, что отъ примѣненія его въ наше время или при нашихъ потомкахъ можетъ возникнуть желанное единство Церкви».

«Держась такихъ воззрѣній, начиная съ 1833 г, посѣтилъ я нѣкоторыя Церкви на материкѣ, познакомился на мѣстѣ съ богословіемъ Римскихъ католиковъ, подробно разобралъ мнѣнія Кальвинистовъ и Лютеранъ, а теперь, съ разрѣшенія президента Коллегіи, я отправился къ Восточной, преимущественно Русской, церкви».

«Покорнѣйше прошу благоволѣнія Императора къ моему предпріятію. Да соблаговолитъ онъ рекомендовать меня почтенному духовенству его имперіи, такъ чтобы я, живя въ духовной академіи или въ какомъ либо монастырѣ, или у архіерея, или гдѣ ему покажется удобнымъ, могъ, при помощи и въ сообществѣ духовныхъ лицъ, научиться

*) Въ подлинникѣ оно написано было по-латыни.

Русскому языку и заняться ученіемъ, уставами и обрядами Русской церкви».

«Если моя просьба будетъ исполнена, я надѣюсь, благодаря переводу Русскихъ книгъ на Англійскій языкъ, имѣть возможность сдѣлать кое-что относительно распространенія въ Англіи, особенно же въ Оксфордскомъ университетѣ, болѣе полныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній относительно Апостольскихъ церквей Востока, черезъ сравненіе съ восточнымъ каѳоличествомъ защитить нашу церковь противъ недавнихъ нападокъ папистовъ и еретиковъ-протестантовъ, наконецъ черезъ смягченіе предразсудковъ и антипатій способствовать исцѣленію настоящаго ужаснаго разъединенія Каѳолической церкви и соединенію во взаимной любви».

«Узнавъ, что въ Петербургской духовной академіи есть люди, читающіе по-англійски, я выбралъ нѣкоторыя изъ произведеній лучшихъ нашихъ духовныхъ писателей съ тѣмъ, чтобы подарить эти книги въ академическую библіотеку. Нѣкоторыя изъ нихъ были пожертвованы самими авторами, которые, зная мое намѣреніе, желали заявить, что они дѣйствуютъ и молятся не только для своего народа, не только для западныхъ, но и для своихъ восточныхъ братьевъ и для всей Каѳолической церкви».

«Что касается меня лично, то я считаю справедливымъ прибавить, что съ того времени, какъ я прибылъ въ эпархію Русскихъ епископовъ, я не признаю иной церкви за истинную и законную въ этой землѣ и принадлежу лишь ея юрисдикціи. А такъ какъ я прихожу не отъ какой либо ереси или раскола,а желаю примириться съ Божіею церковью въ Россіи, и есмь Каѳолическій православный (Catholic orthodox) христіанинъ, какъ я убѣжденъ, и прихожу къ Каѳолической, православной, Апостольской церкви, то и прошу у законныхъ епископовъ страны, въ которой мнѣ приходится быть, права общенія таинствъ».

„Петербургъ, Августа 27 (ст. с.) 1840 г.“

Вскорѣ Пальмеръ познакомился съ А. Н. Муравьевымъ и протоіереемъ Василіемъ Кутневичемъ, членомъ Св. Сѵнода и главнымъ священникомъ арміи и флота.

Вотъ разговоръ Пальмера съ Кутневичемъ.

Кутневичъ прочтя выше помѣщенное письмо, заявилъ, что къ общенію таинствъ можетъ быть допущенъ лишь тотъ, кто будетъ вѣровать во все то, чему вѣритъ Православная Восточная церковь.

Пальмеръ. Всему тому чему вѣритъ Каѳолическая или Экуменическая церковь, но не тому чему требуетъ вѣрить частная западная или восточная или какая-либо другая мѣстная церковь.

Кутнѣвичъ. Онъ долженъ исповѣдывать одинаковую вѣру съ Восточной церковью.

Пальмеръ. Надѣюсь, что я исповѣдую таковую съ Восточной церковью, такъ какъ Каѳолическая вѣра одна, на Востокѣ ли она или на Западѣ. Если нѣтъ согласія между Западной и Восточной церквами касательно существенныхъ вопросовъ вѣры, то или одна или другая должна быть еретическою. Но я убѣжденъ, что я и церковь, которой я принадлежу, ортодоксальны и каѳоличны; вы же предполагаете, что Восточная церковь ортодоксальна и каѳолична. Слѣдовательно Британская церковь предполагаетъ, что нѣтъ разногласія относительно необходимой вѣры между нею и Востокомъ.

Кутневичъ. Если вы держитесь символа Восточной церкви, то можете быть допущены къ общенію. Но прежде всего вѣруете ли вы въ символы Никейскій и Константинопольскій? [1])

Пальмеръ. Конечно.

Кутневичъ. Въ Троицу? Божественность Сына? Въ воплощеніе?

Пальмеръ. Конечно.

Кутневичъ. Но что̀ вы скажете относительно исхожденія Св. Духа? [2])

Пальмеръ. Я принимаю все то, что́ сказали отцы Римской Церкви въ той же степени какъ и сказанное Греческими отцами. Я знаю, что здѣсь было словесное различіе между нѣкоторыми древними отцами, писавшими на двухъ различныхъ языкахъ; но оно касалось одной и той же вѣры. Мы не можемъ рѣшительно (absolutely) осудить словъ *«и сына»*, не осудивъ нѣкоторыхъ отцовъ Латинской церкви; мы рѣшительно не можемъ сдѣлать этого. Мы будемъ вѣрить, что, по существу (virtually) Греки соглашались съ ними, но пользовались иною формою выраженія. Разсматривая далѣе вопросъ о формѣ, мы можемъ согласиться, что Римскій папа не долженъ былъ измѣнять черезъ интерполяцію православныя слова Символа вѣры экуменическихъ соборовъ. Впервыя это сказалъ самъ папа Левъ III, и однако онъ призналъ, что смыслъ словъ православенъ и можетъ быть принятъ. Мы далеки отъ того, чтобы требовать отъ Грековъ принятія Filioque; я же готовъ читать съ ними въ ихъ церквахъ «вѣрую» безъ прибавленія.

Въ скоромъ времени Пальмеръ снова посѣтилъ Кутневича, который уже познакомился съ «Введеніемъ къ 39 членамъ», и разговоръ зашелъ снова объ исхожденіи Св. Духа, о пресуществленіи и о почитаніи иконъ.

Пальмеръ о пресуществленіи говорилъ: Хлѣбъ истинно, но духовно (spiritually) измѣняется въ истинное, но духовное тѣло Господа. Кут-

---

[1]) У Англиканъ принятъ символъ Св. Аѳанасія.

[2]) Въ символѣ у Англиканъ читается: The holes Ghost is of the the Father and of the son: neither made, nor crected, begotren, but procceding.

невичъ возразилъ было, что эти слова spirituale corpus вполнѣ соотвѣтствуютъ Лютеранскому пониманію, но послѣ разъясненій данныхъ Пальмеромъ призналъ правильность его толкованія. Далѣе Пальмеръ говорилъ о вліяніи Латинства въ Левантѣ и въ Малороссіи, о томъ, что Петръ Могила занимался въ Парижѣ, чѣмъ и объясняется одинаковое съ Римской церковью пониманіе словъ *субстанція* и *акциденція*. Въ общемъ Кутневичъ заявилъ, что Пальмеръ близко подходитъ къ ученію Православной церкви; по желаніе Пальмера вступить въ общеніе таинствъ Кутневичъ нашелъ неудобоисполнимымъ, ссылаясь на то, что въ Петербургѣ есть Англиканская церковь.

Пальмеръ. Какъ можетъ быть въ вашей епархіи Англиканская церковь?

Кутневичъ. На самомъ дѣлѣ у насъ есть таковая; она согласуется съ вашею церковью въ Англіи во всемъ, пользуется тѣми же обрядами и т. д. Такимъ же образомъ существуютъ здѣсь Лютеранская, Кальвинистская, словомъ около 12 церквей и исповѣданій.

Пальмеръ. Я не признаю иныхъ исповѣданій кромѣ одного, выраженнаго въ символѣ вѣры. Такимъ образомъ въ одномъ мѣстѣ de jure не можетъ быть двухъ исповѣданій или двухъ епископовъ. Я—членъ не Англиканской церкви въ Россіи, но Русской церкви по крайней мѣрѣ въ ея стремленіяхъ; и если Англичане въ дѣйствительности произвольно отдѣляются, то я не могу ихъ оправдать, равно какъ и васъ. Вашъ архіерей полагаетъ, что если въ мірѣ церковь не одна, а нѣсколько и въ его эпархіи тоже самое, то ему нечего безпокоиться объ этомъ. Нашъ народъ въ подобныхъ случаяхъ нимало не думаетъ о мѣстномъ епископѣ, но поступаетъ въ томъ предположеніи, что Англія находится на всякомъ Англійскомъ кораблѣ.

Кутневичъ. Конечно въ одномъ мѣстѣ должна быть лишь одна церковь, и мы молимся объ этомъ; но если на этомъ основаніи дать общеніе таинствъ Англичанамъ, хотя они разногласны съ нами въ вопросахъ первѣйшей важности, то это будетъ крайне опасно и смутитъ нашъ народъ сверхъ мѣры. Да и для васъ будетъ тоже самое: вашъ народъ будетъ смущенъ и будетъ думать, что ваши епископы и духовные заключили союзъ съ еретиками и идолопоклонниками.

*

Въ тотъ же день Пальмеръ посѣтилъ Муравьева. Муравьевъ говорилъ съ нимъ по поводу книги Origines liturgicae, о призываніи Святыхъ, которое признавалось въ этой книгѣ излишнимъ. Муравьевъ указывалъ на то, что распространенное мнѣніе, будто бы въ Россіи, равно какъ и въ Англіи, государь есть глава Церкви, есть нелѣпая

клевета: даже Петръ Великій, при всей своей власти, соблюдалъ всѣ необходимыя формы и спрашивалъ совѣта Восточныхъ патріарховъ. Епископъ ставится не императоромъ, но именемъ Христа.

Затѣмъ Муравьевъ заявилъ свою радость, что не только въ Англіи, но и повсюду люди начинаютъ приходить въ разумъ, и потокъ протестантства иссякаетъ, но усумнился въ томъ, что Англиканская церковь исповѣдовала Пальмеровъ взглядъ на пресуществленіе. «Для нея это лишь символъ».

Въ слѣдующее свиданіе Муравьевъ заявилъ между прочимъ: «То общеніе, котораго вы домогаетесь, невозможно. Если Русское духовенство допуститъ васъ къ общенію, то Англичане, смотрящіе на Русскихъ и Грековъ, какъ на варваровъ и идолопоклонниковъ, поднимутъ вопль противъ васъ за то, что вы принимаете обычаи Греческой церкви, совершенно такъ же какъ Греки подняли бы вопль противъ насъ, если бы мы примирились съ Армянами. Вы замыслили нѣчто необычайное. Да врядъ ли и вашъ другъ, Кронштадскій священникъ, согласится съ вами; я думаю, что онъ Англиканинъ правильной, старой школы».

*

Между тѣмъ Пальмеръ дѣятельно занимался Русскимъ языкомъ и переводилъ «Православное Исповѣданіе» Петра Могилы, имѣя намѣреніе напечатать всѣ тѣ богословскія сочиненія, которыя пользуются авторитетомъ въ Россіи, при чемъ жаловался на необстоятельность и недостаточность такихъ сочиненій. «Вы, пенялъ онъ графу Протасову, не только избѣгаете въ вашемъ Катехизисѣ Филарета опредѣлить пресуществленіе черезъ *субстанцію* и *акциденцію*, но даже въ печатномъ переводѣ 18 членовъ Виѳлеемскаго собора измѣнили текстъ оригинала, пропустивъ упоминаніе объ акциденціи». Протасовъ заявилъ, что они сильно желаютъ распространить образованіе; но общее невѣжество слишкомъ велико, особенно въ Греціи и Левантѣ, народъ ничего не можетъ различать, слѣпо и упрямо держась того, чтó есть. «Мы печатаемъ все по-славянски и по-гречески и даромъ разсылаемъ по церквамъ Леванта въ надеждѣ, что это подкрѣпитъ ихъ противъ нападеній Латинянъ и Методистовъ».

*

Достопамятенъ разговоръ Пальмера съ священникомъ Исаакіевскаго собора Маловымъ. Въ немъ высказывалъ Пальмеръ свои воззрѣнія на Церковь.

Маловъ. Русское духовенство и общество вѣрятъ, что истинная Церковь строго ограничивается Греками и Русскими, т. е. Востокомъ. Чтó думаете вы объ остальныхъ сектахъ и объ Латинской церкви?

Пальмеръ. Я полагаю, что истинная Каѳолическая церковь въ силу недоразумѣній, раздѣлилась на три части: Восточную, Западную и Британскую.

Маловъ. Всѣ секты произошли или отъ Латинской или отъ Греческой церкви. Русскіе вѣрятъ, что лишь ихъ церковь сохранила правильно всю истину, паписты же ввели многія новшества и порчу. Латиняне же смотрятъ на всѣхъ, кромѣ себя, какъ на еретиковъ. По моему, во всѣхъ церквахъ и сектахъ есть христіане; ибо самое главное религія сердца.

Пальмеръ. Прежде всего надо установить и понять опредѣленіе истинной Церкви и видимой Церкви; но какъ мы ничего объ этомъ не знаемъ, то лишь Богъ можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Существуетъ лишь одна истинная Каѳолическая и Апостольская церковь, видимая и невидимая. Недостаточно для насъ быть добродѣтельными, пребывая въ той сектѣ, въ которой намъ пришлось быть: мы должны стремиться быть каѳоликами въ дѣлѣ вѣры и вѣрить въ Каѳолическую церковь, какъ въ единственный путь ко спасенію.

Маловъ. Въ чемъ состоитъ, по вашему, истинная религія? Въ правовѣріи или въ добрыхъ дѣлахъ?

Пальмеръ. И въ томъ, и въ другомъ. Они даже въ мысляхъ не должны быть отдѣляемы. Правовѣріе должно оказывать себя въ высшей добродѣтели и въ высшемъ милосердіи; милосердіе и добродѣтель даже внѣ Церкви стремятся къ правовѣрію. Раздѣльно другъ отъ друга они не достаточны; они должны образовывать настоящее единство съ Церковью черезъ принятіе таинствъ и царство благодати, которое прекращается для того, кто впалъ въ ересь, или схизму, или въ иной смертный грѣхъ. Лютеранство не есть церковь, ибо мнѣніе или исповѣданіе не составляетъ еще церкви. Что же касается сектъ, то основатели ересей и схизмъ—настоящія дѣти діавола. Среди послѣдователей ихъ безъ сомнѣнія есть хорошіе и честные люди (примѣръ Корнилія); но невозможно для Церкви называть ложь истиной, относиться къ ней безразлично и признать ихъ за своихъ учениковъ и братьевъ.

Маловъ много говорилъ о необычайной привязанности Русскаго народа къ внѣшнимъ формамъ (на безбородаго священника будутъ смотрѣть какъ на еретика), о маломъ образованіи духовенства, и выразилъ сомнѣніе въ возможности одному человѣку найти пути къ соединенію.

Въ послѣдующихъ бесѣдахъ графъ Протасовъ предупредилъ Пальмера, что Маловъ не имѣетъ здравыхъ понятій о Церкви, но смыслитъ кое-что по литературѣ и хорошій проповѣдникъ.

25 Сентября вмѣстѣ съ Муравьевымъ Пальмеръ ѣздилъ въ Сергіеву пустынь, гдѣ познакомился съ адмираломъ Рикордомъ и долго бесѣдовалъ

съ архимандритомъ Брянчаниновымъ, съ монахами (особенно съ Михаиломъ Чихачевымъ) и пробылъ тамъ пять дней. По возвращеніи въ Петербургъ онъ сталъ опять просить, чтобы ему позволили жить въ Духовной Академіи; но Муравьевъ, выставляя всѣ неудобства (грязь и неприспособленность помѣщенія), отклонилъ эту просьбу.

Взгляды Павскаго, съ которымъ онъ бесѣдовалъ о пресуществленіи и о видимой церкви, Пальмеръ нашелъ очень протестанскими. Протоіерей Сидонскій прямо заявилъ Пальмеру, что вопросомъ объ единой видимой Церкви онъ никогда не занимался, да и вообще объ этомъ мало думаютъ. Онъ говорилъ, равно какъ и Павскій, о необычайной терпимости Православной церкви.

Пальмеръ. Эта умѣренность жестока относительно другихъ и самоубійственна.

Сидонскій. Извѣстное рвеніе къ религіи вызвало потоки крови.

Пальмеръ. Рвеніе причинявшее кровопролитія есть животное и сатанинское рвеніе; правильное рвеніе должно вызывать молитвы и слезы.

Сидонскій. Я долженъ признать за нами достойную порицанія небрежность; но ничто не побуждаетъ насъ заняться вопросомъ опредѣленія видимой Церкви. Если бы обстоятельства потребовали того, безъ сомнѣнія мы бы разслѣдовали тотъ вопросъ.

Пальмеръ. Свѣтское правительство—очень ненадежная связь единства; теперь Англія можетъ служить этому примѣромъ. Если у васъ будетъ когда нибудь либеральный императоръ, и министрами не Протасовъ съ Муравьевымъ, а кто либо въ родѣ нашего лорда Джона-Росселя и Мельборна, и они позволятъ Раскольникамъ и Католикамъ нападать на вашу церковь, тогда вы, конечно, увидите, что лучше чѣмъ прятаться за самодержавнымъ государемъ, мыслить и дѣйствовать, какъ подобаетъ истымъ Каѳоликамъ, не только исповѣдуя своими устами единство церкви, но вѣруя въ это всѣмъ сердцемъ и проявляя вѣру въ рѣчахъ и дѣлахъ.

*

Между тѣмъ слухъ о Пальмерѣ распространился по Петербургу. Его приглашали въ лучшіе дома и предложили представиться Государю, отъ чего Пальмеръ уклонился, ссылаясь на то, что онъ пріѣхалъ какъ частное лицо.

Часто бывалъ Пальмеръ у Т. Б. Потемкиной, у князя А. Н. Голицына, Рюмина, познакомился съ В. В. Скрипицинымъ, Войцеховичемъ, княземъ Мещерскимъ (бывшимъ прокуроромъ Св. Синода), священникомъ Стратилатовымъ и славнымъ тогда Павскимъ.

Въ одно изъ свиданій (17 Октября) о. Кутневичъ заявилъ ему: Надо сознаться, судя по всему тому, чтó я слышалъ отъ васъ и прочелъ

въ вашей книгѣ, Англиканская церковь очень мало отличается отъ Восточной. Въ высшей степени жалко, что вы принимаете лютеранскія заблужденія, отвергая призываніе святыхъ и почитаніе иконъ и мощей: нельзя отрицать того, что̀ признается всею Церковью. Папа, признавшій Второй Никейскій соборъ, былъ представителемъ всего Запада, а тѣ епископы, которые не признали его въ это время, находились въ заблужденіи, напр. Аріанскіе, такъ что вы, Англикане, заимствовали свой еретическій предразсудокъ у Лютеранъ.

Пальмеръ отвѣчалъ: Если мы заблуждаемся, пусть истинная церковь пошлетъ миссіонеровъ и обратитъ насъ. Они могли бы легко исправить наши заблужденія, а мы привели бы васъ къ болѣе вѣрному пониманію единства видимой Церкви и къ истинѣ касательно второстепенныхъ вопросовъ.

Мысль послать въ Англію миссіонеровъ очень удивила Кутневича, который сообщалъ Павскому, что ученіе Пальмера очень близко подходитъ къ Православному; того же мнѣнія были Райковскій, профессоръ догматическаго богословія, и Баженовъ. Сей послѣдній однако никакъ не могъ принять его толкованія о пресуществленіи; особенно возмущало его выраженіе «spirituale corpus». «Конечно, говорилъ онъ, мы вѣримъ одинаково съ Латинянами въ то, что послѣ освященія хлѣбъ перестаетъ быть хлѣбомъ, но дѣлается тѣломъ Христовымъ подъ простыми акциденціями или видимостью хлѣба; но мы отличаемся отъ нихъ тѣмъ, что не признаёмъ уничтоженія естественной субстанціи хлѣба: въ данномъ случаѣ акциденціи остаются, субстанція же измѣняется безъ акциденцій.

Относительно измѣненій, сдѣланныхъ Синодомъ въ переводѣ 18 членовъ Виѳлеемскаго синода, Кутневичъ сказалъ: Вамъ надо спросить митрополита Московскаго: онъ все знаетъ.

28 Октября Пальмеръ по рекомендаціи графа Протасова, поселился у Фортунатова, молодаго священника, на Выборгской сторонѣ. Къ этому времени относится любопытный случай. Пальмеръ встрѣтился у Потемкиной съ ея племянникомъ княземъ Михаиломъ Голицынымъ, и тотъ сталъ горько жаловаться на то, что его жена и дочери обращены въ Англиканство Женевскимъ священникомъ. Пальмеръ заявилъ, что это нелѣпость, ибо священникъ не имѣлъ права принимать въ свою церковь членовъ Восточной церкви. Дѣлу этому Пальмеръ далъ ходъ, написалъ письмо къ примасу, и когда много времени спустя новообращенные хотѣли причаститься въ Англиканской церкви, имъ не дали Св. Таинъ и подвергли эпитимьѣ.

Благодаря своему хозяину, Пальмеръ ближе узналъ бытъ нашего духовенства, устройство Духовной Академіи и занятія студентовъ,

9 Ноября Пальмеръ обѣдалъ у княгини Софіи Голицыной; та печаловалась ему, что Русское общество лишено возможности поучаться религіозными бесѣдами съ духовенствомъ, такъ какъ послѣднее держится въ сторонѣ; служба въ церквахъ очень утомительна и мало понятна, особенно во время вечерни и утрени, такъ что къ утрени почти никто изъ высшаго класса и не ходитъ. Пальмеръ возразилъ, что можно раньше прочесть и усвоить службу. И гр. Протасовъ, и Муравьевъ и о. Фортунатовъ жаловались на необычайное распространеніе свободомыслія не только среди свѣтскихъ, но и среди духовныхъ лицъ. По ихъ словамъ, всѣ профессора и студенты университета—вольнодумцы. Фортунатовъ даже не захотѣлъ вѣрить, что въ Англіи докторъ не синонимъ вольнодумца. Въ Петербургѣ, разсказывалъ онъ, хотя по правиламъ всякій обязанъ, подъ страхомъ отлученія, говѣть каждогодно, но доктора никогда не говѣютъ; вообще высшіе классы почти совсѣмъ не соблюдаютъ обычаевъ церкви. Въ Москвѣ живутъ болѣе строго, а въ уѣздныхъ городахъ и деревняхъ всѣ постятся и держатся церковныхъ правилъ. Впрочемъ, какъ на исключеніе Пальмеру, указали на гр. Анну Орлову, которою онъ очень заинтересовался, и на Тучкову.

*

23 Ноября у Потемкиной Пальмеръ познакомился съ о. Іоанномъ Веніаминовымъ (будущимъ митрополитомъ Иннокентіемъ). Его разсказы о Сибирскихъ инородцахъ очень заинтересовали Пальмера, и самъ онъ произвелъ на него очень пріятное впечатлѣніе.

Наконецъ, 27 Ноября графъ Протасовъ повезъ Пальмера къ Филарету.

«Я очень радъ васъ видѣть, обратился къ нему владыка по-латини, и слышать, что ваша церковь склонна къ единенію и почитаетъ старину» и спросилъ объ Англиканской литургіи. «Всѣ наши литургіи очень древни, Латинская же церковь измѣнила свою литургію къ худшему во многихъ отношеніяхъ, напримѣръ, опустивъ призываніе Св. Духа. Мы на Востокѣ слѣдуемъ апостольскимъ указаніямъ и примѣру самого Спасителя, употребляя заквашенное тѣсто (ἄρτος, а не ἄζυμος) и единый хлѣбъ.

Пальмеръ. Въ этомъ мы сходимся съ Востокомъ.

Филаретъ. Я радъ слышать, что вы уважаете старину.

Пальмеръ. Наша церковь всегда предпочитала слѣдовать старинѣ (Antiquitas) и, издавъ 39 членовъ, постановила для всего духовенства правило ничего не проповѣдывать чтó не содержалось бы въ Св. Писаніи и не заключалось въ толкованіяхъ на него у вселенскихъ отцовъ

и древнихъ архіереевъ. Такимъ образомъ мы возстановили призываніе Св. Духа послѣ возглашенія словъ Спасителя.

Графъ Протасовъ. Но вы опустили кое-что изъ того, что было въ вашей литургіи. Вѣдь ваша церковь не допускаетъ молитвъ за умершихъ.

Пальмеръ. Опустили въ литургіи, но эти молитвы не отвергнуты и не осуждены; онѣ отмѣнены потому, что обыкновенно ихъ связываютъ съ ученіемъ о чистилищѣ.

Графъ Протасовъ. Злоупотребленіе хорошею вещью не оправдываетъ ея отрицанія.

Филаретъ и графъ Протасовъ. Теперешняя народная свобода въ Англіи повидимому не очень благопріятствуетъ церковному благочинію (to ecclesiastical humility and discipline).

Пальмеръ. Это діавольская свобода, и политическія неудачи происходятъ отъ корня религіозной смуты. Кто бунтуетъ противъ Бога, тотъ не усумнится бунтовать противъ своего государя.

Протасовъ попросилъ Пальмера изложить причины, которыя побуждаютъ его искать общенія таинствъ.

Пальмеръ. Въ символѣ вѣры мы исповѣдуемъ, что Церковь едина, и мы вѣримъ въ единство Церкви.

Филаретъ. Она *должна* быть единою, но въ дѣйствительности не едина.

Пальмеръ. Существующее раздѣленіе нечестиво и ненавистно.

Филаретъ. Безъ сомнѣнія, единство крайне желательно.

Графъ Протасовъ. Многіе ли изъ Англичанъ думаютъ какъ вы относительно общенія таинствъ?

Пальмеръ. Большинство совсѣмъ объ этомъ не думаетъ, существующее раздѣленіе считая необходимостью; но ученіе нашей церкви и исповѣданіе великихъ духовныхъ лицъ совершенно иное. Наша церковь никогда не отлучала Греческой церкви и Латинской на материкѣ; мы отлучаемъ Латинистовъ въ Англіи, Ирландіи, Греціи и Россіи, какъ схизматиковъ.

Филаретъ. Я этого не понимаю. Они вполнѣ согласуются съ Латинянами на материкѣ; общеніе зависитъ отъ единства вѣры. Если вы состоите въ общеніи съ ними, находящимися внѣ вашей страны, вы должны состоять въ единеніи съ ними и внутри вашей страны. Отлучивъ ихъ у себя, вы должны отлучить ихъ повсюду.

Пальмеръ. Да, если бы они были еретики; но мы отлучаемъ ихъ у себя какъ схизматиковъ. Мірянинъ среди насъ можетъ раздѣлять всѣ ошибки папистовъ какъ богословскія мнѣнія, не будучи отлучаемъ отъ

церкви, если только онъ не будетъ въ своихъ дѣйствіяхъ возставать противъ церкви.

Филаретъ. Не должно быть такой свободы, ибо общеніе требуетъ строгаго единства вѣры.

Пальмеръ. Безъ сомнѣнія, строгое единство вѣры потребно для общенія; но возникаетъ вопросъ, что́ же именно есть вѣра, и наша церковь дѣлаетъ большое различіе между вѣрою, которой всякій долженъ держаться въ ея цѣлости и чистотѣ, и второстепенными богословскими мнѣніями, истинность коихъ не обращаетъ ихъ въ существенные догматы, а ложность не образуетъ ересей.

Филаретъ. Я совсѣмъ не понимаю этого. Церковь должна быть совершенно единою въ дѣлѣ вѣры. Существуютъ различныя исповѣданія, каждое само по себѣ и раздѣльно отъ другихъ; надо разобрать, какое изъ нихъ правильно, какое ложно и въ какой степени правильно.

Пальмеръ. Правильно или ложно, но наша церковь дѣлаетъ таковое различіе. Никогда не обвиняли мы папистовъ въ ереси. Относительно необходимой вѣры мы не должны смотрѣть особенно много на тождество мнѣній, какъ на законность мѣстной каѳедры, но должны различать въ каждой части міра истинную церковь и устанавливать ея единство.

Филаретъ. Я отрицаю это раздѣленіе на существенные догматы и второстепенныя мнѣнія; я полагаю, что оно противно мнѣнію всѣхъ отцовъ.

Графъ Протасовъ. Вы хотите быть универсалистомъ и перемѣнять вашу религію съ перемѣною мѣста жительства. Кромѣ того, кто судья въ томъ, что́ существенно? Это очень трудно и откроетъ дверь безконечнымъ разногласіямъ.

Пальмеръ. Церковь никогда не отрицала этого различенія.

Пальмеръ сталъ приводить доказательства. Филаретъ наконецъ призналъ существованіе таковаго раздѣленія, но оговорился, что и то и другое столь тѣсно соединено и практически нераздѣлимо другъ отъ друга, что допустить его совершенно несогласимо съ единствомъ вѣры и Церкви.

Затѣмъ Пальмеръ такъ опредѣлилъ видимую церковь: Единая видимая Каѳолическая церковь на землѣ, истинно продолжающая и представляющая ту, которая была основана въ Іерусалимѣ, въ силу различія касательно второстепенныхъ вопросовъ, раздѣлена на три мѣстныхъ части, согласныхъ въ необходимой вѣрѣ, а именно Восточную и Западную церкви; послѣдняя подраздѣлилась на Континентальную и Британскую. Въ своихъ епархіяхъ каждая имѣетъ свою самобытную и законную юрисдикцію. Если же, въ силу существующей de facto вражды между ними, какой либо епископъ будетъ отклонять

христіанъ отъ другихъ и стремиться организовать отдѣльныя общества, устанавливая положенія несогласныя съ существенною вѣрою, то мы назовемъ такія новыя общества схизматическими.

Филаретъ. Вы допускаете лишь Восточную, Римско-Католическую и Британскую церкви?

Пальмеръ. Да, каждую въ ея собственной области и не иначе.

Филаретъ. Я не могу понять этого. Многіе изъ васъ держатся этой теоріи?

Пальмеръ. Это не теорія, но то опредѣленіе видимой Церкви, которое имѣется въ молитвенникахъ и формальныхъ актахъ нашей церкви и есть общее утвержденіе нашихъ богослововъ.

Графъ Протасовъ и Филаретъ заявили, что это должно быть предметомъ обсужденія будущаго собора, но не можетъ быть рѣшено частными лицами.

Ваши рѣчи, продолжалъ Филаретъ, подходятъ къ четвертому вѣку; но при настоящемъ состояніи міра они неумѣстны. Всякое желаніе единства въ общеніи таинствъ прекрасно и похвально; надо надѣяться, что подобныя чувства будутъ всеобщи, и со временемъ необходимые шаги къ сему будутъ сдѣланы власть имѣющими людьми; но все это пока не можетъ быть разрѣшено частными лицами.

Пальмеръ. Я не вижу, какъ частное лицо можетъ лишиться обязанностей по отношенію къ мѣстной церкви, въ которой оно находится, или потерять право на таинства.

Филаретъ. Въ случаяхъ необходимости это притязаніе могло бы быть уважено; но у васъ есть Англійская церковь, которую вы можете посѣщать.

Пальмеръ. Я не признаю въ вашихъ епархіяхъ Англійской церкви: въ одномъ мѣстѣ не можетъ быть двухъ правовѣрныхъ церквей.

Филаретъ. Но у васъ есть здѣсь церковь, и г. Лоо (Low) находится подъ властью епископа.

Пальмеръ. Англичане здѣсь и въ Москвѣ не находятся подъ властью нашихъ епископовъ. У нихъ есть свой священникъ; они ему платятъ, и онъ отвѣтственъ передъ ними.

Послѣднія слова очень удивили Филарета. Но ваши епископы, возразилъ онъ, если ваши взгляды на вещи правильны, должны бы были учить свою паству, чтобы она стремилась къ единенію и здѣсь ходила бы въ наши церкви.

Пальмеръ. Они не могутъ ходить въ ваши церкви, если вы не желаете ихъ принимать. Касательно себя скажу, что я говорилъ о своемъ намѣреніи предсѣдателю нашей коллегіи, и онъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ богослововъ, сердечно одобрилъ меня и далъ

письмо; архіепископъ же лишь потому не далъ письма, что боялся придать тѣмъ общественное значеніе моему предпріятію.

Передъ разставаніемъ Филаретъ снова выразилъ свою радость видѣть Пальмера въ Россіи и надежду, что нѣчто благое выдетъ изъ его стараній.

Между тѣмъ по поводу желанія Пальмера вступить въ общеніе таинствъ Филаретъ высказалъ въ Синодѣ слѣдующее мнѣніе (Собраніе мнѣній Филарета, т. III, стр. 47—248): «Какое же будетъ соединеніе, если будемъ вмѣстѣ пріобщаться, одинъ истиннаго тѣла Христова, какъ вѣруетъ православная церковь, а другой, не отдѣляясь отъ Англиканской церкви, слѣдственно и отъ ея ученія, будетъ пріобщаться только воспоминательнаго сѵмвола или знака? Соединеніе будетъ только для тѣлесныхъ глазъ; а въ духѣ—раздѣленіе. И начинается ли соединеніе двухъ церквей черезъ совокупное пріобщеніе святыхъ таинъ епископа одной и діакона другой? Не скажетъ ли напротивъ того Англиканская церковь или большинство членовъ ея: этотъ діаконъ сомнителенъ, потому что вошелъ въ общеніе съ церковью съ которою Англиканская не состоитъ въ общеніи? Не скажетъ ли также Россійская церковь: можетъ ли оставаться въ нашемъ общеніи епископъ, который вошелъ въ общеніе съ членомъ церкви, состоящей внѣ общенія съ нашей православной церковью и содержащей несогласныя съ нею ученія? Такимъ образомъ вмѣсто желаемаго соединенія двухъ церквей окажется на дѣлѣ только то, что каждый изъ мнимо-соединившихся повредитъ своему единству съ своей церковью. Соединеніе раздѣленныхъ церквей не можетъ правильно и благонадежно совершиться частнымъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ лицъ. Для сего нужны правильныя соображенія и дѣйствія іерархіи.»

*

28 Декабря графъ Протасовъ рѣшительно заявилъ Пальмеру, что въ Синодѣ разсматривали письмо доктора Рауса, но допустить къ причастію его, вѣроятно, не будетъ возможно. Пусть онъ поговоритъ съ митрополитомъ Московскимъ, и затѣмъ Протасовъ обратится съ представленіемъ къ Государю.

— Простѣйшій путь, отвѣчалъ Пальмеръ, таковъ: если я Каѳоликъ, дайте мнѣ причастіе; если еретикъ, направьте и обратите меня. Если вы вѣрите въ ваше собственное исключительное понятіе о Церкви и имѣете искру милосердія, то вы должны послать миссіонеровъ въ Англію.

— Мы надѣемся, возразилъ съ улыбкой графъ, обратить васъ и, сдѣлавъ васъ епископомъ, послать въ Англію.

Пальмеръ. Я сначала предложу слѣдующіе вопросы: Англійская церковь не есть ли часть Каѳолической? Если я уже Каѳоликъ, то плохое

дѣло становиться членомъ восточнымъ вмѣсто экуменическаго, частнымъ вмѣсто универсальнаго, и если вся моя вина состоитъ въ томъ, что я пришелъ изъ Западной области (diocese), съ которою вы никогда не имѣли формальнаго раздора, зачѣмъ мнѣ вызывать новую схизму, называя Западное Восточнымъ? Если же я не Каѳоликъ, то обратите меня безотлагательно; я только того и желаю.

*

Между тѣмъ дѣло Пальмера получило огласку, и нѣкоторые Англичане отзывались, что-де онъ не ихней вѣры, но членъ какой-то новой секты.

20 Января 1841 года (н. с.) Пальмеръ съ Муравьевымъ былъ опять у Филарета.

Какъ счастлива наша церковь, сказалъ митрополитъ, что она сохранила безъ измѣненія литургіи Василія Великаго и Іоанна Златоустаго! Ваша церковь, согласно этимъ 39 членамъ, принимаетъ одну изъ нихъ. Филаретъ прочелъ эти члены по Латинскому изданію и началъ подвергать критикѣ пунктъ за пунктомъ. Я прочелъ ваше Введеніе, продолжалъ онъ, и думаю, что оно болѣе православно и болѣе сосласно съ ученіемъ и духомъ Восточной церкви, чѣмъ сами члены. Они же представляютъ столь ложныя положенія, что никакъ съ ними нельзя согласиться.

Пальмеръ отвѣчалъ, что дѣйствительно ихъ можно толковать въ каѳолическомъ и православномъ смыслѣ; но тотъ же соборъ постановилъ правило, чтобы проповѣдывалось лишь согласное съ Св. Писаніемъ и ученіемъ вселенскихъ отцовъ и древнихъ епископовъ.

—Это правило лучше членовъ, и его слѣдовало бы печатать вмѣстѣ съ ними, сказалъ улыбаясь митрополитъ, и выразилъ удивленіе относительно того, что не обратили вниманія на тотъ вопросъ, который болѣе всего способствовалъ раздѣленію церквей—вопросъ объ исхожденіи; а между тѣмъ свидѣтельство отцовъ въ данномъ случаѣ ясно.

Въ заключеніе Филаретъ сказалъ, что частному лицу Церковь не можетъ уступить ни въ чемъ: вступить въ общеніе она можетъ лишь съ тѣмъ, кто безусловно принялъ все ея ученіе и всѣ ея обычаи.

До времени Филаретъ не давалъ формальнаго отвѣта Пальмеру, хотя выказывалъ ему лично ласку и расположеніе; наконецъ, 20 Мая онъ объявилъ рѣшительную невозможность для областнаго епископа исполнить желаніе Пальмера: это-де превосходитъ его власть и требуетъ взаимнаго соглашенія синодовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвратилъ книгу съ 39 членами, заложивъ листы на XIX, XXI и XXII членахъ.

XIX членъ читается такъ: О Церкви. Видимая церковь Христова есть союзъ вѣрующихъ людей, въ которомъ проповѣдано чистое слово

Господне и таинства достодолжно совершаются согласно повелѣнію Христа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для людей. Какъ церкви Іерусалимская, Александрійская и Антіохійская ошибались, также взошла въ заблужденіе и Римская церковь, и не только въ своихъ обрядахъ и обычаяхъ, но и касательно вѣры.

XXI. Объ авторитетѣ общихъ соборовъ.

Соборы не могутъ собираться безъ воли и приказанія государей. Собравшись же (въ силу того, что они собраніе людей, то не всѣ изъ нихъ направляются духомъ и словомъ Божіимъ), они могутъ ошибаться даже въ вопросахъ Божественныхъ. По сему то, что́ предписано ими какъ необходимое ко спасенію, не имѣетъ силы и значенія иначе какъ если можно доказать, что сіи предписанія основаны на Св. Писаніи.

XXII. О чистилищѣ.

Римское ученіе о чистилищѣ, прощеніяхъ и обожаніи, (Pardons, Worshipping and Adoration) равно какъ и объ иконахъ и мощахъ, о призываніи святыхъ, напрасно (vainly) придумано и не имѣетъ основанія въ авторитетѣ писанія, но скорѣе противорѣчитъ слову Божію.

21 Мая Пальмеръ уѣхалъ въ Москву, которая ему очень понравилась. Онъ посѣтилъ Троицкую Лавру, гдѣ его радушно приняли, и много бесѣдовалъ съ архимандритомъ Филаретомъ (впослѣдствіи Черниговскимъ архіепископомъ), особенно о почитаніи иконъ и призываніи святыхъ. Филаретъ доказывалъ, что отсутствіе почитанія иконъ и призыванія святыхъ есть важный нравственный и религіозный недостатокъ, обусловленный гордостью. Пальмеръ готовъ былъ принять и то и другое, но какъ частную практику, а не общій церковный обычай, такъ какъ онъ можетъ повести за собой многія заблужденія.

По поводу разговора съ архим. Филаретомъ Пальмеръ замѣчаетъ: «Я былъ очень удивленъ въ первое время моего пребыванія въ Россіи, насколько значительнѣе народный характеръ носитъ отпечатокъ смиренія, братской доброжелательности, теплаго чувства и почтенія къ святымъ вещамъ и вѣрѣ, чѣмъ у насъ въ Англіи. Я зналъ и прежде, что насъ справедливо обвиняютъ въ гордости и эгоизмѣ, но раньше чѣмъ я увидѣлъ здѣсь противоположное, я не имѣлъ яснаго представленія о степени зла.» Онъ приводитъ слѣдующій разсказъ. Какой-то капитанъ Американской службы рѣшилъ, что несовмѣстно съ достоинствомъ демократическаго гражданина слѣдовать общему обычаю — снимать шляпу передъ императоромъ; но при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ императоръ самъ первый поклонился ему.

3-го Іюня Пальмеръ вернулся въ Москву, гдѣ на слѣдующій день подвергся жестокому нападенію со стороны старой княгини Мещер-

ской [1]). Она, показавъ свое знаніе Англійской церковной исторіи и новѣйшаго религіознаго движенія, заявила, что предпріятіе Пальмера не можетъ имѣть успѣха. 8-го Іюня княгиня опять имѣла жаркій споръ съ Пальмеромъ. Въ послѣдующія свиданія она разсказывала ему много о судьбѣ Библейскаго общества въ Россіи и объ Іезуитахъ.

12 Іюня Пальмеръ ѣздилъ въ Новый Іерусалимъ. Возвратившись оттуда, онъ былъ приглашенъ къ митрополиту Филарету. Говорили о нисхожденіи священнаго огня на гробѣ Господнемъ въ Великую Субботу. 17-го Іюня Пальмеръ былъ уже въ Петербургѣ. Онъ посѣтилъ Потемкину въ ея имѣніи, знаменитыхъ Гостилицахъ, затѣмъ простился съ своими знакомыми и 24 Іюля 1841 г. оставилъ Россію.

Дальнѣйшія дѣянія Пальмера не входятъ въ программу нашей замѣтки, хотя они высоко знаменательны для исторіи. Къ этому времени относится его знакомство съ Хомяковымъ. Поводомъ къ достопамятной ихъ перепискѣ послужили переводъ стихотворенія А. С. Хомякова и книжка Пальмера Short Poems and Hymns, the latter mostly translations. Oxford. 1843. На оберткѣ Русское заглавіе: «Стихотворенія діакона Пальмера» и эпиграфъ по англійски: «О свышнемъ мирѣ и благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся». Далѣе читаемъ слѣдующее: «Эти стихотворенія и гимны посвящаются А. С. Хомякову и прочимъ знакомымъ автора въ Россіи и всѣмъ тѣмъ, которые свѣдущи въ Англійскомъ языкѣ, въ знакъ вѣчнаго воспоминанія и уваженія». На оборотѣ напечатано по славянски: «Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ». Въ посвященіи помѣщенъ въ видѣ письма къ Хомякову отвѣтъ ему о значеніи молитвы и о возможности соединенія церквей [2]).

Письма Хомякова къ Пальмеру напечатаны во II-мъ томѣ его сочиненій и въ «Русскомъ Архивѣ» за 1892, вып. 3-й, стр. 379. Найдены еще четыре письма Пальмера къ А. С. Хомякову, и мы надѣемся, что они появятся вскорѣ на страницахъ «Русскаго Архива».

---

[1]) Княгиня Софія Сергѣевна Мещерская, рожденная Всеволожская, род. 19 Ноября 1775 г., скончалась 4 Октября 1848 г, была второй супругой князя Ив. Серг. Мещерскаго. Эта достопримѣчательная женщина пользовалась въ свое время значеніемъ при дворѣ и находилась въ перепискѣ съ имп. Александромъ (см. „Р. Архивъ", 1886, III, 403). Филаретъ былъ съ нею друженъ и совершилъ надъ нею чинъ погребенія. Письма къ ней Иннокентія (1817—1818) напечатаны въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей". 1874 г. кн. 4.

[2]) О томъ, какое воздѣйствіе произвела эта книжка въ Россіи, см. Н. П. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. 8-я, стр. 79.

Въ 1844 г. Пальмеръ предпринялъ вторично путешествіе въ Россію и на Востокъ. Существуетъ, какъ передавали намъ, дневникъ и этого путешествія; но онъ, къ сожалѣнію, доселѣ не издается.

Въ 1855 году Пальмеръ перешелъ въ католичество; (его вѣроисповѣданіе и письмо къ графу А. П. Толстому, объясняющее причины этого перехода, напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1894г., вып. 5-й, стр. 17—24), а въ 1879 году 5 Апрѣля скончался въ Римѣ. До конца не утратилъ онъ живаго сочувствія къ Россіи, и послѣдняя его работа была о патріархѣ Никонѣ.

Дѣло Пальмера не умерло, но самому ему оно оказалось не подъ силу.

Не достигнувъ исполненія своего намѣренія установить между Русскими и Англичанами общеніе таинствъ и единеніе, Пальмеръ небезплодно провелъ время въ Россіи. Онъ съумѣлъ внушить къ себѣ теплое чувство во всѣхъ тѣхъ съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться*); познакомивши же Русскихъ съ Англійскою церковью и распространивъ болѣе правильные взгляды на Россію среди своихъ соотечественниковъ, онъ подвигомъ добрымъ подвизался и значительно облегчилъ трудъ послѣдующимъ ревнителямъ единенія.

Когда въ Кіевѣ праздновалось 900-лѣтіе принятія христіанства изъ Западныхъ церквей одна Англійская церковь обратилась къ намъ съ братскимъ привѣтомъ.

---

*) Даже столь сдержанный обыкновенно митрополитъ Филаретъ Московскій говорилъ о Пальмерѣ съ радостной улыбкой и со слезами на глазахъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Господь с тобою благо
словение мое над тобою вечно.
друг твой мать Марья

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ СТАРИКОВЪ АКСАКОВЫХЪ.

Письма Тимоѳея Степановича и Марьи Николаевны Аксаковыхъ (1818—1835) съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. М. Павлова.

Нѣсколько словъ по поводу „Семейной переписки стариковъ Аксаковыхъ“.

Кто изъ читателей и почитателей Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова не радъ будетъ вновь встрѣтиться съ „Алексѣемъ Степановичемъ Багровымъ“, „Софьей Николаевной Зубиной“ и прочими лицами, съ которыми самъ онъ такъ трогательно простился навсегда въ заключеніи „Семейной Хроники“?

„Прощайте мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе и худое. Вы не великіе герои, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительна для потомковъ. Вы были такія же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ, такъ же добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и также стóите воспоминанія. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь съ вами ваше потомство. Оно встрѣтило васъ съ сочувствіемъ и признало въ васъ братьевъ, когда и какъ бы вы ни жили, въ какомъ бы платьѣ ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ“.

Въ „Предувѣдомленіи“, приложенномъ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ къ изданію сочиненій его отца, въ 1870 году, было уже высказано открыто, что „Алексѣй Степановичъ Багровъ“ никто другой, какъ Тимоѳей Степановичъ Аксаковъ, т. е. родитель автора „Семейной Хроники“, а Софья Николаевна Зубина—родная его мать Марья Николаевна Аксакова, урожденная Зубова. Ихъ-то письма къ „безцѣнному сокровищу, дорогому другу и сыну Сережинькѣ“, предлагаются благосклонному вниманію читателей.

Они имѣютъ несомнѣнную важность для біографіи Сергѣя Тимоѳеевича, но и кромѣ того драгоцѣнны во многихъ отношеніяхъ.

Въ этой будничной, чисто-домашней перепискѣ, какъ въ простой фотографической карточкѣ или смутномъ дагерротипѣ, отражается та самая жизнь и проглядываютъ тѣ же черты, которыя такъ полюбились и уже давно знакомы всѣмъ намъ по безсмертному ихъ воспроизведенію въ прославленной книгѣ. Читатели сами замѣтятъ въ каждомъ изъ писемъ Тимоѳея Степановича и Марьи Николаевны разныя характеристическія подробности. Дѣловитый и всегда ровный тонъ одного, а у другой совершенная тому противуположность; мелочи домашнихъ разногласій, то по укладкѣ курительнаго табаку въ одинъ ящикъ съ апельсинами, то по отправкѣ почтой ломбарднаго билета; постоянныя жалобы на распущенность дворни Оренбургскаго имѣнія или, напротивъ, выраженія вѣчной же „по гробъ благодарности свекру“ за то, что онъ „для невѣстки построилъ особую комнату“ въ Новомъ Аксаковѣ, все это отличатъ сами читатели, какъ вѣрный отзвукъ „Семейной Хроники“ и „Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука“.

Письма эти представляютъ еще любопытную картину тогдашняго общежитія и нравовъ прошлой эпохи, нами уже позабытой.

Драгоцѣнны они и какъ незамѣнимый матеріалъ для біографіи и другаго общественнаго дѣятеля, вѣчно же памятнаго въ исторіи нашей литературы, Константина Сергѣевича Аксакова. Поминаемый въ нихъ „маленькій миленькій Косточка“ никто другой, какъ онъ самый.

Наконецъ, къ изданію этихъ писемъ побуждаетъ и еще одно обстоятельство, весьма существенное. Объ этомъ, впрочемъ, предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Когда, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, „Семейная Хроника“ и „Дѣтскіе годы Багрова внука“ явились въ свѣтъ, всѣ были поражены ими. Неожиданно, какъ съ неба упали, чудныя произведенія! И такой восхитительный талантъ открылся вдругъ—не удивительно ли въ самомъ дѣлѣ?—въ престарѣломъ авторѣ, родившемся еще задолго до Пушкина. Всѣ дивились жребію тогда уже 65-лѣтняго старца и необычайному успѣху его книги.

А самъ онъ весьма скромно относился къ исполненной имъ задачѣ.

Какъ-то разъ, именно около того времени, нижеподписавшійся имѣлъ случай выслушать отъ него слѣдующее: „Сейчасъ былъ у меня Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и заявилъ мнѣ отъ многихъ здѣшнихъ и Петербургскихъ литераторовъ, что они, видишь ли, считаютъ меня теперь первымъ изъ современныхъ Русскихъ писателей. Разумѣется, это одна только любезность съ его стороны. Захотѣлось ему сказать мнѣ старику, да еще и больному, что нибудь лестное; вотъ онъ и придумалъ. Какой я писатель! Творчества у меня нѣтъ. Изобрѣтеніе—вотъ въ чемъ главная сила первоклассныхъ писателей; а оно остается до сихъ поръ и было смолоду камнемъ преткновенія для меня. Я только передатчикъ и простой разскащикъ: изобрѣтенія у меня на́-волосъ нѣтъ“.

Найдутся, можетъ быть, и кромѣ самого автора, не менѣе строгіе судьи его произведеній: „только передатчикъ и только разскащикъ“, скажутъ они его же собственными словами. Но полно, такъ ли это? И намъ ка-

жется, что сами печатаемыя эти письма Тимоѳея Степановича и Марьи Николаевны проливаютъ достаточный свѣтъ въ разъясненіе этой художественной проблемы.

Пусть на нихъ лежитъ яркій отпечатокъ ихъ несомнѣнной подлинности; пускай въ каждомъ изъ нихъ звучатъ характерныя ноты и просвѣчиваютъ индивидуальныя черты: не мы будемъ это оспаривать. Достаточно ли однако этихъ слабыхъ нотъ и довольно ли еще выразительны сами эти черты, чтобы простое ихъ повтореніе, хотя бы совершенно вѣрное, могло дать безсмертіе ихъ случайному передатчику?

Разумѣется, это тѣ самыя ноты, которыми искусно воспользовался художникъ и тѣ же черты, которыя онъ возвелъ въ „перлъ созданія“ въ своей книгѣ. Но вѣдь надо родиться поэтомъ, и требуется именно быть художникомъ для того, чтобы въ *мимотекущей аки паутина* дѣйствительности уловить самую жизнь и въ каждомъ изъ ея явленій уразумѣть чудо Божьяго созданія; а безъ того, малы они или велики, громки или негромки, какъ ихъ и возводить въ перлы? Исторія, какъ простой разсказъ о превратностяхъ міра и передача мимоидущаго, ни въ чемъ и ни подъ какимъ видомъ всесовершенныхъ образцовъ не предоставляетъ. Не видана и не слыхана въ грѣшномъ мірѣ такая дѣйствительность, отъ которой бы рукой подать до идеала.

Пока „негромкія личности, въ тишинѣ и безвѣстности прошедшія свое земное поприще“ не были еще описаны въ „Семейной Хроникѣ“, а жили себѣ на свѣтѣ, то есть „были дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ и разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди“, никому и въ голову не приходило видѣть въ нихъ, ни даже подозрѣвать безсмертныхъ героевъ и поэтизировать ихъ невзрачную дѣятельность. Тѣми самыми простыми смертными и казались они для своихъ современниковъ, какими, судя по этимъ сохранившимся отъ нихъ письмамъ, кажутся теперь намъ. Ни собственною своею персоной, ни всѣмъ окруженіемъ, ни цѣлою изо дня въ день совершавшеюся исторіею своею, ничего не могли они никому представить больше того, что̀ представляютъ эти ихъ собственноручныя письма, которыя теперь на глазахъ читателей.

Мало этого. Сами эти письма и весь отразившійся въ нихъ бытъ, тѣ же люди и нравы, та же семейная обстановка и тѣ же условія тѣхъ временъ, наконецъ Старое и Новое Аксаково, все это составляло достояніе не одного только „безцѣннаго друга и сына Сережиньки“: онъ былъ, какъ свидѣтельствуютъ въ перепискѣ сами родители, однимъ изъ многочисленныхъ членовъ огромной семьи. Почему же только онъ одинъ явился „передатчикомъ и разскащикомъ“ ихъ быта?

Больше того: тысячи помѣщичьихъ дѣтей конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка насчитывали такихъ же бабушекъ и дѣдушекъ, были окружены тою же ширью и мощью неизсякнувшей даже до сихъ поръ Русской природы, и.... имѣя очи, не видѣли, имѣя уши, не слышали.

Нѣтъ, не простой передатчикъ и разскащикъ былъ онъ, какъ скромно называлъ самъ себя, а великій художникъ, чья полнѣйшая слава еще впереди. Настоящее его значеніе въ нашей литературѣ (въ этомъ „народномъ самосознаніи“, какъ ее называютъ) тогда только и выяснится во всей полнотѣ, какъ наступитъ и самъ желанный лучшій ея періодъ, лишь предвозвѣщенный „Семейною Хроникою“ какъ бы зарею передъ не наступившимъ еще днемъ.

И какъ ни скромно относился самъ онъ къ исполненной имъ задачѣ, она была та самая (мы не перестанемъ повторять этого) *), надъ которою изнемогъ Гоголь, преждевременно скончавшійся другъ Сергѣя Тимоѳеевича; самый тотъ „милый другъ Николай Васильевичъ“, который постоянно писалъ и жегъ 2-й томъ „Мертвыхъ Душъ“, а сокрушавшемуся о томъ, едва ли не больше всѣхъ на свѣтѣ, Сергѣю Тимоѳеевичу, совѣтовалъ скорѣе взяться за собственныя записки и описать въ нихъ все, что̀ сохранилось въ его памяти о родной старинѣ.

Н. М. Павловъ.

ОТЪ МАРЬИ НИКОЛАЕВНЫ АКСАКОВОЙ.

1818 года Іюня 16-го, г. Владимиръ.

Девятый день какъ мы выѣхали изъ Аксакова и только еще во Владимирѣ. Вчера пріѣхали ночью. Сердце мое разрывается, не знавши ничего о васъ, дражайшія мои дѣтушки, Сереженька и Ольга Семеновна [1]). Уладились ли вы съ кормилицами? По счету моему и Рѣпьевскія [2]) бабы должны уже пріѣхать къ вамъ, и воспа привезена. Молю Господа, чтобы Машинька такъ хорошо перенесла ее какъ маленькій миленькій мой другъ Константинъ [3]). Бога ради подробнѣе, какъ можно подробнѣе, пишите ко мнѣ о нихъ, милые друзья мои. Я пишу къ вамъ не въ почтовый день; не знаю, будетъ ли отправлено вѣрно письмо

---

*) Во всемъ, что̀ было написано авторомъ о С. Т. Аксаковѣ (см. предисловіе къ изданному имъ посмертному сочиненію С-я Т-ча „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“; еще „Гоголь и Славянофилы“ въ *Русск. Архивѣ* № 1, годъ 1890; наконецъ „Наше переходное время“ (сборникъ статей изъ газетъ *День*, *Москва* и *Русь*), въ статьѣ „О сочиненіяхъ С. Т. Аксакова“, вездѣ оцѣнка этого писателя, дѣйствительно, дѣлается въ томъ же духѣ и почти въ тѣхъ же словахъ, какъ здѣсь. П. Б.

[1]) Ольга Семеновна, дочь генерала Екатерининскихъ временъ, Семена Григорьевича Заплатина, вступила въ бракъ съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ 1816 года въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Послѣ свадьбы, сыгранной въ Москвѣ, молодые супруги уѣхали въ Новое Аксаково, гдѣ и прожили пять лѣтъ въ родительскомъ домѣ, то-есть до 1821 года. Объ этомъ селѣ, оно же Знаменское, примѣчаніе помѣщено далѣе, въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Рѣпьево, деревня Рѣпьевка, упоминается мелькомъ въ „Дѣтскихъ Годахъ Багрова-внука“.

[3]) Константинъ Сергѣевичъ родился въ Новомъ Аксаковѣ 29-го Марта 1817 г.

мое. Почта вчера отошла въ полдни отсюдова. Путешествіе наше достойно удивленія; почтовая ѣзда сдѣлалась невозможною, притѣсненія невѣроятныя. Одинъ день мы проѣхали 17 верстъ только, не хотя нанять. Почтовыя есть, но смотрители ихъ по дворамъ скроютъ, и пріѣзжающіе ихъ же нанимаютъ. Мы за 12 верстъ отъ Владимира стояли сутки слишкомъ, не хотѣвши нанять; однако рѣшились нанять и заплатили 11 рублей за 12 верстъ. Что вамъ сказать, мои друзья милые? Софья *) чрезвычайно дурна была три раза съ отъѣзда изъ Аксакова. . . . . . сегодня плакала нѣсколько разъ. Кажется, дорóга и разность предметовъ никакого на нее не дѣлаютъ хорошаго вліянія. Къ лютому моему несчастію, какъ вижу, поѣздка наша ничего не сдѣлаетъ добраго, а на лѣкарства я не надѣюсь,—только на одну милость Божію;

Хотѣли нанять *долгихъ* до Москвы, но просятъ двѣсти рублей, Государь и вся царская фамилія уѣхали. Хлѣбъ подешевѣлъ въ Москвѣ. и думаю все подешевѣетъ. Умоляю васъ, пишите мнѣ больше о Костинькѣ. Говоритъ ли онъ, чтó каковъ цвѣтъ, и вспоминаетъ ли о своей бабѣ, которую онъ такъ много любилъ? Забудетъ ли мой дражайшая крошечка меня? Въ Судогдѣ у хозяйки мальчикъ такъ похожъ на Костиньку, что я нѣсколько разъ со слезами ласкала его: и въ его возрастъ отнятъ отъ груди, пошелъ также рано, какъ и Косточка мой. Софья со слезами проситъ меня написать вамъ ея почитаніе, Костиньку и Машеньку 1.000 разъ цѣлуетъ; разстроенное ея воображеніе все заставляетъ ее плакать. Мнѣ кажется, безпокойство дороги разстроило ея нервы еще больше; ямщики кричатъ на лошадей, хлопаютъ, отъ чего она со страхомъ пробуждается. Изъ Москвы, ежели она и мы будемъ живы, поѣдемъ на своихъ. Купимъ шестую лошадь, а подъ женщинъ наймемъ четверку до Арзамаса; тамъ сами поѣдемъ до Аксакова на почтовыхъ опять, а свои повезутъ кибитку и телѣгу, ибо отъ Арзамаса нигдѣ не будетъ остановки въ почтовыхъ.

Цѣлую васъ всѣхъ вообще тысячу разъ. Господь съ вами! Будьте здоровы и благополучны, наслаждайтесь своимъ счастьемъ и не забывайте друга вашего Марью Аксакову.

Письмо Тимоѳея Степановича Аксакова на томъ же листѣ, того же числа.

Милые друзья мои Ольга Семеновна и Сереженька! Какъ намъ больно, что не можемъ знать о васъ раньше Москвы. Отъ Покрова по всѣмъ станціямъ къ Москвѣ ямщики взяты съ лошадьми для отъѣзда царской фамиліи, и почту возятъ обывателями, а проѣзжающіе нанима-

*) Младшая сестра С—я Т—ча.

ютъ большими цѣнами; не знаю, какъ и доѣхать буде(тъ)? Обозъ нашъ, кажется, не послѣ насъ пріѣдетъ. Почтовая ѣзда до того испортилась, что нѣту возможности ѣздить на почтовыхъ. Всѣ станціонные начальники за одно плутуютъ съ ямщиками и совершенные разбойники; дорогой во всемъ дороговизна. Говорятъ проѣзжающіе, будто въ Москвѣ нѣсколько подешевѣло: рубль серебра 3 рубли 80 копеекъ. Жаль, что мы не застали почту здѣсь, а потому скоро письма не получите. За симъ цѣлую васъ и милыхъ малютокъ, Костеньку и Машеньку. Да будетъ благословенье Господне съ вами вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Москва, 27-го Іюня 1818 г.

Вчера былъ у меня Мудровъ [1]). Я еще продолжительно говорила съ нимъ о дражайшихъ моихъ и вашихъ дѣтушкахъ. Онъ и А. М. Клоусъ [2]) совѣтуетъ не думать о второй кормилицѣ; говоритъ, что ежели бы она имѣла что̀ въ сокахъ въ своихъ, то черезъ двѣ недѣли бы желѣзки подъ щеками распухли и между губокъ во рту стало бы бѣло. Какъ трудно найти настоящую кормилицу — опишу вамъ, что̀ Рихтеръ [3]) сказывалъ. Было привезено избранныхъ здоровыхъ 80 бабъ для царскаго дитяти [4]). Рихтеръ съ двумя докторами и съ двумя еще акушерками—и разумѣется не по нашему — разбирали; нашлось годныхъ три. Взяли изъ трехъ лучшую, присадили; къ ней пріѣхала мать, которую допустили видѣться съ нею, наговорила ей столько страховъ быть кормилицею и напослѣдокъ сказала, что ей отрубятъ голову, ежели царское дитя умретъ. Та зачала выть, плакать, не ѣстъ. Ее тотчасъ смѣнили, дали сто рублей и выслали; приставили вторую, а третья поѣхала на подставу на случай непредвидѣнный въ дорогѣ. Награжденіе, по выкормленіи сроку, десять тысячь рублей и каменный домъ. Пища—все что̀ она ѣла, ничто не перемѣнили: квасъ, огурцы, капусту, щи, словомъ все, что̀ она ѣла дома. Разумѣется, что все теперь лучшее, но все простое: солонины, никакихъ жирныхъ, сдобныхъ кушань-

---

[1]) Мудровъ—медицинская знаменитость того времени.

[2]) Андрѣй Михайловичъ Клоусъ весьма живо обрисованъ въ „Сем. Хр—кѣ“ при описаніи рожденія Сереженьки, то-есть самого автора Хроники. Тамъ же прибавлено: „А. М. Клоусъ, въ томъ же 1817-мъ году, переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ Воспитательный Домъ преподавателемъ повивальнаго искусства„.

[3]) Рихтеръ—тогдашній спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ.

[4]) Царское дитя — рожденный въ Москвѣ 17 Апрѣля 1818-го года, покойный Государь Александръ Николаевичъ. Его кормилица была крестьянка подмосковнаго села Пушкина, воспѣтая Языковымъ: „Жена, которой бѣлы руки играли будущимъ царемъ“.

евъ не давали; ни чаю ни кофе ничего не пила. Бога ради, увѣдомьте меня, какую возьмете кормилицу, и долго ли Косточку кормить намѣрены?

Теперь скажу вамъ, мои други, о моей Софьѣ. Не только ея припадки не прошли, но иной разъ и потяжелѣе какъ были при отъѣздѣ. Мудровъ еще ничего не прописываетъ, и лѣченье ея не начинается. Говоритъ, что, не обдумавши, онъ не можетъ приступить къ лѣченью: я много ужъ обдумалъ, но еще не все; дайте время хотя еще на день; ежели бы я хотѣлъ васъ лѣчить кое-какъ, то давно бы рецепты полетѣли въ аптеку, и я бы бралъ съ васъ деньги, но я хочу истинную сдѣлать пользу, ежели Господь поможетъ.—Дожди залили; вчера ночью была буря съ градомъ, громомъ, точно какъ страшное полотно проходило надъ нами съ шумомъ и трескомъ; около насъ окошки выбиты во многихъ домахъ; признаюсь, мы потрусили. Чѣмъ умеръ Дурасовъ— вчера узнали: настоящая чума; но только немного, во все лѣто 9 человѣкъ умерло. Правда сказать, и эта штука отъ Москвы погонитъ поскорѣе. Я сижу за горломъ и кашлемъ дома и потому ничего не купила и ничего не знаю. Апельсиновъ почти нѣтъ, а ожидаютъ; лимоны есть. Что́ было послать безцѣнному моему? Когда онъ и кладовую помнитъ, гдѣ съ бабой медъ отвѣдывалъ, то надобно же что́ отсюдова покушать: посылаю, что́ въ ящичекъ положилось, сухой ему пастилы. Это ему не вредно моему другу, да изсушила Ницманскаго [1]) хлѣба, тутъ же положила. Простите, мои дражайшія милыя дѣтушки, цѣлую васъ всѣхъ; пожалуста не дайте забыть меня моему маленькому другу. Благословеніе мое съ вами. Другъ вашъ Марья Аксакова.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова, того же числа.

Милые друзья мои Ольга Семеновна и Сереженька! По запискѣ твоей, мой милый, книгъ въ университетской лавкѣ купилъ и заплатилъ 27 рублей. Сегодня они пошлются. Кремней Аглицкихъ двойныхъ (для ружья) въ магазинахъ и рядахъ Аркадій [2]) не нашелъ, а знакомый купецъ отыскалъ простыхъ по 4 руб. 50 коп. сотню; ежели не найдемъ лучшихъ, то пошлю простыхъ съ будущею почтой. Табаку 10 фунтовъ курительнаго Турецкаго по 2 р. 25 коп. фунтъ куплено; его привеземъ съ собою, или прислать велишь? — Время здѣсь самое худое; третьяго дня была здѣсь вечеромъ страшная туча съ бурею, проливнымъ дождемъ и градомъ; захватила квартиру нашу крыломъ, а въ

---

[1]) Ницманъ — извѣстный въ то время хлѣбный пекарь въ Москвѣ. Далѣе и еще говорится объ отсылкѣ для дѣтей изъ Москвы въ Оренбургское имѣніе Ницманскихъ хлѣбовъ.

[2]) Аркадій Тимоѳеевичъ—младшій братъ Сергѣя Тимоѳеевича.

прочихъ мѣстахъ не оставила ни единаго стекла и что́ можно побить градомъ въ парникахъ огородныхъ—все истреблено, и сегодня сильный дождь льетъ. Прощайте, друзья, цѣлую васъ и милыхъ моихъ малютокъ Костеньку и Машеньку. Да будетъ съ вами благословеніе Божіе вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

11-го Іюля 1818 года. Москва.

Милыя и дражайшія мои дѣти Ольга Семеновна и Сереженька! Сегодня день Ангела вашего, милая и дражайшая моя Ольга Семеновна. Отъ всего моего сердца поздравляю васъ; молю Господа, чтобы Онъ васъ благословилъ великою Своею милостью вкупѣ съ истиннымъ другомъ вашимъ и милыми дѣтушками вашими—до маститой старости; а тебя, безцѣнный и несравненный сынъ мой, съ дорогою твоею имянинницею. Сейчасъ карету запрягаютъ, и я ѣду къ обѣднѣ и къ Иверской служить молебенъ и пролить слезы за здоровье и благополучіе ваше. Отправляю къ вамъ пастилу и хлѣбы; хлѣбы, думаемъ, будутъ пахнуть затхлымъ: жарко иссушила ихъ; я немного послала прежде къ вамъ ихъ сушоныхъ; думаю, вы уже получили; и пастилу сухую послала немного Костинькѣ, какъ знала, что *неизвѣстной* хочетъ покушать пастилы! Пастилы Коломенской красной нѣтъ нигдѣ, вся вышла, сама искала.— Письма ваши вчера получила. Съ совершеннымъ прискорбіемъ вижу, что опять у васъ пошли разстройки съ дѣточками. Выборъ кормилицъ есть дѣло претрудное и опасное; вы прочли уже, что изъ 80-ти сколько можно было избрать, и вѣдь здоровье для всѣхъ равно младенцевъ надобно. Что́ вамъ сказать о нашихъ обстоятельствахъ? Все то же и то же: ни малѣйшаго облегченія Софьѣ нѣтъ; видно это истинно сказано, что нервныя болѣзни есть бичь врачебной наукѣ. Это все такъ убиваетъ меня, что я на себя не похожу и совершенно насилу таскаю ноги, замучалась дрожаніемъ сердца и тоскою, точно задушаюсь поминутно насилу. Мудровъ сказалъ мнѣ, что я имѣю какое-то поврежденіе въ сердцѣ, которое составлялось понемногу отъ великихъ потрясеній, происходящихъ отъ горестей, въ которыхъ, самъ Богъ видитъ, не имѣла я недостатку, благодаря тому, кому судьба меня вручила,—ну что объ этомъ! Нынче вышли превосходныя сочиненія *о болѣзняхъ сердца отъ продолжительныхъ печалей, несчастныхъ въ жизни приключеній, отъ приключеній, душу потрясающихъ, гдѣ сказано: поврежденія сердца не могутъ быть исправлены, но нужно знать ихъ причины, дабы быть въ состояніи правильно судить о таковомъ положеніи и доставить страждущимъ хотя нѣкоторыя облегченія; въ противномъ слу-*

чаѣ незапная скоропостижная смерть послѣдуетъ. Извѣстны также органическія уклоненія сей весьма важной внутренности, каковы суть уменьшенія или увеличенія существа его, перемѣщеніе или сдвинутіе отъ потрясеніевъ душевныхъ сердца въ правую его полость и слѣдующее за симъ одностороннее онѣмѣніе тѣла и смерть. Книга сія подъ заглавіемъ *Академическія чтенія о хроническихъ болѣзняхъ.* Здѣсь ихъ нѣтъ, пишу въ Петербургъ къ Николушкѣ [1]); письмо отъ него я получила, благодаря Бога здоровъ. Объ Аркадьѣ пишетъ, что въ корпусъ Пажескій принять его нельзя, и совѣтуетъ писать къ Павлу Петровичу [2])—просить объ Аркадьѣ, что́ я исполню, ибо куды же мнѣ дѣвать его? Пока глаза мои глядятъ, сердце непокойно. Вотъ все переговорила съ вами, мои милыя друзья; съ какимъ нетерпѣніемъ буду ждать писемъ вашихъ! Что́ дѣлается у васъ, уладитесь ли вы съ кормилицей? Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ желаю васъ видѣть всѣхъ. Господь съ вами. Другъ вашъ Марья Аксакова.

Костиньку и Машеньку Софья цѣлуетъ, она бредитъ о нихъ: всякій ребенокъ, который пройдетъ мимо окошекъ, похожъ на Костиньку. Пастилы посылаю 4 фунта, хлѣбовъ высушеныхъ дѣтямъ; тебѣ, мой другъ и сынъ, перчатки тонкія олеиьи. Табакъ отецъ въ ящикѣ не хочетъ послать, не слушаетъ.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

От того же числа.

Милые друзья мои Ольга Семеновна и Сереженька! Письмо ваше отъ 21 Іюня мы получили 9-го Іюля. Хотя мы на прошедшей тяжелой почтѣ, посылая къ вамъ посылки, писали и поздравляли именинницу, но сей день есть тотъ самый, съ которымъ васъ, моя милая Ольга Семеновна, поздравляю и душевно желаю до глубокой старости радостно праздновать; также и тебя, мой милый другъ Сереженька, вторично поздравляю съ именинницею. Сердечно жаль, что милыя малютки разстроились здоровьемъ, а кормилицы, какъ нестоялые кони! Безпрестанно перемѣнять должно.... Судья тебѣ сказалъ, мой другъ, что онъ не зналъ, что надобно нарѣзку сдѣлать по пятой, а не по 7-й ревизіи; я съ нимъ много о семъ спорилъ и доказывалъ ему, что всѣмъ короннымъ дѣлаются нарѣзки по 5-й ревизіи, и это указомъ отъ Сената предписано. Когда посѣютъ яровой хлѣбъ, то непремѣнно прикажи тамъ сдѣлать

---

[1]) Николай Тимоѳеевичъ—братъ Сергѣя Тимоѳеевича.

[2]) Въ разъясненіи этого имени укажемъ строки изъ разсказа С—я Т—ча „Знакомство съ Державинымъ“: „Въ 1815 г. пріѣхалъ я въ Петербургъ на короткое время, чтобы взглянуть на брата, котораго я опредѣлилъ въ Измайловскій полкъ. Братъ жилъ у полковника Павла Петровича Мартынова, моего земляка и короткаго пріятеля“.

ночной караулъ, чтобы Алпаевскіе не увезли хлѣба. Петръ Петровъ много увелъ время, ему строгій выговоръ написать слѣдуетъ. Привезеннаго изъ Рѣпьевки Спиридона, мельникова брата, отдать къ садовнику въ ученики; онъ долженъ быть смышленый малый и вѣрно выучится садоводству. Что́ у васъ въ саду на парникахъ, есть-ли арбузы и дыни и скоро-ли поспѣютъ, и смотритъ-ли хорошо садовникъ? Сегодня былъ его братъ у меня Илья и ходилъ покупать сѣмена по его запискѣ. Перчатки для выѣзда и курительнаго табаку посылаю; не знаю, каковъ будетъ? На сей почтѣ по именному повелѣнію отъ 26-го Іюня полученъ указъ изъ Сенату, прибавлены прогоны: гдѣ было по 5 копѣекъ, то по 8-ми, а гдѣ по 3, тамъ по 5, а на послѣднихъ станціяхъ къ столицѣ по 10 на каждую версту на лошадь. Да будетъ съ вами благословеніе Божіе вѣчно! Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ

Табакъ на будущей почтѣ пошлется съ апельсинами.

На первой страницѣ письма приписка Марьи Николаевны: „Послѣ брани и ссоры посылаю табакъ въ ящикѣ!“

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

17 Іюля 1818-го года. Москва.

Милые друзья мои Ольга Семеновна и Сереженька! Письмо ваше отъ 29-го Іюня мы получили 16-го Іюля. Благодарю Бога, что вы и милыя дѣтушки, Костенька и Машенька, здоровы. Изъ первыхъ нашихъ писемъ изъ Владимира и Москвы вы получили, кажется, на одной почтѣ, потому что во Владимирѣ почта прошла какъ мы проѣхали, то оно пойдетъ черезъ шесть дней вмѣстѣ съ Московскимъ.... При семъ посылаю ящикъ съ табакомъ курительнымъ, а апельсиновъ послать нельзя: они испортятся. Табаку посылаю въ ящикѣ сколько войти могло, а остальной табакъ курительный привеземъ или при случаѣ пришлемъ. Письмо сіе началъ я приготовлять на тяжелой почтѣ съ посылками; но посылается вмѣсто Четверга въ Середу, то есть черезъ шесть дней, на легкой почтѣ и должно придти въ одно время съ посылками. У васъ съ 29-го Іюня наступило хорошее время, и вы имъ пользуетесь въ мирной тишинѣ и въ спокойной деревенской жизни; будемъ молить Бога, дабы онъ на всю вашу жизнь ниспослалъ вамъ Свою милость. Мы также пользуемся громомъ каретъ, и самъ каждый день два раза съ Софьей выѣзжаю по приказу Мудрова. Марья Николаевна такъ жестоко была больна прежней своей болѣзнью, даже до отчаянія, что́ заставило пригласить Рихтера; теперь, благодареніе Богу, полегче. На сихъ дняхъ съ нами случился странный анекдотъ. Пріѣзжаетъ женщина, проситъ видѣться съ Марьей Николаевной и подаетъ ей записку:

«Прапорщикъ Николай Наркизовичъ Козловскій служитъ въ Московскомъ жандармскомъ дивизіонѣ, жалованья получаетъ 510 рублей въ годъ, имѣетъ имѣніе въ Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, 125 душъ въ одномъ мѣстѣ, да по близости того мѣста 25 душъ крестьянъ». Какъ бы вы думали, это женихъ прислалъ сваху сватать Софью. Вотъ какія странности смѣшныя! Теперь поговоримъ о нашей экономіи. Я хотя не писалъ къ тебѣ, мой другъ, но навѣрно ты уже это сдѣлалъ, плотниковъ распустить слѣдовало для уборки хлѣба, а чего не достроятъ—придти осенью. Мельница пильная худо пилитъ, видно машину не можетъ уставить Филатка безъ найму машиниста; жаль этого, пилки много будетъ. Въ осень надобно отдѣлать кладовые амбары, по крайней мѣрѣ покрыть и хотя половину амбаровъ сдѣлать. Ежели живописцу нѣту дѣла, то приказать рѣзать капители въ церковь, да и столярамъ приготовлять лѣсъ на иконостасъ. Его привести изъ Надежина [1]), также и для рамъ въ новый домъ дубовый лѣсъ надобно перевезть; жаль, что между парья его не доставили. Посланы-ли подводы съ крупою изъ Надежина на мѣну въ Оренбургъ и сколько-то намъ привезутъ денегъ, да и возвратились ли работники, которые били бересту и сколько дегтю на топоръ пришло ведръ? Каковъ-то хлѣбъ въ Надежинѣ? Подтвердите старостѣ, чтобы работы шли успѣшнѣе. Сосѣдка наша, Воейкова, уѣхала въ Кіевъ молиться Богу и возвратится въ исходѣ Августа; кажется, мы съ нею не увидимся, ибо Марья Николаевна непремѣнно желаетъ выѣхать около 20-го Августа. Здѣсь я покупаю шестую лошадь въ карету; мы поѣдемъ на своихъ, а для людей наймемъ лошадки двѣ въ повозки до Аксакова. На сихъ дняхъ получено именное повелѣніе Тормасовымъ [2]); онъ докладывалъ черезъ министра, что у многихъ здѣсь бояръ люди выходятъ изъ повиновенія и наказываются въ частяхъ на съѣзжихъ; велѣно наказывать таковыхъ публично. Симбирскаго помѣщика Наумова, по доносу Магницкаго, рѣшено дѣло въ Комитетѣ Министровъ; я читалъ рѣшеніе, губернаторъ обвиненъ, и всѣ его предписанія предводителямъ и земскимъ судамъ смотрѣть за помѣщиками, дабы они поступали съ крестьянами безъ отягощенія работами, по прочимъ уничтожены. За симъ цѣлую васъ, Костеньку и Машеньку, моихъ милыхъ. Благословеніе Божіе вѣчно. Другъ вашъ Т. Аксаковъ.

---

[1]) Надежино описано въ „Сем. Х—кѣ" подъ именемъ Парашино, мѣсто злодѣйскаго подвига Куролесова (то-есть Куроѣдова) и мучительной кончины изверга. Жена его, Надежда Ивановна, описывается въ „С—й Х—кѣ" подъ именемъ Прасковьи Ивановны. Это самое имѣніе, Оренб. губ. Белебеевскаго уѣзда, и было выдѣлено С—ю Т—чу его отцемъ въ 1821-мъ году.

[2]) Тормасовъ—тогдашній ген.-губернаторъ Москвы.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Того же числа.

Письмо мое написано въ Воскресенье, а теперь пишу во Вторникъ, желаю еще нѣсколько строкъ послать къ вамъ; ибо сегодня я встала съ постели и имѣю болѣе силъ. Писемъ отъ васъ еще не получала, друзья мои; здоровы ли вы и съ дѣтушками вашими? Я одна, отецъ вашъ съ Софьей пируютъ на рожденьи у Прасковьи Александровны. Сегодня долго сидѣлъ у меня Мудровъ, говорила о дѣтяхъ. Вотъ и письма отъ васъ вечеромъ принесли; спѣшу вамъ, мои дражайшія дѣтушки, отвѣтствовать. Душею моею скорблю, что вы, милая и любезная моя Ольга Семеновна нездоровы. Ознобы значутъ беременность; у меня есть книга славная; тамъ говорятъ, что иная беременность до исхода имѣетъ ознобы, и ничего худаго отъ сего не случится. Мучительныя ваши злыя спазмы! Сколько разъ я говорила о нихъ съ Мудровымъ, говоритъ: что̀ я скажу заочно, а кажется это истерическій припадокъ. Такъ заняты, не хотятъ посидѣть и минуты не теряютъ: больныхъ множество. Молю Господа, чтобы все это миновалось. Мой Костичка восхищаетъ меня и Машурка розовая. Мнѣ кажется, я пѣшкомъ бы дошла къ нимъ. А, ты дражайшій сынъ мой, ни слова о своемъ здоровьѣ; все вижу тебя дурно во снѣ, и сердце кровью обливается. Надежда *) не ближе сюда будетъ какъ дней черезъ десять, ибо 10-го Іюля выѣзжаетъ на своихъ и, можетъ быть, до Москвы поѣдутъ; говоритъ въ послѣднемъ письмѣ, что недѣли три протащатся, а на сей почтѣ писемъ отъ нея нѣтъ... О себѣ скажу вамъ, любезные друзья, я съ 11-го сего мѣсяца лежала въ постели, была больна опять жестокою моею болѣзнью, такъ что въ обморокъ падала; теперь, благодаря Бога, получше другой день, третьяго дня только была лихорадка настоящая. Софьѣ гораздо лучше, конвульсіи прошли почти; боюсь, чтобы моя болѣзнь чего не сдѣлала. Рихтеръ меня осматривалъ, а сегодня простился: ѣдетъ въ деревню. Избави Богъ быть здѣсь больному, не дождешься врача. Мудровъ велѣлъ послать за Рихтеромъ; самъ онъ ѣздилъ черезъ два, а иногда и черезъ три дня; такъ занятъ, что пересказать невозможно, да и Рихтеръ во всю болѣзнь былъ три раза; долго описывать всего! И такъ посылаемъ, посылаемъ за нимъ, да за свои средства примемся. Въ табакъ я положить велѣла Гофманскихъ капель; давно бы я ихъ выписала и послала, но страшная трудность отдать на почту. Костиньку и Машеньку сердечно цѣлую и васъ. Гос-

---

*) Сестра С. Т-ча Карташевская.

подь съ вами, будьте здоровы и благополучны, сего желаетъ и молитъ о томъ Бога другъ вашъ Марья Аксакова.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

31-го Іюля 1818 г. Москва.

Любезныя и дражайшія мои дѣтушки, Сергѣй Тимоѳеевичъ и Ольга Семеновна. Благодарю васъ, милые друзья мои, за ваше ко мнѣ нѣжное чувствованіе по болѣзнямъ моимъ, о которыхъ совершенно не слѣдовало бы и писать мнѣ, ибо разстояніе насъ раздѣляющее таково, что и еще успѣешь полежать. Теперь, благодаря Бога, я здорова по возможности... я хожу и выѣзжаю потихоньку. О Софьѣ вамъ скажу, мои друзья, она опять стала хуже и видно, что мы ни съ чѣмъ возвратимся. Лѣкарства Софьѣ даетъ г. Мудровъ весьма по-моему недѣятельныя. Конечно, ей получше; но нѣтъ того, чтобы совершенно она была здорова, и видно, что ожидать этого — отъ милости Господней, а не отъ врачей; и время, можетъ быть, все перемѣнитъ. Но не меньше же мое мучительное безпокойство и сокрушеніе останутся со мною. Ѣздитъ Мудровъ дня черезъ два, а иногда черезъ три; говоритъ, что лѣкарство мѣнять часто не годится. Мудровъ такъ занятъ и такъ разбогатѣлъ, что на 10 рублей не весьма пріятно взирaетъ; но я рѣшилась болѣе не давать. А случилось одинъ день ей дурно, то я сыскать его не могла: пировалъ въ Лафертовскомъ, тамъ и спалъ. Иной день до обѣда спитъ, и у него человѣкъ 20 слугъ дожидаются стоятъ, дабы просить къ отчаяннымъ больнымъ. Словомъ, мнѣ такъ здѣсь жить противно, что не смотря на то, можетъ быть, осенью надобно будетъ ѣхать намъ въ Вятку или Оренбургъ. Въ Октябрѣ мы будемъ ожидать совершенно рѣшенія изъ Вятки... о домѣ, который непремѣнно продадутъ... А ежели бы сносно было здѣсь жить, то конечно здѣсь бы и оставаться. Что-то Надежино? Желала бы купца на него; но врядъ ли найдется въ нашихъ мѣстахъ... Я зачинаю уже посбирываться домой, и мысль, что васъ увижу и вашихъ дражайшихъ дѣтушекъ, меня оживотворяетъ. Бѣзцѣнный Константинъ мой, умный, примѣчательный, розовая Машенька... занимаютъ мое воображеніе. Пошли Господи мнѣ увидѣть ихъ и васъ всѣхъ здоровыхъ. Вы ничего не пишете, мои милыя дѣтушки, о вашемъ батюшкѣ; видно, онъ не пожалуетъ къ вамъ *); какъ мнѣ это жаль... Косточку отнять отъ груди пора, покудова за тепло, чтобы можно было его и на дворѣ потѣшить. Я говорила

*) Отецъ Ольги Семеновны, генералъ Семенъ Григорьевичъ Заплатинъ, хотѣлъ навѣстить своихъ, въ ихъ Оренбургскомъ-Аксаковѣ; но свиданіе не состоялось.

вчера съ Мудровымъ и Андрѣемъ Михайловичемъ; говорятъ оба, что пора отнимать: слабыхъ кормятъ долѣе. Простите, мои безцѣнные друзья, цѣлую васъ и дѣтушекъ вашихъ. Благословеніе Господне надъ всѣми вами, и мое грѣшное. Косточку и Машенку цѣлую особенно. Я на сей недѣли зачинаю говѣть, буду пріобщаться Святыхъ таинъ, ежели Господь сподобитъ меня. Другъ вашъ М. А.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

Милые друзья мои! Письмо ваше отъ 12-го Іюля мы получили 29 числа; душевно обрадованы, что вы и дѣтушки здоровы. Не знаю, когда мы васъ увидимъ. Время наступаетъ осеннее; дни короткіе будутъ; не знаю какъ и дотащиться къ вамъ. Убытки большіе, а пользы ни на волосъ нѣту. Покуда въ разсѣяніи, то кажется и получше, а впрочемъ все тоже.—Весьма хорошо ты, мой другъ, сдѣлалъ, послалъ на своихъ лошадяхъ за тесомъ. Кабы можно покрыть—это всего нужнѣе. Гвозди двутесовые, ежели слишкомъ длинны, то будутъ загибаться и ломаться, когда колотятъ, а притомъ болѣе желѣза и работы. Тесу недостало присланнаго. Какъ видно, что его растащили. Триста бревенъ распилено, изъ каждаго пять тесинъ выходило; а взято 150 въ Надежино для церкви. Не пишете вы: переклали ли печи во флигелѣ, а безъ того тепла не будетъ. По дѣлу Алпаевскому присланый запросъ въ Уѣздный Бугурусланскій Судъ, полагать можно, по предписанію военнаго губернатора. Теперь нужно похлопотать о семъ въ Правленіи, дабы сдѣлали справедливо отнесеніе начальнику; но не меньше просить о семъ Хаменку взойти въ разсмотрѣніе несправедливостей землемѣра и суда. Но какъ это сдѣлать, когда я связанъ по извѣстнымъ тебѣ болѣзнямъ, а къ тому и тебѣ отъѣхать не можно? Вѣрющее письмо я бы и послалъ, но оно вмѣстѣ съ нами дойдетъ къ тебѣ. Ежели отъ тебя не приняли бы нужныхъ просьбъ, то можно за отсутствіемъ моимъ подавать старостѣ. Безграмотный судья только надѣлалъ намъ большихъ хлопотъ, послушался плута Бубнова. Онъ не даромъ былъ въ Алпаевѣ: посмотрите, что возмущалъ мужиковъ, а можетъ и просьбу сочинилъ послать въ высшее правительство. Въ Губернское Правленіе я бы послалъ просьбу по сему дѣлу, но не взялъ съ собою ни одной бумажки, съ чего бы написать можно было. Священника надобно бы пріискать намъ хорошаго; ежели случится тебѣ, милый, узнать, то дай ему одобреніе и отпиши къ преосвященному объ опредѣленіи. Печь въ церкви перекласть понадобится. Московскихъ вѣстей множество, но ничему вѣрить не можно. Прощайте, друзья, цѣлую васъ и милыхъ моихъ Костиньку и Машеньку. Да будетъ съ вами благословеніе Божіе вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

14 Августа 1818-го года. Москва.

Милые мои друзья Ольга Семеновна и Сереженька. Письмо ваше отъ 17 Іюля мы получили 12-го Августа. Душевно сожалѣю о нездоровьѣ Ольги Семеновны, проклятыя спазмы ее мучаютъ; желаю, чтобы мы нашли васъ всѣхъ здоровыхъ. Что-то Костинька начинаетъ-ли все говорить? А Сашка Надежинъ [1]) не только все разумѣетъ, но и всякое слово называетъ, какое ему скажутъ, но весьма нездоровъ. Прошедшаго дня въ 5-мъ часу пополудни отправились въ Петербургъ; съ ними отпустили мы и Аркадія. Съ Аркашею отпустили Ваську Башкирца, а мальчикъ изъ Вишинокъ для него взятый что-то вялъ и ненадеженъ. Теперь начинаемъ мы помышлять о дорогѣ; хочу купить шестую лошадь и ѣхать на своихъ... Пришли, мой другъ, къ 15-му числу Сентября въ Аксаково людей и съ ними девять лошадей съ одною кибиткою; съ лошадьми прислать Трофима и еще человѣка два, которые могли бы править на тройкахъ. Здѣсь поговариваютъ, что будетъ съ 250 душъ рекрутъ; но справедливо-ли, подлинно неизвѣстно. Еще забылъ написать: прикажи взять людямъ теплое платье и привезти въ Аксаково; съ нами люди поѣхали безъ теплаго платья. Многіе здѣсь покупаютъ деревни дорогою цѣною: по тысячѣ душу и болѣе. Сосѣдка наша Воейкова возвратилась изъ Кіева и весьма охотно продастъ Аксаково; но боюсь идти въ долгъ, хотя и желалъ бы купить. Здѣсь такая худая погода, дождь и вѣтеръ холодный, похоже на осень; не знаю какъ и ѣхать. Софинькѣ ничего лучше нѣту. Проводя Надежду, опять разстроилась, и все такіе-же припадки; съ чѣмъ пріѣхали, съ тѣмъ и уѣдемъ. Теперь скажу вамъ, друзья: Богъ сподобилъ меня и мать четвертаго дни пріобщиться Святыхъ тайнъ Христовыхъ? Что-то у васъ? Попъ выѣхалъ-ли отъ насъ или нѣтъ? По письму твоему вижу, что Алпаевскіе надоѣдятъ намъ своимъ буйствомъ; къ хлѣбу надобно непремѣнно опредѣлить караулы, когда жать будутъ, или во время жнитвы тамъ и ночевать мужикамъ, покудова уберутъ его; а дабы скорѣе свезти, то класть въ клади подлѣ заселеной деревни и обгородить жердями. За симъ цѣлую васъ и милыхъ моихъ малютокъ, Костиньку и Машеньку. Да будетъ благословеніе Божіе съ вами вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Ѳедора Михеева отошли въ Надежино со всѣмъ семействомъ и подтверди, чтобы староста велѣлъ ходить ему за лошадьми съ сыномъ и ни до чего не допускалъ и строго содержалъ.

[1]) Т. е. сынъ Надежды Тимоѳеевны—сестры Сергѣя Тимофеевича, которая была замужемъ за Григорьемъ Ивановичемъ Карташевскимъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Того же числа.

Милыя и дражайшія мои дѣти Ольга Семеновна и Сергѣй Тимофеевичъ. Письмо ваше съ сердечною радостью получила; только не радуетъ меня, а душевно печалитъ нездоровье Ольги Семеновны и дѣтей: непрестанно что-то они прихварываютъ. Молю Господа Бога, чтобы вы всѣ, мои дражайшіе друзья, были здоровы и чтобы я васъ поскорѣе увидала. У насъ были гости: Надежда съ Сашкой своимъ, чуть живущимъ. Пріѣхала сюда 31-го Іюля, а третьяго дня я разсталась съ ними, то есть 12-го Августа. Разсталась съ моимъ Аркадіемъ котораго конечно уже не увижу въ жизни сей. Сердце заливается кровью, и слезы текутъ еще. Онъ далъ силу мнѣ разстаться съ нимъ; его холодность и совершенное ко мнѣ равнодушіе охолодили и мою страстную къ нему привязанность, которую сердце мое къ нему имѣло. Онъ много плакалъ, разставаясь со мною, и я воспоминаю только послѣдніе дни и часы. О, сердце матери, почто оно столь слабо! Господь съ нимъ. Мы увидимся съ нимъ въ лучшемъ мірѣ; ибо знаю, что не дождусь сего счастья, чтобы взглянуть на него пока жива. Надежда также чрезвычайно тяжело разсталась со мной; она, благодаря Бога, здорова. Сашенька не только не поправился, а похудѣлъ и поблѣднѣлъ ужасно; не ходитъ и даже не стоитъ одинъ, личишко крошечное, блѣдно-желтое, а Надежда къ счастью мало сего боится. Мудровъ коечто прописалъ, но стало отъ этого хуже. У него и свои дѣти столько разслабленныя, что Надежда, бывъ у нихъ, ужаснулась: по третьему году дѣвочка съ мѣсяцъ какъ пошла и чуть жива, мальчикъ съ вывихнутой ногою и едва живъ; то не лучше-ли наши средства? Софьѣ моей нимало не помогъ, и такъ возвращаюсь съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пріѣхала. Ныньче, проводя сестру, совершенно разстроилась, вотъ и все лѣченье; конечно, Рихтеру надобно-бы лѣчить, но мнѣ кажется, все одно и тоже. Рихтеръ сказалъ мнѣ, чтобы ее оставить совершенно на натуру, и онъ, какъ истинно меня любящій, и по чести своей, мнѣ это совѣтуетъ; только бы ничѣмъ не огорчать ее. Но возможно-ли это?

Ѳ себѣ вамъ скажу: я, благодаря Бога, здорова, кромѣ обыкновенныхъ моихъ припадковъ. А здѣсь странные кровавые поносы. На дняхъ умерла богатѣйшая Баташева, болѣвшая поносомъ, въ 5-ть денъ; малютка за нею же и той же болѣзнью послѣдовала, и тѣмъ кончился родъ Баташева-старика. Вотъ столица, вотъ знаменитые врачи! Такъ-то изряднехонько путаютъ, какъ и мы грѣшные. Говорила вчера съ Мудровымъ о вашей болѣзни, милая моя Ольга Семеновна; велѣлъ

пить ромашку теплую во время спазмовъ, хотѣлъ еще что попридумать. Замучился ты, мой другъ Сергѣй, съ пьяницами; я давно знаю, что такое этотъ обойщикъ; въ другомъ домѣ не потерпѣли бы его давно. Довольно была хороша штучка: грабежъ, кутежи и осмотръ дома нашего! Жену его прикажи немедленно привести, а Прасковью, Ѳедорову супругу, на мѣсто ея туды отвести; тамъ и дочка съ Аннушкой живетъ, да и супруга ея съ сыномъ туда же отправить; но напстрожайше подвердить старостѣ, что ежели онъ допуститъ его до чего нибудь въ деревнѣ и домѣ, кромѣ какъ ходить имъ съ сыномъ за лошадьми. Алексѣя пожалуйста заставляйте работать, и сынокъ по немъ страшный змѣй, плутъ, также, какъ батюшка вертится. У насъ двое больныхъ кровавыми поносами: Александра и Макейчинокъ. Я ѣмъ постное. Пріобщалась Святыхъ и Животворящихъ тайнъ Христовыхъ, и право здоровѣе отъ сего, чѣмъ отъ лекарствъ. Пишите хоть разъ къ Андрею Михайловичу: онъ восхищается отъ Костиньки нашего. Хлѣба пришлю съ будущей почтой; никуда негодные Ницманскіе дали хлѣбы, два раза Надежда на заказъ покупала, и оба раза негодны. У меня сегодня купили также сырые и черные; напишу записочку къ Ницманамъ или попрошу Андрея Михайловича заѣхать и попросить ихъ; разбогатѣлъ слишкомъ! Простите, мои дражайшіе и милые друзья. Молю Господа Бога о здоровьѣ вашемъ и дражайшихъ милыхъ моихъ Костиньки и Машеньки; восхищаюсь, что Костинька меня помнитъ; я не знаю, отчего онъ помнитъ кладовую: я ничего тамъ ему не давала. Что-то его Елисавета? Нѣтъ, матушка, не надѣйтесь на здѣшнихъ нянюшекъ, бродягъ; Андрей Михайловичъ какъ старался ихъ находить! Далеко не ѣдутъ; одну Англичанку было промыслили, просила 800 р., да только надсматривать надъ нянями; напослѣдокъ за 500 р., но какъ узнала; что ѣхать за 1,000 верстъ, то и говорить не хотѣла. Мѣхъ и воротникъ вамъ, милый другъ мой Ольга Семеновна, давно купила и атласъ желала бы, чтобы это все было хорошо. Тафты темной гладкой не возможно купить, прескверная! А мелкополосыхъ совсѣмъ нѣтъ; нашла дикую полосатенькую и что́ было всею взяла по 1 р. 30 к.: такъ все дорого. Повѣрите-ли, Аркашѣ шила тулупъ Русскимъ гарнитуромъ, крыла самой скверной по 3 р. 25 к. за аршинъ, а вы знаете, что я торговаться нескушлива. Мѣхъ бѣличій, самый плохой, 80 р. заплатила ему подъ тулупчикъ. Вотъ, мои друзья, все переговорила съ вами. Буду-ли я такъ счастлива, чтобы увидѣть васъ поскорѣе, милыя мои дѣтушки? Цѣлую безцѣннаго моего Константина и Марію. Господь съ вами со всѣми. Цѣлую и васъ, мои други. Благословеніе мое съ вами на вѣки. Другъ вашъ истинный Марья Аксакова.

Софья цѣлуетъ ваши ручки; она бѣдная вчера ни пила ни ѣла, проплакала весь день и ночь худо чрезвычайно спала. Душевно сожалѣю, что батюшка къ вамъ не будетъ.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

20-го Декабря 1818 года. Москва.

Милые друзья мои, съ наступающимъ праздникомъ Рождествомъ Христа Спасителя нашего поздравляю, душевно желая, чтобы вы какъ сей, такъ и многіе таковые, радостно праздновали и были совершенно здоровы и съ милыми малютками вашими. Мы здѣсь всѣ праздники проводимъ съ большою горестью, потому что розно съ вами и сидимъ въ четырехъ стѣнахъ. Вчерась получили письмо отъ Надежды, пишетъ также, что будетъ къ намъ въ Генварѣ, но едва-ли можетъ пріѣхать: въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ онаго снѣгу нѣту ни клочка, обозы идутъ на телѣгахъ. У нихъ проявился пророкъ, что зимы не будетъ нынѣшній годъ, за то посаженъ въ тюрьму. Новости, и говорятъ, вѣрныя: Бонапартъ бѣжалъ съ острова; вотъ тогда опять будетъ новый наборъ рекрутъ, даже и поговариваютъ, будто къ веснѣ съ 500 душъ наборъ будетъ. Нарышкина старшая дочь вышла замужъ за Гурьева и получила съ почтою подарокъ: ящикъ, въ которомъ вексель на 200 тысячъ и портретъ отца и матери, склаважъ и гребенка. Пишетъ о семъ Надежда; также, что бумажки съ новаго года будутъ ходить новыя, уже здѣсь въ банкѣ о семъ получено; также увѣряютъ, что рубль цѣлковый будетъ въ два рубля по новому тарифу. Вчерась я отправлялъ къ вамъ хлѣбы Французскіе на почтѣ, насилу могъ упросить пріемщика, чтобы принялъ; но все вышло 28 фунтовъ. Надежда пишетъ еще: Аркашу представлялъ великому князю Николаю Павловичу, Павелъ Петровичъ [1]), и онъ очень оробѣлъ, забылъ называть ваше высочество и говорилъ просто, но великій князь сказалъ: «хорошій мальчикъ молоденькій». Вотъ вамъ наши новости. Письмо ваше мы получили отъ 30-го Ноября, въ 16 дней, я не успѣлъ писать къ вамъ съ прошедшею почтою; обозу мы по письму вашему ожидаемъ нынѣ или завтра, ежели не попрепятствуетъ худой путь, или по тяжелой клади дошли бы лошади. Я уже жалѣю, что не написалъ послать третью лошадь, потому что телѣгу везти тяжело. Сестра Евгенія Степановна [2]) тоже пишетъ что́ и вы: сестра Александра Степановна

---

[1]) Павелъ Петровичъ Мартыновъ.

[2]) Александра и Евгенія Степановны—золовки Марьи Николаевны, упоминаемыя въ С-й Х-кѣ подъ собственными именами. (Первая за Кротковымъ, вторая за Угличининымъ.)

жестоко была больна и все еще не выздоровѣла. Увѣдомь меня, мой другъ, есть-ли ей лучше отъ болѣзни. Пріятно мнѣ слышать, что ты, мой другъ, хотѣлъ къ ней побывать; но какъ останется одна Ольга Семеновна? Она въ такомъ положеніи, что ей тягостно будетъ по ночамъ вставать къ милому Костинькѣ. Билетъ я затѣмъ послалъ, что надѣюсь перебиться кое-какъ; ибо расходы наши небольшіе, а между тѣмъ продадутъ хлѣбъ въ Вишенкахъ и доставятъ къ намъ. Увѣренъ въ вашей нѣжной любви къ намъ, что вы ничего не пощадите, даже вашего здоровья, которымъ вы жертвуете нашему спокойствію; да наградитъ васъ Творецъ Небесный, и вы узрите таковую же любовь въ дѣтяхъ вашихъ. Относительно хозяйства, мой другъ, распоряженія твои весьма хороши. Но пшеница наша съ головнею, она много сбавитъ цѣны, потому что безцвѣтна; ежели бы крупою продать можно, то всего лучше. Увѣдомь, сколько родилось у насъ табаку и есть ли изъ онаго какая выгода? Я также писалъ прежде, каковъ Рѣпьевскій малый, взятый въ садовники? Есть ли въ немъ какой толкъ и какъ ведетъ себя, не лѣнивецъ ли? Также: каково садовникъ смотритъ за аранжереями и не пьянствуетъ ли, и каково въ аранжереѣ? Цвѣты ему отданы ли? Весною съ почтою хочу прислать Шпанской бѣлой клубники, а сѣмянъ не досталъ. Газеты на будущій годъ выписалъ, и они будутъ къ вамъ присылаться въ Бугурусланъ. Марья Николаевна хотя навѣрное не оставляетъ поѣздки своей, но кажется до лѣта ѣхать изъ Москвы не можно: снѣгу здѣсь весьма мало, и обозъ нашъ еще не бывалъ; а вотъ уже 24-е число Декабря. Почему такъ долго изъ Вишенокъ тебя, милый, не увѣдомляютъ?... Въ Уральскѣ макъ едва ли раскупятъ, ибо тамъ берутъ его малыми мѣрками, а гуртовой продажи не бываетъ. Журналъ «Сынъ Отечества» выпишу съ пересылкою въ Бугурусланъ. Не знаю, какъ къ вамъ отправить эфирный элексиръ, ибо жидкости съ почтою не принимаютъ. За симъ желаю душевно всѣмъ вамъ здоровья. Цѣлую васъ и милыхъ моихъ Костиньку и Машеньку. Да будетъ благословеніе Господне съ вами вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

23-го Декабря 1818 года. Москва.

Сію минуту получили письмо ваше, дражайшія дѣти Сереженька и Ольга Семеновна. Не могу довольно начитаться его о дѣтяхъ. Благодарю Всемогущаго Господа, что вы и дѣти ваши здоровы. О мой разумный Костинька! Восхищеніе мое о немъ безпредѣльно. Машенька моя уже переступаетъ. О Боже милосердый, когда я дождусь увидѣть васъ всѣхъ, дражайшія мои сокровища! Вы мучитесь, милая моя, доро-

гая Ольга Семеновна, о моемъ пути зимнемъ; я бы, кажется, перенесла его; но ваше спокойствіе дороже мнѣ моего. Ужасъ Сереженьки—все это соображаю, рѣшусь остаться до весны. Но какъ далеко это еще отложится! По крайней мѣрѣ, ежели буду жива, въ половинѣ Апрѣля надобно будетъ выѣхать. Ахъ, какъ тяжела мнѣ разлука съ вами, и каково ожидать мнѣ родинъ вашихъ, дражайшая моя Ольга Семеновна. Тогда только свободно дохну, когда получу сіе для меня великое и неизреченное счастіе и извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи твоемъ, мой другъ сердечный, милая моя Ольга Семеновна, и когда сынъ мой, мое единственное сокровище, будетъ спокоенъ. Какъ больно мнѣ, мои дражайшіе друзья, что няньки у васъ нѣтъ. Это мучитъ меня. Третьяго дни былъ у меня сводчикъ, хорошій человѣкъ, далъ мнѣ вѣрное слово найти вдову хорошаго поведенія, которая и есть у него на примѣтѣ. Я обѣщала ему 25 рубл. за труды. Надѣюсь, что сыщу къ моему отъѣзду и куплю. Не странно ли: отъ этакой дворни женщины нѣтъ путной ни одной; да чему и быть отъ нашей развращенной дворни? Александра у меня живетъ здѣсь пресмирно и не пьетъ, а Ѳедотъ. . . . . и не видала хуже, и воръ къ тому же. Да, правду сказать, никто на свою руку охулки не кладетъ. Нынче пресмѣшное было: Максимъ купилъ дрова, пришелъ ко мнѣ за деньгами (отца вашего не было дома), говоритъ семь возовъ дровъ, взялъ отъ меня деньги; мнѣ и вздумалось посмотрѣть, каковы воза. Выхожу на крыльцо; вижу, что только пять возовъ; онъ не ожидалъ сего, ибо никогда не ходила смотрѣть и считать, что́ привезется. Но это причислено было къ ошибкѣ, по обыкновенію. Башкиръ былъ при смерти боленъ горячкою и убоемъ: ѣхавши изъ Петербурга, попалъ подъ возъ, и теперь лежитъ, все жаръ по ночамъ; сомнѣваюсь, чтобы остался живъ. Много меня это страшитъ, что больныхъ у васъ столько; какъ вы теперь безъ няньки, не знаю. Косточка мой капризенъ: когда же умные бываютъ слишкомъ покорны? Господь съ нимъ. Выростетъ—не будетъ таковъ. Отецъ его былъ весьма упрямъ; но дай Господи, чтобы онъ былъ такимъ. Марья Аксакова.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

1-го Генваря 1819 года. Москва.

Милые друзья, благодаримъ Господа, что вы и дѣтушки ваши совершенно здоровы. По регестру все получено, что́ послано; въ цѣлости довезено. Жаль только, что не прислали крупы овсяной; видно, мы забыли написать. Здѣсь свѣжей крупы не достанешь. Ты угадалъ, мой другъ, что Трофимъ протащится: болѣе мѣсяца ѣхалъ, и какъ же иначе, когда вездѣ пьянствовалъ и осмѣлился пить въ Бугурусланѣ и въ Со-

ловкѣ; вотъ какая дерзость, но это такъ ему не пройдетъ. Надежинскіе, вмѣсто 80 к., продали овесъ по 60 коп. Этому причиною Петръ Петровъ, что не выслалъ въ свое время, и ежели нѣту справедливой отговорки, то прикажите съ него взять по 20 к. за пудъ, чтобы впредь исполнялъ что̀ приказано будетъ. Хорошо сдѣлалъ, мой другъ, передвоить приказалъ вино; а вышло очень мало̀. Что же винокуръ говоритъ? Вѣдь онъ и сидѣлъ его—доказательство вѣрное, плохо выгнато. Для дворни надобно нанять дворецкаго строгаго, ежели бы можно найти, а шалуновъ поубавить; также и для крестьянъ трудно отыскать старосту, который бы строгостью и смотрѣніемъ привелъ все въ порядокъ. Ефремъ, конечно, слабый человѣкъ; но по необходимости смотрѣть за мужичьими работами велѣно; ежели бы прикащикъ былъ строгій, тогда и староста былъ бы хорошъ. Ключница пить ходитъ на мельницу къ женѣ мельника Спиридона. Ежели правда, то Спиридонову жену наказать прикажи; а не уймется—отослать ходить за скотиной въ Вишенки. Благодарю васъ, милые друзья, за присланные мнѣ гостинцы; они для меня дороже всѣхъ прочихъ, потому что отъ нѣжности чувствъ вашихъ происходятъ. Посылки Надеждины, узды и шлеи плетеной и ветчины, это все пойдетъ къ нимъ съ обозомъ ихъ; ибо я слышалъ отъ Васьки Башкирца, по возвращеніи его изъ Петербурга что къ нимъ обозъ изъ Пестровки пошлется. А объ вареньѣ мы къ нимъ писали, что̀ дѣлать. Послѣднее письмо ваше восхищаетъ насъ, читавши о миломъ Костенькѣ. Удивительно, что онъ такъ рано зрѣетъ до совершенства; какъ бы не притупилъ свою память. Вотъ и Машенька начинаетъ переступать. Къ пріѣзду нашему будетъ ходить, и насъ выбѣгутъ встрѣчать. . . . . кажется, и дожить до этого нельзя; эти мѣсяцы годами покажутся. Рекрутскіе наборы браковкою насъ разоряютъ. Ни о чемъ не могу совѣтовать тебѣ, мой милый, ибо почти идетъ мѣсяцъ; распоряженія твои весьма хороши, дѣлай такъ, мой другъ какъ тебѣ разсудится. Жаль, что Акимъ такъ долго хворалъ; какъ бы работы въ домѣ не остановились. Нужно бы и амбары дорубить и покрыть. На переводины нельзя ли найти у насъ лѣсу? Но всего бы лучше взять у форшмейстера, заплатя попённыя деньги; хотя потонки взять, но полѣсовщики отпустятъ потолще лѣсъ. . . . . О селѣ Аксаковѣ тебѣ скажу: по пріѣздѣ моемъ въ Москву Воейкова охотно мнѣ его продавала за 80 тысячъ, и я тогда бы его купилъ; но мать не соглашалась отдать свои деньги, а безъ наличныхъ нѣкоторой части матери она не согласилась; я хотѣлъ уже купить самъ непремѣнно и для того посылалъ въ Симбирскъ нарочнаго къ ней человѣка на почтовыхъ. Катушка эта стоитъ 200 рублей, а вышло по пустому. Воейкова пишетъ ко мнѣ, что крестьянъ не продаетъ; купила въ 1.000 рубл. домъ и

строится въ Аксаковѣ, хочетъ сама тамъ жить. Весьма мнѣ жаль, что я упустилъ изъ рукъ эту деревню. Государь пріѣхалъ 23-го ввечеру, а поутру офицеры Измайловскаго полка всѣ представлялись Государю, и онъ ихъ благодарилъ: такъ пишетъ Николушка. Прощайте, милые, цѣлую васъ и милыхъ моихъ Костиньку и Машеньку. Да будетъ благословеніе Господне съ вами вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

1-го Генваря 1819 года.

Любезныя и дражайшія мои дѣти! Сегодня наступилъ новый годъ. Поздравляю васъ. Молю Всевысочайшее Существо, да ниспошлетъ Оно на васъ и дѣтей вашихъ великое Свое милосердіе. На другой день праздника, 26-го, пріѣхалъ плутъ Трофимушка. Драгоцѣнныя письма ваши, ваши гостинцы, столь милые сердцу моему, получили всѣ; благодарю васъ за нихъ, милая моя и дражайшая Ольга Семеновна. Вижу, что не въ Аксаковѣ эта прекрасная вишня родилась; да на что же ты, мой другъ, столько прислала ко мнѣ, вѣдь тамъ у васъ негдѣ взять этого. И нитки тонкія, тоже видно не тутошныя. Все это столько для меня дорогія вещи изъ рукъ вашихъ, дѣти мои дражайшія, принимаю со слезами. Восхищеніе мое, слышавши и читавши о Костинькѣ и Машенькѣ, безпредѣльное. О, мой разумный, безцѣнный Костинька, когда тебя увижу! Новый годъ мнѣ здѣсь, въ отдаленіи отъ васъ, тяжелъ, мои други; не могу провести его безъ горчайшихъ слезъ. Описанія ваши, други мои, о дѣточкахъ нашихъ составляютъ утѣху жизни моей. Читаю и перечитываю письма ваши по нѣскольку разъ на день; вечеромъ они, при засыпаньи моемъ, вмѣсто книги утѣшительной успокоиваютъ духъ мой. Только дамъ вамъ совѣтъ мой, какъ истинный другъ вашъ и мать: управить умненько нужно капризнымъ умишкой, какъ пишешь ты, мой другъ Сереженька, Косточкинымъ. Первое правило по моему, чтобы не исполнять всякое его желаніе и не горевать о томъ, что онъ поплачетъ о томъ. Это будетъ въ великую ему пользу въ будущее время, и никогда не давать ему любимой вещи въ то время, когда онъ упрямится и проситъ ея; хоть бы, Богъ знаетъ, какъ онъ о семъ плакалъ, не давать. Покорите непремѣнно его власть вашей, и уже пора это начинать, особенно же потому, что разумъ его слишкомъ превзошелъ его возрастъ; съ нимъ надобно дѣйствовать какъ съ пятилѣтнимъ, по его особенно памяти. Я знаю, что милый другъ мой, дражайшая моя Ольга Семеновна, лучше моего все придумаетъ; но она менѣе имѣетъ опытовъ и, можетъ быть, слишкомъ любитъ много, отчего не въ состояніи дѣлать такія насилія нраву Косточкину,—тогда

отецъ во всемъ смыслитъ. Отецъ разумный долженъ выполнить все, но не вспыльчивостью, а ровнымъ управленіемъ воли дѣтей. Вотъ мнѣ не нравится то, зачѣмъ его закачивать? Дитя не долженъ имѣть такихъ прихотей, которыя ему напослѣдокъ обратятся въ великое горе; всегда онъ долженъ быть положенъ прямо въ кроватку: ежели истинно хочетъ спать, уснетъ безъ всѣхъ пособій, когда здоровъ. Потомъ еще одно слово, дражайшій мой Сереженька! Ты говоришь, что нельзя его обмануть ни въ чемъ, нельзя большой кусокъ сахару подмѣнить маленькимъ. Этого и дѣлать не надобно, а надобно, чтобы воля ваша была для нихъ законъ. Ежели онъ хочетъ имѣть кусокъ большой и съ капризами его требуетъ, тогда взять маленькій и сказать: «вотъ я хочу, чтобы ты этотъ взялъ»; не хочетъ, заплачетъ — не давать, чтобъ онъ вездѣ видѣлъ вашу волю, а не свою. Тогда будетъ таковъ же какъ ты, дражайшій сынъ мой; разольетъ счастіе на васъ, своихъ родителей, и болѣе будетъ любить, нежели родителей слабыхъ, которые покоряются волѣ его. Я не знаю, еще не видала въ 50-ти-лѣтней жизни моей, чтобы дѣти, воспитанныя безъ власти, любили совершенно своихъ родителей. Не посѣтуйте на меня, что я для новаго года даю вамъ дружескія наставленія. Поводомъ къ нимъ были ваши слова, дражайшая моя, милая умница Ольга Семеновна, въ послѣднемъ письмѣ вашемъ, гдѣ вы говорите: *вотъ вамъ описаніе о вашемъ любимцѣ, милая моя; увѣрена, что при васъ онъ не былъ таковъ капризенъ.* Нѣтъ, другъ мой сердечный, это дѣло родителей, а не бабушки отваживать отъ капризовъ. Но что говорить! Онъ, моя лапочка, все способенъ впечатлѣть на умномъ сердцѣ своемъ. А ежели будетъ имѣть капризы, то это будетъ вина ваша, а не его; на немъ теперь что̀ хочешь печатай, лишь бы печать была хороша, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Когда вы сами сына своего такъ воспитаете, чтобы онъ былъ самъ себѣ въ тягость! Когда онъ крошечка былъ еще при моемъ отъѣздѣ, ничего не говорилъ и не понималъ, мною и тогда исторія о сахарѣ и сахарницѣ всякій день имъ была вспоминаема, и онъ, милое мое безцѣнное сокровище, не смѣлъ брать самъ сахаръ. Все будетъ хорошо, далъ бы Господь здоровья. Восхищаюсь, что Машечка зачинаетъ ходить. Дай Богъ, чтобы была хорошенькая; не худо это дѣвочкѣ, и Косточку представляю съ разумными проницательными глазами, съ внимательной физіономіей. О Боже всемогущій! Когда увижу васъ всѣхъ! Здоровье мое не позволяетъ мнѣ и думать пускаться въ путь. Я хотѣла было обмануть васъ, оставя здѣсь письма три, сказать, что не поѣду, а самой ѣхать, но теперь не могу: спазмы мои такое раздраженіе оставляютъ во всей моей внутренности, что я тряхнуться не могу иной день. Я пишу къ вамъ, мои други, всю правду; ибо не повѣрите вы, чтобы я была со-

вершенно здорова. Считаю минуты и секунды, которыя приближаютъ меня къ веснѣ. Какъ я рада, что ты, другъ мой Сереженька, бываешь въ моей комнатѣ; много эти стѣны слышали моихъ вздоховъ и страданія. Дай Богъ чтобъ я умерла въ этомъ убѣжищѣ, которое мнѣ покойный мой свекоръ *) далъ въ домѣ своемъ. Эта комната, имъ мнѣ построенная, дворцомъ показалась великолѣпнѣйшимъ. По крайней мѣрѣ я не могла слышать изъ нея всего того, чего не хотѣла знать. Тяжело отзываются здоровью моему прошедшія, настоящія и будущія скорби мои; но живу долго, тѣлосложеніе мое противится ужаснѣйшимъ образомъ или борется съ моими припадками.

Надежда, видно, не можетъ пріѣхать ко мнѣ: отъ Петербурга до Москвы снѣгу нѣтъ ни клока, ѣздятъ на колесахъ. Ключница зачала куликать, пишете вы; я такъ и думала. Надобно бы пугнуть ее, мои други, отставить дня хоть на три, а потомъ можно простить; вотъ она и уймется пить. Вѣдь некѣмъ и подумать перемѣнить; это все воры и грабители, да нѣтъ кого приставить къ погребу и кладовымъ: все разворуютъ и растащутъ. Я такъ думаю, что теперь у насъ такова закваска положена въ домѣ, что кого хочешь новаго хорошаго приведи—не продержится, а пропадетъ: ибо всѣ, до малаго ребенка, въ развращеніи. Я боюсь своего дому, истинно боюсь; да и тебѣ, мой другъ Сереженька, совѣтую остерегаться этихъ обойщиковъ съ прибо-ромъ... Вѣдь на свадьбу хлѣбца наговорилъ, отъ котораго собака умерла,—это открытое дѣло, и послѣ сего онъ также на ряду съ добрыми остался. Я Трофима, думаю, велю наказать въ полиціи за таковой дерзкій поступокъ; я сносить этого не могу. Придетъ ли жена его—оброкъ; а сынка, пріѣхавши, продамъ непремѣнно; что это такое, изъ предѣлу вонъ все вышло. Пугни, мой другъ Сереженька, хорошенько ключницу, сдѣлай видъ, соберись ее наказать, а Ольга Семеновна пусть тебя упроситъ; повѣрь, что она тотчасъ перестанетъ пить; а друга ея, у которой она пьетъ на мельницѣ, у той самой, которая была у меня въ стряпкахъ, не помню какъ зовутъ ее, накажи хорошенько и хотя на время отправь въ Надежино; вотъ гнѣздо ихъ и разрушится. Сказываютъ, Михайло, какъ и всегда это было, пьетъ; но нынче больше; хорошенько бы ты его проучилъ за это разсчетомъ; думаю, воруетъ безъ милосердія. Замучился ты, другъ мой, съ такимъ развращеннымъ домомъ. Теперь узнаешь лучше, правду ли я говорила, и каково это все сносить. Затѣмъ прощайте, дражайшія и безцѣнныя мои дѣтушки. Другъ вашъ Марья Аксакова.

*) Упоминаемый здѣсь свекоръ—дѣдъ С-я Т-ча, самъ Степанъ Михайловичъ, описанный имъ и въ С. Х, и въ Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука.

Дражайшія рученки [1]) лежатъ у сердца моего. Косточкина ручка лучше, длинные тонкіе пальчики; мнѣ кажется Машенька толще его, по рукѣ смотря. Когда получится письмо это, тогда наступитъ день ангела Машеньки; поцѣлуйте ее за меня милёхонько, мои други. Я ей дарю дѣвочку мою собственную, Башкирову дочь. Она преумненькая. Прикажите, дражайшія мои дѣти, чтобы она ныньче же была при ней; можно ее чему выучить. Не забудь, моя дражайшая, милая Ольга Семеновна, прикажи матушка, чтобы всѣ дворовыя бабы непремѣнно напряли тонкихъ нитокъ, да и горничныя бы попряли недѣли двѣ. У насъ такъ дошло, что тонкихъ нитокъ, которыми бы можно обрубить кисею или что тонкое другое, совсѣмъ нѣтъ. Холстъ, видно, вы, моя родная, милый другъ мой Ольга Семеновна, прислали свой; мнѣ кажется, что это тканье Журавля-ткача, а онъ вѣдь ткалъ ваши два полотна. Говорятъ, послѣ новаго года всѣ товары вздешевѣютъ: выйдетъ новый тарифъ, гдѣ разрѣшенъ будетъ ввозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ безъ изъятія. Милая Ольга Семеновна, не купить-ли вамъ тафты на шлафорокъ полосатенькой? Не переписываться долго, я куплю; а вы, коли меня любите, то сошьете и будете носить, моя дражайшая. Сереженькѣ куплю полдюжины платковъ полотняныхъ; желаю носить на здоровье. Для того пишу, что сегодня новый годъ. Косточкѣ купила приборъ: ножичекъ и вилочку серебряные, также на новый годъ. Софья цѣлуетъ ваши ручки и препокорно благодаритъ за драгоцѣнныя для меня и для нея ваши гостинцы, мои други милые.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

22-го Генваря 1819 года. Москва.

Милые друзья мои, письмо ваше отъ 3-го Генваря мы получили 20-го числа; благодаримъ Господа, что вы и съ малютками здоровы. Поздравляю васъ съ дорогою имянинницею и имянинникомъ, который будетъ вмѣстѣ праздновать сей день съ нами. По письму Надеждиному ей надобно съ Аркашей пріѣхать къ намъ завтра. Весьма больно, что мы не вмѣстѣ съ вами, мои други, будемъ препровождать сей день. Обозъ изъ Надеждиной деревни еще не бывалъ сюда. Хозяйство твое весьма хорошо, мой другъ, что готовятъ лѣсъ и возятъ. Не знаю, какъ ты купилъ его (весьма кόлокъ на срубку) съ мелкимъ лѣсомъ, а чтобы мелкій лѣсъ весь срубить, послѣ въ сажени перекласть и сколько то будетъ всего бревенъ строеннаго, прикажи отыскать всѣхъ кто обрубалъ комли, съ тѣхъ взыскать по 50 коп. за бревно или наложить

*) Снимки съ дѣтскихъ рукъ были приложены въ одномъ письмѣ къ М—ѣ Н—ѣ.

по скольку бревенъ вывести имъ въ свои дни *); объявить этимъ плутамъ мой приказъ и старостѣ сказать, что съ него взыщутся всѣ безпорядки, для чего онъ ихъ допущаетъ, до самовольства. Въ Уральскѣ хлѣбъ продали весьма дешево, а особливо макъ лучше бы въ Вишенки отослать: тамъ по 28 четверть въ 9 мѣръ. Золото здѣсь ходитъ еще въ той же цѣнѣ и серебро. Рекрутъ, видно, обраковали въ Уфѣ, потому что отдатчики худо старались или имъ не хотѣлось ихъ отдать; военный губернаторъ человѣкъ правдивый, то можетъ быть-бы и принялъ; но все оставляю на твою волю. Лошадь, украденную у Ефимки, ему не отдали; объ ономъ надобно просить въ Уфимскомъ Губернскомъ Правленіи съ приложеніемъ возвращенной просьбы и явочнаго прошенія на судей, которые отпустили крестьянина и отдали лошадь; и ежели сдѣлалъ это Земскій Судъ, то можно и министра полиціи просить. Ежели безъ меня некому будетъ просьбы написать, то оставить до моего возвращенія. Деньги по твоему реестру, что́ слѣдуетъ въ единственный мой приходъ, оставь все у себя на содержаніе дому и на расходы, и ко мнѣ изъ нихъ не посылай. Семенъ Григорьевичъ желаетъ, ежели будетъ у васъ новорожденный сынъ, дать имя Григорій; то и для насъ будетъ пріятно, ежели вамъ кажется хорошо наименовать. Кошма̀, которая была у насъ въ горницѣ, прикажи чтобы непремѣнно была отыскана и скажи, Сереженька, ключницѣ, что я подерусь за нее. Пшеничной пудъ муки прислали: совсѣмъ черная, видно и сѣена рѣдкимъ ситомъ; ежели у ключника вся пшеница вымыта такъ худо, то и онъ отвѣчать будетъ. Колонисту въ Вишенкахъ я велѣлъ отказать; онъ все хозяйство разстроилъ и кромѣ убытку ничего, и пьянствуетъ съ женою. Широкія сѣрыя сукна всѣ отдать на фабрику свалять и окрасить у Кроткова, только бы не линяла краска; буде-же очень дорого проситъ, то свалять на валюши дома. Изъ узкихъ два сукна, которыя потончѣе сѣрыя, прислать съ Нестеркою - мастеровымъ, на шинели здѣсь. Лисы дешевы; чтобы не везти назадъ, то отдать хотимъ по 15 рублей лису. Архіерей нашъ Уфимскій отставленъ, кто-то на мѣсто его поступитъ; надобно, чтобы пока намъ дали другаго. На сихъ дняхъ пишетъ Надежда, да и курьеръ пріѣхалъ къ Тормасову, что королева наша Екатерина Павловна окончила жизнь; четверо дѣтей осталось. Государь въ величайшей горести, и Государыня также. Пишутъ, что Государь до сего еще подписалъ много бумагъ; а сказываютъ, что перемѣны много будетъ. Прощайте, цѣлую васъ и милыхъ Костеньку и Машеньку. Благословеніе Божіе съ вами вѣчно. Другъ вашъ Т. Аксаковъ.

---

*) Свои дни—свободные отъ барщины.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Того же числа.

Милая моя хозяйка, прикажи, мой другъ, оставить полотны, станoвятся велики; одному ткачу мои полотна сновать, а другому ваши, а Данилкѣ скатерти и салфетки. Пришлите, други, сундучекъ сюда для салфетокъ, которыя присланы въ машину; здѣсь всякій бездѣльный рублей 7-мь; тамъ есть небольшіе бѣлые, вотъ съ этотъ, въ которомъ свѣчи церковныя лежатъ. Желаю знать, перестала-ли ключница пить. Суконъ въ амбарѣ много; нельзя-ли ихъ продать, мой другъ Сереженька? Колонистъ все разстроилъ, и только на 1000 р. продали масла по 15 р. съ полтиной, и то на серебро; я ихъ немедленно положила въ ломбардъ, и вашъ билетъ въ 1000 р. хранится у меня; хотѣла послать, но отецъ не слушаетъ, не шлетъ. Что-то въ цѣлости ли довезетъ мѣщанинъ къ вамъ хлѣбы, моему безцѣнному ангелу? Только не хвалю васъ, что онъ говоритъ *мама*, *папа*. Этого не надобно. О, мои ангелы, когда увижу ихъ! Надежда пишетъ, что дочь ея и моя крестная удивительной крѣпости ребенокъ. Софья цѣлуетъ ваши ручки и дражайшихъ дѣтей и поздравляетъ Машеньку со днемъ Ангела ея и васъ съ имянинницей.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

4-го Февраля 1819-го года, Москва.

Милые мои друзья, Ольга Семеновна и Сереженька. По письму вашему отъ 9-го Генваря, полученному 29 числа, благодаримъ Господа, что вы и Машенька здоровы, но душевно сожалѣемъ о болѣзни Костеньки; это все скоро поправится, и Богъ насъ успокоитъ его выздоровленіемъ. Это письмо ваше мы получили послѣ почты и при немъ золотомъ и серебромъ 500 рубл., которые тогда-же отданы въ Ломбардъ на имя неизвѣстнаго; билета я къ вамъ не посылаю: заплатить надобно въ шестеро, а билету все равно лежать, привезу съ собою. Ты, мой другъ, напрасно прислалъ серебра и золота на наши расходы здѣшніе; вѣдь и у васъ по дому денегъ надобно много. Спасибо сестрѣ Евгеніи Степановнѣ, что она не забыла 6-го числа къ вамъ пріѣхать; душевно радуюсь, что сестрѣ Александрѣ Степановнѣ отъ болѣзни есть легче. 24-го Генваря мы были обрадованы пріѣздомъ Надеженьки и Аркаши; они доѣхали благополучно въ трое сутокъ по курьерски и ѣдутъ отъ насъ 9-го по утру. Я думаю, разставанье будетъ слезно, а особливо каково-то будетъ для Софьи: какъ бы не разстроилось опять ея здоровье, которое такъ уладилось, и мы успокоились. Снѣгъ и у насъ

выпалъ на сихъ дняхъ - большой, и морозы были градусовъ по 17-ти. Получаете-ли вы газеты, не написали. На журналъ «*Сынъ Отечества*» посылаю съ Надеждою деньги въ Петербургъ 50 р. Золото и серебро здѣсь ходитъ въ 4 р. рубль въ рядахъ, а въ прочія мѣста принимаютъ по курсу; въ Петербургѣ 3 р. 70 к. рубль, также и золото и ассигнаціи въ настоящей цѣнѣ; говорятъ, что и здѣсь также ходить будетъ серебро и золото, ассигнаціи новыя выдутъ въ Іюлѣ. Весьма хорошо, что лѣсомъ запаслись. Въ кладкѣ фундаментовъ подъ печами остановки большой быть не можетъ: тутъ можно опредѣлить поболѣе печниковъ, и Горбуну приказатъ ранѣе пріѣхать изъ Вишенокъ. А затрудненіе сдѣлаетъ насыпка земли; надобно выбрать мѣсто, гдѣ бы брать ее ближе. Я прежде хотѣлъ въ саду рыть прудъ, а теперь бы и кстати вынимать землю и возить подъ полы. Можно также ниже жилаго дому рыть землю въ саду, пониже залы по скату дѣлать уступами и послѣ засадить деревьями; впрочемъ оставляю на твое распоряженіе. Но возить землю скорѣе тележками на одномъ колесѣ; но ихъ надобно приготовить десятка два. Землю можно брать въ саду изъ канавы, чтобы рѣку пропустить черезъ садъ; косяки вставлять можно, поставить стойки и положить переклады, и на нихъ наложить половыя доски и косяки вставлять удобно. Весьма меня удивило пересказанное Васильемъ Борисовичемъ о плутнѣ Александра; я иначе не считаю, что онъ сошелъ съ ума, ибо такой дерзости говорить нельзя небезумному. Отпиши къ нему, мой другъ, и потребуй отвѣту; я пріѣду и крѣпко его накажу. О Самарской землѣ мнѣ бы казалось удобнѣе писать въ Петербургъ и поручить у самого хозяина ее купить всю безъ остатку, сколько имъ по крѣпостямъ слѣдовало. Это скорѣе сдѣлается. Для Костеньки хлѣбовъ Ницманскихъ посылаю съ мѣщаниномъ Бугуруслапскимъ 25-го; ежели бы была оказія, то и еще бы хлѣбовъ послали, но съ почтой всякій хлѣбъ будетъ стоить болѣе рубля, а потому и посылать не можно. Надеждины люди поѣдутъ черезъ Ярославль, и муки прислать не съ кѣмъ. Вамъ бы выписать изъ Казани или изъ Симбирска. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Безъ обозначенія числа.

Дражайшія мои дѣти Сереженька и Ольга Семеновна. Я восхищена о дѣтяхъ моихъ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ съ людьми Надеждиными о Костенькѣ, а на сей почтѣ писемъ нѣтъ, чѣмъ была весьма испугана. Но билетъ на 500 р, присланный отъ Аничкова, далъ мнѣ мысль, что тутъ съ деньгами положено письмо ваше. Напослѣдокъ обрадовала меня мой другъ Надежда своимъ пріѣздомъ съ Аркадіемъ.

Боже мой, какую она жертву принесла мнѣ! Оставила своихъ крошекъ и Сашеньку не совершенно здороваго. Радость моя велика, но не совершенная, ибо сопряжена съ какимъ-то страхомъ о дѣтяхъ ея. Я трепещу сего, ибо въ Петербургѣ ходитъ корь, много больныхъ скарлатинами. Я прошу ее уѣхать скорѣе. Настанетъ время родинъ вашихъ, дражайшая моя Ольга Семеновна. Моленія мои ко Господу непрестанныя о васъ, мои дражайшіе; сны вижу прекрасные и сегодня видѣла, будто вы прекрасную бѣлую булку подаете Сереженькѣ; видно, дѣвочку родите [1]). Да будетъ воля Господа Бога нашего съ нами отъ нынѣ и до вѣка! Онъ знаетъ, что̀ назначаетъ намъ, чадамъ Своимъ. И дѣвочка иногда болѣе будетъ счастлива, чѣмъ сынъ; а мнѣ кажется родители только и должны думать о ихъ счастіи, а не о своемъ. О себѣ скажу вамъ, мои дражайшія дѣтушки, я благодаря Бога здорова, и Софья совершенно здорова становится, припадки ея совершенно прошли; она весела, спокойна, сонъ имѣетъ совершенно спокойный, крѣпкій. Сестра говоритъ, что она даже и пополнѣла. Григорій Ивановичъ [2]) вчера отъ 24 пишетъ сіи только строки: «*У насъ все еще новаго не выходитъ; но думаю, что это не замедлитъ*».

Слава Богу, что у Машеньки такая здоровая кормилица, какъ сказывала мнѣ Анфисія. Каково же! Я рѣшилась цѣлый часъ разспрашивать Анфисію о васъ и дѣтяхъ, при всемъ моемъ къ ней отвращеніи; восхищалась, плакала, о мои дѣтушки!

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

11-го Февраля 1819-го года. Москва.

Надежда съ Аркашей прошедшаго дня обратно поѣхали въ Петербургъ; мать, отпущая ихъ, плакала и весьма разстроилась. Софинька также весьма грустила, и мы опасались худыхъ послѣдствій; но благодаря Господа ничего не послѣдовало: засыпаетъ и просыпается хорошо. Какъ мнѣ досаденъ Ефремъ, что не можетъ отстать отъ пьян-

---

[1]) На этотъ разъ сонъ оправдался, и примѣты не обманули: какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, родилась дочь Вѣра Сергѣевна. Объ ней часто упоминается въ сочиненіи С—я Т—ча „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ", и тамъ-же приводятся выписки изъ ея замѣтокъ.

[2]) Григорій Ивановичъ Карташевскій, воспитатель С—я Т—ча, описанный имъ въ Воспоминаніяхъ о Казанской гимназіи и Казанскомъ университетѣ. Въ годъ свадьбы самого С—я Т—ча, въ 1816-мъ году, онъ женился на его сестрѣ Надеждѣ Тимоѳеевнѣ. Адъюнктъ-профессоръ математическихъ наукъ, это былъ человѣкъ глубокихъ знаній и рѣдкаго закала. Потомъ онъ занималъ мѣсто въ Комиссіи составленія Законовъ, былъ директоромъ Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, а съ 1829 г. по 1835-й г. занималъ должность попечителя Бѣлорусскаго округа, въ 1838-мъ году назначенъ сенаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался въ 1840-мъ году.

ства; отставь его, мой другъ, и не прикажи ни во что входить. Какъ онъ смѣлъ твои приказанія перемѣнять и давать приказанія мужикамъ! Это большая дерзость. О землѣ Алпаевской вторично получилъ я изъ Петербурга увѣдомленіе, что представленія пѣту въ Сенатѣ. Съ Любовью Карловною сдѣлай, мой другъ, разсчетъ, сколько бревенъ вырублено и какая за нихъ плата. Ея письмо лежитъ въ красномъ бюрѣ сверху, въ третьемъ ящикѣ на лѣвой рукѣ. Мнѣ помнится, взято 300 бревенъ. Проценты ею заплачены мнѣ за 1816 годъ; она платитъ по восьми; съ 2500 рубл. процентовъ въ годъ, двѣсти рублей получалось, отъ сего года считать и проценты; весьма бы хорошо, ежели заплатитъ деньги. Но получены-ли тобою обязательства, отъ меня къ тебѣ посланныя? Тысяцкую избу ставить ежели на означенномъ мѣстѣ, то землю надобно выровнять и стопки ставить съ землею наровень; ежели-же мѣсто весьма неспособно, то поставить на томъ же мѣстѣ, гдѣ ткацкая. Жаль, что не успѣли снести погребъ, чтобы на настоящее мѣсто поставить ткацкую избу, а надъ нею сдѣлать выходъ сухой, весьма удобный для всего. Новаго изъ Петербурга еще ничего нѣту; говорятъ, что много подписано, но мы ничего не знаемъ. На будущей недѣлѣ посылаю просьбу къ Николушкѣ подать Государю о землѣ Симбирской, по Аксакову; это содержать надобно въ секретѣ. Сестру Александру Степановну Татары сгоняютъ съ земли, дѣлать нечего: просить Государя. Посмотри, милый, ея всѣ бумаги лежатъ въ шкафѣ.... завязаны въ салфеткѣ, а другія бумаги въ салфеткѣ-же Евгеніи Степановны, отыщи первыя и немедленно къ ней пошли. Цѣлую васъ и милыхъ дѣтушекъ, ожидаю нетерпѣливо разрѣшенія Ольги Семеновны. Другъ вашъ Т. Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Того же числа.

Съ какимъ ужасомъ прочла я письмо ваше, дражайшія мои дѣти о болѣзни Костиньки: Боже, что̀ дѣлать, что̀ начать! Пѣшкомъ бы къ вамъ бѣжала, ежели бы знала, что могу дойти. Какое несчастіе столько зубовъ вдругъ! Какое время я не съ вами; ужасно оно, но вы не все написали мнѣ, мои други..... Неизвѣстность ужасна; когда дождусь почты и что̀ могу сказать вамъ за 1,000 верстъ, что̀ совѣтовать? Какой ужасъ разливается въ груди моей. О мои дѣти дражайшія, что̀ вы перенесли и можетъ быть переносите еще. О милосердный Господь Богъ! Что̀ дѣлается съ вами смотря на болѣзнь Костиньки, какъ вы, дражайшая Ольга Семеновна, были испуганы смертельно, когда съ нимъ сдѣлалась болѣзнь его жестокая? Представляю обоихъ васъ въ ужасѣ и сама остаюсь въ ужасѣ. Угодно было Провидѣнью, чтобы я терза-

лась день и ночь. Тяжкіе грѣхи мои заслужили это. Скажите мнѣ мои други, что̀ мнѣ начать? Костинька, дражайшій мой Костинька, проливаю моленія мои ко Господу. Други мои, руководствуйтесь Буханомъ *), по немъ лечите его, и Отецъ Небесный поможетъ намъ. Что́ это такое сдѣлалось, я не съ вами и не раздѣляю скорбей вашихъ? О, какъ раздѣляю я ихъ здѣсь, ужасны онѣ. Что мнѣ сказать вамъ? Я не знаю что̀ дѣлается, и вы не все мнѣ написали; это не правда, что ему легче. О, мои дѣти, что̀ это сдѣлалось, я не могу быть вамъ полезна. Милая, дорогая моя Ольга Семеновна, въ положеніи вашемъ сокрушились вы. Несравненный сынъ, въ какомъ ты теперь мученіи! Ужасъ обливаетъ сердце мое. Не могу ничѣмъ себя успокоить. Костинька представляется мнѣ въ различныхъ видахъ. Сердце мое раздирается на части; когда почты дождусь? Скажите, что̀ сдѣлалось съ нами? Какъ можно болѣе наказать меня Господу Богу какъ тѣмъ, чтобы быть розно съ вами и дѣтьми вашими, и въ какое время! Пишите о немъ, пишите, все хочу знать; и Машенька не къ зубамъ ли захворала было? Берегите сокровище безцѣнное. Отъ груди конечно пора отнять; но что̀ онъ другое кушаетъ? Когда прорѣжутся всѣ зубочки, тогда можно для укрѣпленія его желудочка давать два раза по десертной ложкѣ мадеры по его натурѣ, не склонной къ жару; можно. Какъ же вы не очистили его, когда у него давно жарокъ былъ? Словомъ, что́ скажу заочно; сію минуту ѣхала бы къ вамъ и не подумала бы о больной моей, ежели бы могла доѣхать: такъ мнѣ несносно мое положеніе, дай Богъ пережить его, сердце мое горитъ. О Костинька! Будь здоровъ, ангелъ мой, безцѣнное дитя. Матушка моя, милая Ольга Семеновна, вы о старухѣ Надежинской пишите: кого угодно вамъ, все ваше. Не взять ли вамъ и Ѳеоктисту или Ѳеклу? Первая зла только, а думаю будетъ способна въ няньки: опрятна, попечительна, бездѣтна, вѣчно можетъ быть нянькой. Что̀ же дѣлать, гдѣ ихъ взять хорошихъ? Не спрашивайтесь, мои други, и дѣлайте что́ угодно. Проклятая колонистка, а какъ любилъ ее мой ангелъ Костинька! Да хоть и обѣихъ приставьте въ няньки, и старуху, и этихъ. Замучились вы во всѣхъ отношеніяхъ. О себѣ вамъ, мои други, скажу: сила небесная подкрѣпляетъ меня. Что я не лежу въ постели—это чудо. Грудь болитъ, сердце дрожитъ; но я хожу и молюсь, чтобы пережить жестокое мое, ужасное время. Милыя, дражайшія мои дѣти, когда увижу васъ? Когда увижу сокровища мои, единственныя, дражайшія, Костинька и Машинька? Косточка, ты улыбаешься на портретѣ, мое сердце! Чувствуетъ твое, какую любовь къ тебѣ имѣю.

---

*) Объ этомъ лѣчебникѣ Бухана вотъ выписка изъ разсказа С-я Т-ча „Годъ въ деревнѣ: *Мать моя любила читать медицинскія книги. Домашній лѣчебникъ Бухана былъ ея авторитетомъ.*

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Отъ 13-го Февраля 1819 года.

Вотъ уже Вторникъ, а я не получала еще писемъ вашихъ, дражайшіе друзья и дѣти; но я изъ нихъ не узнàю ничего. Вы бережете здоровье мое, несравненныя мои дѣти; но случай открылъ мнѣ великую горесть: ангелъ души моей былъ боленъ золотухою. Прошу васъ уже теперь писать ко мнѣ всю истину и приказываю, какъ мать твоя, мой дражайшій сынъ; ужасъ ре́венъ, а сумнѣніе, подозрѣніе и неизвѣстность измучатъ меня болѣе. Въ Воскресенье, то-есть 9 числа, проводила я моихъ гостей, проводила весьма тяжело, колебалась оставить Аркадія на мѣсяцъ, но побѣдила себя; не въ состояніи была отпустить одну Надежду, пожертвовавшую мнѣ дѣтьми и такимъ великимъ безпокойствомъ. Хотя Аркашенька худой еще провожатый, но все братъ, на всякій случай нездоровья. Аркадій сталъ совсѣмъ иной, и сердце мое сокрушилось, смотря на его молодость; но полно о семъ. Передъ отъѣздомъ Надеждинымъ какъ-то сказали мнѣ, что на почтѣ было письмо отъ васъ къ Андрѣю Михайловичу; а онъ о немъ мнѣ не сказалъ. Это тотчасъ дало мнѣ знать, что есть что нибудь такое, чтò скрываютъ отъ меня и что Надежда должна это знать; я такъ просила, молила, заклинала, что она должна мнѣ была объявить, что и декохтъ послали къ вамъ. Потомъ Андрѣй Михайловичъ долженъ былъ сказать что́ вы писали къ нему о болѣзни Костенькиной; но какъ онъ человѣкъ крѣпкій (письма не даетъ) и не могъ мнѣ разсказать всего, а говоритъ, что вы пустое думаете, будто у Косточки золотуха, что ея нѣтъ совсѣмъ у него, но такъ болѣло за ушками. Бога ради, друзья мои сердечные, увѣдомьте меня подробно и не утаивая ничего; я уже готова узнать о всемъ и, можетъ быть, больше еще прибавляю въ умѣ моемъ; страшусь, ужасаюсь и грущу. Все, все ко мнѣ напишите, а особенно, каково пищевареніе, о которомъ я всегда подозрѣвала, что оно худое по большому его апетиту. Не сокрушайтесь, мои други; здѣсь врачи золотуху ставятъ ни во что, и у сколькихъ дѣтей она бываетъ. Мудровъ смѣется вашимъ страхамъ. Занденъ, да и всѣ врачи, съ которыми я говорила, говорятъ, что въ дѣтствѣ золотуха такъ рано не бываетъ, и потому вопросъ, золотуха-ли? Я буду ожидать на всякой почтѣ отъ васъ подробнаго описанія всѣхъ перемѣнъ съ моимъ Косточкой. О, колико скорбь моя велика, что я не съ вами! Годъ сей есть эпоха въ жизни моей. Въ вашей любви ко мнѣ, въ вашей нѣжной ко мнѣ великой привязанности благополучіе жизни моей. Вы есть свѣтило мое, солнце ясное, согрѣвающее сердце мое. О, мои други, бла-

гословеніе мое надъ вами отъ нынѣ и до вѣка. Чтó мой Костинька? Да вѣдь я ничего не знаю; тяжело мнѣ это несказанно. Надѣйтесь на Господа Бога, станемъ молить и просить Творца нашего жарчайшими молитвами о скорѣйшемъ выздоровленіи нашего безцѣннаго Костиньки; а я проклятая даю еще совѣты какъ его моего лапиньку не надобно нѣжить, а онъ все боленъ, и я не знаю ничего и за 1,000 верстъ отъ васъ, каково это сердцу моему? Благодарю Бога, что Авдотья у васъ; это меня успокоиваетъ. Молока Костинькѣ не давать совсѣмъ, оно и грудное ему въ прокъ не шло. Пища его должна быть мясная, супы, жареное, говядину сосать сочную, но не жирную, изрѣдка желтки, въ недѣлю раза два по яичку. Съ постнымъ чаемъ сухариковъ или лучше гренковъ противъ печки высушивать тоненькихъ, вина давать раза два по немногу, заставлять или заманивать его больше бѣгать, мыть черезъ день въ теплой водѣ. Вотъ, други мои, чтó совѣтуютъ дѣлать съ моимъ Костинькой. Другъ вашъ Марья Аксакова.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

1819 года, Марта 4-го.

Сейчасъ получила письмо ваше, дражайшія мои дѣти. Оно исполнило душу мою совершенною радостью, что вы, милый другъ мой, дражайшая моя Ольга Семеновна, выздоравливаете благополучно. Какъ не любить мнѣ Вѣрочку за ея разумное явленіе въ свѣтъ? Она маменьку свою не измучила и тѣмъ самымъ и папеньку своего успокоила и меня обрадовала неизрѣченно. Но Косточка, вижу, что не совершенно здоровъ; лѣто должно съ помощью Бога нашего поправить его совершенно. Кормить вамъ самимъ, мой другъ Ольга Семеновна, трудно будетъ; развѣ вы будете по нынѣшней методѣ начинать кормить Вѣрочку послѣ шести недѣль сухарями, обливая ихъ чаемъ, а потомъ снятымъ молокомъ. Здѣсь и въ Петербургѣ врачи даютъ сей совѣтъ. Новорожденная будетъ богата, что родилась въ сорочкѣ; почему же мой другъ сердечный Сереженька и не восхищается, что Господь далъ дочь? Всѣ дѣти; для нихъ самихъ больше хлопотъ въ мірѣ. Вотъ теперь у насъ одинъ Косточка. О, други мои берегите его! Милый безцѣнный ангелъ мой помнитъ меня и меня ожидаетъ. Господи, пошли мнѣ увидѣть его совершенно здоровымъ. Завтра здѣсь знаменитое погребеніе Августина, здѣшняго преосвященнаго владыки; онъ въ Чудовѣ монастырѣ поставленъ и открытъ для всѣхъ приходящихъ во всемъ облаченіи, все духовенство будетъ, и великая церемонія. Мудровъ въ горѣ: докторъ извѣстный магнитизеръ, простился съ нами, поѣхалъ въ Петербургъ третьяго дни. Мнѣ Рихтеръ разсказалъ

подробно, онъ магнитизировалъ графиню Разумовскую; она мѣсяца три была въ постели отъ потери мужа, три недѣли слишкомъ не ѣла, дошла до совершенной крайности, конвульсіи были во всемъ тѣлѣ, и словомъ здѣсь былъ консиліумъ, но все было тщетно: она была безъ всякой надежды, всѣ отреклись врачи. Я, говоритъ Рихтеръ, предложилъ всѣмъ, чтобы ее магнитизировать, всѣ были противу меня; но я настоялъ, и такъ въ 6 дней утишилась рвота, конвульсіи и въ 4 недѣли здоровье до того возстановилось, что она поѣхала въ Петербургъ, и съ ней нашъ знаменитый докторъ поѣхалъ ее провожать. Графиня заплатила ему 20 тысячъ рублей. Вотъ, мои други, какія чудесныя леченія, да какія же и лѣта! Ей 50 лѣтъ, натура ослабѣвшая, и тутъ помогло сіе чудесное леченіе. Прощайте, благословеніе мое съ вами вѣчно, дражайшія дѣти. Другъ вашъ Марья Аксакова.

*

На этомъ оканчивается семейная переписка, такъ какъ старики-Аксаковы вскорѣ возвратились въ имѣніе, гдѣ жили вмѣстѣ съ дѣтьми. Въ тридцатыхъ годахъ самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ съ своей семьею проживалъ въ Москвѣ, а родители его оставались въ деревнѣ: переписка возобновляется. Вотъ заключительныя письма изъ этой позднѣйшей эпохи. Внукъ Марьи Николаевны поступаетъ въ университетъ и оканчиваетъ курсъ, его бабушка сходитъ въ могилу.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой, не собственноручное, а продиктованное Тимоѳею Степановичу [1]).

9-го Генваря 1830 года. Знаменское [2]).

Любезные друзья Сереженька и Ольга Семеновна. Душевно васъ поздравляю съ дарованною вамъ отъ Бога дочерью. Васъ особенно, милая Ольга Семеновна, поздравляю съ животомъ и съ дочерью. Господь меня обрадовалъ благополучнымъ вашимъ разрѣшеніемъ. Я признаюсь, очень боюсь этихъ экспедиціевъ. Съ великимъ удовольствіемъ моимъ желаю быть заочно крестною матерью милой Анюточки. Цѣлую ее мысленно и молю Бога, чтобы она была здорова и счастлива. Затѣмъ простите, любезные друзья. Я думаю, мой другъ Сере-

[1]) Марья Николаевна уже была слѣпа.

[2]) Знаменское, Новое Аксаково тожъ, и есть то самое мѣсто, куда переселился дѣдушка Степанъ Михайловичъ, гнѣздо имъ основанное. Оно звалось Новымъ въ отличіе отъ Симбирскаго Аксакова, откуда выселился Степанъ Михайловичъ. Селомъ Знаменскимъ оно стало прозываться впослѣдствіи, по выстроенной тамъ церкви. Въ разсказѣ С-я Т-ча *Собираніе бабочекъ* упоминается: „мое любимое Аксаково, которое тогда еще не называлось Знаменскимъ,“ и проводится такая паралель: „Скучное, безводное, кругомъ лѣсное, старо-Симбирское Аксаково и милое, дорогое мнѣ, богатое водами, лугами, болотами и отдѣльными рощами Оренбургское Аксаково.“

женька, что вы теперь въ припасахъ терпите величайшую нужду; истинно сердце мое обливается кровью о положеніи вашемъ; писать же я чаще къ вамъ не могу, какъ черезъ двѣ почты: отецъ слѣпнетъ, а я все бываю больна. Замучилъ меня страшный кашель, съ 18-го Декабря, съ болью въ груди, гдѣ я убилась; піявки къ груди ставила; но легче не было, теперь кашель только бьетъ по утру и вечеру, такъ что голова сдѣлается, какъ сумашедшая. Забылъ меня Господь, что я такъ живу долго. Молю Господа, чтобы новый годъ принесъ вамъ и новое счастье. Благословеніе мое съ тобою, дражайшій мой Сереженька. Другъ вашъ Марья Аксакова. Безцѣнный мой Косточка! Прижимаю тебя къ сердцу моему и цѣлую тебя за твою ко мнѣ приписку. Господь съ тобою на всю жизнь твою. Другъ твой бабинька.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

Того же числа.

Милые мои друзья, душевно мы были обрадованы полученнымъ письмомъ вашимъ. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ новаго и лучшаго счастія. Здѣсь у насъ сняты по городамъ и по селеніямъ всѣ оцѣпленія и караулы, и сдѣлался пропускъ въ другія губерніи, а зараза не прошла; а потому и обозъ Саввѣ Ѳедоровичу идетъ въ Петербургъ завтра съ разною птицею и съ прочимъ, почему я и послалъ вчерась нарочно къ Потапу съ письмомъ: ежели у него обозъ готовъ и отъ тебя нѣту приказанія остановить его и не посылать, то бы онъ его немедленно къ вамъ выслалъ. Да и объ ономъ къ нему писалъ: я посылаю съ крупою въ Уральскъ къ сплошной недѣли, то не пошлетъ ли и онъ съ какимъ хлѣбомъ, потому что много верхоты *) пріѣзжало за рыбой, и она очень дорога, то и цѣны на хлѣбъ не будутъ низки. Болѣзнь, заразительная холера, отъ насъ въ 48-ми верстахъ, въ станціи Тересъ-Усмановой, какъ увѣдомляетъ меня третьяго дни изъ Земскаго Суда секретарь, что въ оной кончилась и подлѣ ея въ двухъ деревняхъ въ Кармалѣ Губеевой и Кольшерыновой; но и тамъ съ 24-го Декабря не было умершихъ. Но все это не есть вѣрное, чтобы эта болѣзнь прекратилась. Какъ видимъ мы, что морозы ея не останавливаютъ и что она прилипчива; въ доказательство тому: купецъ Казанскій пріѣхалъ въ Тересъ-Усманову и продавалъ Татаркамъ бахты конекъ по рублю; это дешивизна-то сдѣлала, что покупающіе всѣ заразились, начали умирать, купецъ ускакалъ въ Кольшерыновку, умеръ и заразилъ прочихъ; а двое его сыновей уска-

---

*) Пріѣзжіе торговцы съ верхняго Поволжья.

кали неизвѣстно куда. Теперь это секретъ еще, сколько холерой умирало народу. Но кажется это вѣрно: въ Оренбургѣ умерло 2,353 человѣка, домовъ 20 затворены на чисто, а въ прочихъ во многихъ домахъ остались малыя сироты, ибо на младенцевъ мору отъ холеры не было. По сей ненадежной увѣренности и мы караулы въ деревнѣ нашей сняли; но не знаю, на долго ли это продолжится. Затѣмъ простите, мои друзья, цѣлую васъ и милыхъ дѣтушекъ вашихъ. Господь съ вами. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Мнѣ кажется, мой другъ Сереженька, ежели ты служить хочешь, то поѣздка въ Петербургъ необходима. Но все это видно, что ты себѣ надѣлалъ непріятелей своимъ невоздержаннымъ сочиненіемъ критическимъ, а можетъ быть и другими разговорами.

Отъ Тимоѳея Стапановича Аксакова.

14-го Октября 1832 года. Знаменское.

Милый мой другъ Сереженька и Ольга Семеновна! Отъ 21-го получили мы твою записку, мой другъ, въ письмѣ Аннушкиномъ; сердечно радуюсь и поздравляю васъ, мои друзья, со студентомъ, которому посылаю сто рублей на мундиръ и его сто кратъ цѣлую. Какое несчастіе сдѣлалось съ Аннушкой [1]): должна зазимовать въ Москвѣ, совсѣмъ разорилась; ежели бы не ѣздили въ Москву и не брали бы дѣтей изъ корпусу, то ничего бы этого не было. Мать такъ испугалась, узнавши объ Аннушкѣ, что опять занемогла остановкою сердца, а передъ этимъ была больна рвотою. Я также захворалъ было лихорадкою, вотъ уже другая недѣля; на другой день болѣзни хотѣлъ съ плитки вынуть чайникъ каменный съ варомъ; это было въ четвертомъ часу за полночь, чайникъ уронилъ, и сдѣлался со мною обморокъ, головою видно я упалъ о печь и въ двухъ мѣстахъ разсѣкъ до крови и правой ноги обварилъ колѣнку и плюсну подлѣ пальцевъ, и пузырь былъ не великъ; но такая была нестерпимая боль часа три, что изъ всякаго терпѣнія выбивало. Теперь лучше, а на колѣнкѣ, на самомъ сгибѣ съ боку, рана вершка въ три; лечу бальзамомъ Женевіевымъ; и поясницу разбилъ, не могу шевелиться, пока мать выползла въ дверь, велѣла огня подать и разбудить Аркашу, то и зачали мазать чернилами [2]). Что́ сказать о хлѣбѣ? Здѣсь его такъ мало родилось, въ Бугульмѣ 1 р. 20 к. пудъ аржаной муки, овесъ пудъ 70 к. и 80 коп.,

---

[1]) Анна Тимоѳеевна Аксакова была за Глумилинымъ. Ея дочери: одна за знаменитымъ спиритомъ Юмомъ, другая за Бутлеровымъ (отцомъ извѣстнаго профессора), третья за Россоловскимъ. П. Б.

[2]) При отсутствіи другихъ средствъ употребляютъ отъ обжога и простыя чернила.

и въ Бугурусланѣ тоже. Въ Уральскѣ 2 р. аржаная и овесъ рубль; это оттого, что по дорогѣ нѣтъ сѣна, по рублю продавали пудъ, а нынѣ и того нѣту. Разбойниковъ появилось было много, но нынѣ не слышно. Ожидаю отъ тебя, мой другъ, увѣдомленія о дѣлѣ существенномъ, чѣмъ насъ Богъ обрадуетъ? Прощайте, друзья, цѣлую васъ и милыхъ дѣтушекъ и особенно милую мою крестницу Вѣрушку. Господь съ вами, другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отошли, мой другъ, Аннушкѣ триста восемь рублей.

От Марьи Николаевны Аксаковой (продиктовано).

От того же числа.

Я цѣлую васъ, любезные мои друзья Сереженька и Ольга Семеновна, и отъ всего моего сердца и души поздравляю васъ съ дражайшимъ и безцѣннымъ вашимъ студентомъ. Сей драгоцѣнный даръ небесъ я первая приняла на мои руки, молилась объ немъ и молюсь непрестанно предъ Всевышнимъ. Болѣзнь Аннушки, къ ея припадкамъ, ужаснула меня. Господи! Любезные друзья напишите мнѣ настоящую правду о моей бѣдняжечкѣ. Вотъ и мы всѣ, всѣмъ домомъ, больны. Дай Господи, чтобы это прошло. А бѣдный нашъ Аркадій замучился, ходя отъ одной кровати къ другой и леча народъ; а въ новенькой деревнѣ начались горячки нервныя; одинъ умеръ, и сынъ его умираетъ и кто обмывалъ умершаго—заразился горячкою. Въ 40 верстахъ отсюда, сказывали, много повальныхъ и умираютъ. Затѣмъ простите, любезные друзья; молю Господа о здоровьѣ всѣхъ васъ, милыхъ моихъ дѣтей вашихъ цѣлую. Благословеніе мое съ тобою, дражайшій сынъ. Другъ вашъ Марья Аксакова.

Дражайшій, безцѣнный другъ мой Костинька, обнимаю тебя и прижимаю къ сердцу моему. Теперь уже ты студентъ, мой другъ. Какая глубокая это для меня радость на закатѣ солнца моего. О, мой благородный юный другъ, да благословитъ тебя Господь Богъ на всѣхъ путяхъ жизни твоей. Прости, мой ангелъ, посылаю тебѣ на шитье къ мундиру сто рублей. Истинно тебя любящая другъ Марья Аксакова

Письма отъ Тимоѳея Степановича Аксакова къ Константину Сергѣевичу Аксакову.

19-го Октября 1833 года. Знаменское.

Милый мой дружочекъ Костинька, юный другъ нѣжнѣйшей твоей бабиньки! Она чувствуетъ твое о ней сожалѣніе и, можетъ, душа ея зритъ съ высоты небесъ, гдѣ она ликуетъ съ ангелами, что ты мой

милый дружочекъ, такъ чувствуешь и сердечно соболѣзнуешь о той, которая при всѣхъ своихъ болѣзняхъ и страданьяхъ никогда изъ мыслей своихъ не выпускала говорить о тебѣ; велика бы была для нея радость слышать о успѣхахъ твоего ученія и о повышеніи степени. Теперь только мнѣ остается одному просить Господа о твоемъ благополучіи и счастіи. Душевныя мои раны не даютъ мнѣ еще радоваться твоимъ успѣхамъ, мой милый. Прости, цѣлую тебя. Другъ твой Тимоѳей Аксаковъ.

*

2-го Марта 1835 года. Келья Александровская.

Милый мой дружочекъ Костинька, сожалѣю, мой другъ, о болѣзни ноги твоей и прошу Господа о скорѣйшемъ выздоровленіи твоемъ. Ежели, по окончаніи курса въ университетѣ, ты пріѣдешь ко мнѣ, мой другъ, какую ты доставишь радость увядающей моей жизни, и я могу обнять тебя. И взглянешь на свою родину, гдѣ ты проводилъ пріятное время въ дѣтскихъ забавахъ. Часы я давно бы послалъ къ тебѣ, но не съ кѣмъ было, а медали получишь отъ Аркадія Тимоѳеевича. Съ Надеждою я послалъ тебѣ, мой другъ, на твои издержки десять монетъ платины Уральскаго хребта, что̀ ей и отдано. По занятіямъ твоимъ, мой милый, я не требую отъ тебя частой переписки, а хотя изрѣдка увѣдомлялъ бы меня о себѣ. Прощай, цѣлую тебя, Господь съ тобою. Другъ твой Тимоѳей Аксаковъ.

*

Къ этимъ письмамъ прилагается геліогравюра съ портрета М. Н. Аксаковой, нынѣ принесеннаго въ даръ Д. А. Хомяковымъ Румянцовскому Музею (см. объ этомъ портретѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года, стр. 128 и 287). Для читателей подтвердился теперь отзывъ С. Т. Аксакова о письмахъ его матери (см. „Семейную Хронику“ изд. 1856 г., стр. 105 и 145).

Внука Уральскаго урядника Ѳедора Зуба и дочь Уфимскаго прокурора Николая Ѳедоровича Зубова и супруги его, урожденной купчихи Вѣры Ивановны Кандалинцовой, Марья Николаевна вышла замужъ 19 Мая 1788 года въ Уфѣ и скончалась въ 1833 году. Мужъ ея Тимоѳей Степановичъ Аксаковъ, прокуроръ Уфимскаго Верхняго Земскаго Суда, р. въ 1759 году и былъ единственнымъ сыномъ прапорщика и бывшаго полковаго квартирмейстера Степана Михайловича, родившагося въ 1723 году и съ 1755 года жившаго въ отставкѣ, и супруги его Ирины Васильевны, урожденной Неклюдовой П. Б.

ОТЧЕТЪ О СОСТОЯНІИ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

въ 1893—1894 учебномъ году.

На публичномъ актѣ, произведенномъ 8-го числа Мая 1894 года, Совѣтъ Археологическаго Института, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергѣя Александровича, представилъ слѣдующій отчетъ, о составѣ и дѣятельности Института за истекшій 1893—1894 учебный годъ.

Составъ института.

Въ составъ Археологическаго Института въ отчетномъ году входили: а) директоръ; б) почетные члены, в) профессора и преподаватели, г) дѣйствительные члены и д) сотрудники.

Директоромъ Института состоялъ Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ.

Почетныхъ членовъ Института состояло къ началу учебнаго года 89; въ число ихъ избранъ и утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, Сумскій 1-й гильдіи купецъ Николай Іосифовичъ Лещинскій, изъявившій готовность вносить въ пользу Института ежегодно по 500 рублей.

Профессорами и преподавателями Института состояли: Василій Ивановичъ Сергѣевичъ, по преподаванію юридическихъ древностей; Николай Васильевичъ Покровскій, по церковнымъ древностямъ; Николай Ивановичъ Веселовскій по Археологіи вообще, и по древностямъ, находимыхъ на Югѣ Россіи, въ особенности; Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, по Славянорусской Палеографіи; Сергѣй Михайловичъ Середонинъ, по Древней Исторической Географіи, особенно Русской до XVIII вѣка; Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ, по Русской Археографіи; Алексѣй Константиновичъ Марковъ, по Греко-Римской Нумизматикѣ, Андрей Петровичъ Вороновъ, по Архивовѣдѣнію, и Сальвіанъ Маврикіевичъ Гольдштейнъ, по Польско-Литовскимъ древностямъ. Въ отчетномъ году избраны Совѣтомъ Института и утверждены г. Министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи профессоровъ Института: докторъ Русской исторіи Николай Петровичъ Лихачевъ на каѳедру Русской Дипломатики; магистръ Римской словесности Иванъ Ильичъ Холоднякъ на каѳе-

дру Латинской Палеографіи, и состоящій при С.-Петербургскомъ университетѣ, для приготовленія къ профессорскому званію, Григорій Филимоновичъ Церетели, на каѳедру Греческой Палеографіи.

Дѣйствительныхъ членовъ къ отчетному году состояло 42; въ число ихъ включены, на основаніи § 7-го Положенія объ Археологическомъ Институтѣ: окончившіе курсъ наукъ въ Институтѣ: статскій совѣтникъ Григорій Александровичъ Де-Волланъ и дѣйствительный студентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея Александръ Васильевичъ Георгіевскій.

Сотрудниковъ къ отчетному году состояло 20; въ число ихъ включены, окончившіе нынѣ курсъ наукъ въ Институтѣ: коллежскій ассессоръ Николай Ивановичъ Аѳанасьевъ, подполковникъ Ѳедоръ Ивановичъ Кремковъ и мѣщанинъ Петръ Степановичъ Кроновъ.

Итого въ настоящее время въ Археологическомъ Институтѣ состоитъ: директоръ 1, профессоровъ и преподавателей 12, дѣйствительныхъ членовъ 44 и сотрудниковъ 23.

Всѣ профессора Института входили въ составъ Совѣта Института. Дѣятельное участіе въ занятіяхъ Совѣта принималъ также почетный членъ Института статсъ-секретарь дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Николаевичъ Селифонтовъ.

Хозяйственными дѣлами Института завѣдывало особое правленіе, въ составъ котораго входили: директоръ Института А. Н. Труворовъ, два почетныхъ члена: Николай Николаевичъ Селифонтовъ и Василій Яковлевичъ Яковлевъ, преподаватель Института Алексѣй Константиновичъ Марковъ и секретарь Совѣта, онъ же и правитель дѣлъ Правленія, профессоръ Николай Васильевичъ Покровскій.

Въ числѣ слушателей Института къ концу 1892—1893 учебнаго года, за выбытіемъ окончившихъ курсъ, было 28; къ нимъ зачислены въ слушатели Института въ началѣ 1893—1894 учебнаго года 31 лицо; изъ этого числа состояло слушателей въ отчетномъ году: на 1-мъ курсѣ 31; изъ нихъ 15 дѣйствительныхъ и 16 вольныхъ слушателей; а на 2-мъ курсѣ 12 дѣйствительныхъ и 16 вольныхъ слушателей. Всѣхъ вообще 59 слушателей.

Дѣятельность Института.

Въ отчетномъ году было шесть засѣданій Совѣта Археологическаго Института. Предметами занятій Совѣта была педагогическая и ученая дѣятельность Института, именно: избраніе почетныхъ членовъ и новыхъ профессоровъ, пріемъ въ Институтъ слушателей и испытаніе ихъ при окончаніи курса, пополненіе Археологическаго музея и библіотеки Института, сношенія съ губернскими учеными архивными коммиссіями, особенно по дѣламъ касающимся описаній и организаціи историческихъ архивовъ, сношенія съ

частными лицами по вопросамъ, касающимся ученой обработки архивныхъ матеріаловъ, командировки профессоровъ на ученые съѣзды (археологическій въ Вильнѣ и художественный въ Москвѣ).

При основаніи Археологическаго Института учредитель онаго Николай Васильевичъ Калачовъ имѣлъ мысль поставить Институтъ въ тѣсную связь съ учеными обществами, учебными заведеніями и съ провинціальными дѣятелями по археологіи. Для осуществленія этой мысли онъ приступилъ къ изданію „Сборника Археологическаго Института", а затѣмъ „Вѣстника Археологіи и Исторіи". Изданія эти продолжаютъ выходить въ свѣтъ по мѣрѣ накопленія для этого денежныхъ средствъ. Для того же, чтобы цѣль Николая Васильевича Калачова осуществилась, по возможности, необходимо, чтобъ въ высшихъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи находились изданія Института, для предоставленія гг. преподавателямъ и обучающимся, а также мѣстнымъ археологамъ и архивистамъ, возможности пользоваться изданіями для научныхъ цѣлей. Но такъ какъ губернскія гимназіи и духовныя семинаріи не обладаютъ достаточными средствами къ пріобрѣтенію покупкою ученыхъ изданій, то директоръ Института А. Н. Труворовъ нашелъ возможнымъ осуществить мысль и желаніе Н. В. Калачова чрезъ пожертвованіе изданій Института въ высшія и среднія учебныя заведенія во всей Имперіи. Мысль свою А. Н. Труворовъ передалъ Совѣту и Правленію Института, на что и воспослѣдовало съ ихъ стороны полное согласіе, и Институтъ препроводилъ упомянутыя изданія въ полномъ составѣ экземпляровъ, какъ-то: „Сборникъ Археологическаго Института" въ составѣ пяти книгъ и книги пятой половины второй и „Вѣстника Археологіи и Исторіи" въ составѣ девяти выпусковъ, въ слѣдующія учрежденія: въ Императорскую Академію Наукъ, во всѣ университеты, Духовныя Академіи, Археографическую Коммиссію, Филологическій Институтъ, губернскія ученыя архивныя коммиссіи, въ Петербургскія и во всѣ губернскія гимназіи и духовныя семинаріи. Всего въ количествѣ 2325 книгъ.

Дѣятельность Правленія Института обращена была на хозяйственную сторону Института: изысканіе средствъ къ поддержанію Института, расходованіе и повѣрку институтскихъ суммъ. Благодаря нѣкоторымъ мѣропріятіямъ директора Института, принятыхъ Правленіемъ, по сокращенію расходовъ на помѣщеніе Института и Канцелярію, безъ ущерба, однакожъ, главнымъ потребностямъ учрежденія, открылась возможность значительно расширить кругъ преподаванія наукъ въ Институтѣ и увеличить число профессоровъ. Въ отчетномъ году Институтъ пользовался, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, правительственною субсидіею въ размѣрѣ 6000 рубл. въ годъ. Сверхъ того, въ пользу Института поступили взносы почетныхъ членовъ, статскаго совѣтника Михаила Ивановича Любимова 500 рублей и купца 1-й гильдіи Николая Іосифовича Лепцинскаго 500 рублей. Къ 1 Января 1894 года (благодаря щедрому пожертвованію М. И. Любимова, въ 1893 году, 2000 рублей) состояло въ Институтѣ наличными деньгами 3841 руб. 18 коп. и %

бумагами 2100 рублей, всего 5941 руб. 18 коп. Къ 1-му же Мая отчетнаго года въ кассѣ Института состоитъ въ процентныхъ бумагахъ 5100 рублей и наличными деньгами 697 рублей 84 копѣйки.

Занятія слушателей Института состояли въ слушаніи лекцій по преподаваемымъ имъ предметамъ, въ наглядномъ ознакомленіи съ памятниками древняго искусства, въ практическомъ изученіи по древней Русской письменности въ археографическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ и въ самостоятельныхъ ученыхъ упражненіяхъ.

Въ отчетномъ году, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, происходили въ Институтѣ вечернія собранія, посвященныя чтеніямъ и бесѣдамъ по различнымъ предметамъ древностей. Одни изъ этихъ собраній были публичными, другія частными. Публичныхъ собраній было два. На первомъ изъ нихъ профессоръ Н. Д. Чечулинъ прочелъ сообщеніе „Объ археологическомъ значеніи писцовыхъ книгъ", изданныхъ учредителемъ Института Н. В. Калачовымъ; въ другомъ же дѣйствительный слушатель Института Н. П. Ретвихъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ „Матеріалы для объясненія понятія „Огнищанинъ" и ихъ критическая оцѣнка". Частныхъ вечернихъ собраній было три; въ нихъ профессоръ Института Н. И. Веселовскій сообщилъ: а) объ археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ и б) о дешифровкѣ надписей, найденныхъ на Орхонѣ; слушатель Института А. В. Георгіевскій прочелъ рефератъ: „Объ узаконеніяхъ XVIII вѣка, касающихся архивовъ". Въ библіотеку Института въ отчетномъ году вновь поступило 150 названій книгъ. Число всѣхъ книгъ институтской библіотеки, въ настоящее время, простирается свыше 10000, историческаго, археологическаго, историко-юридическаго и тому подобнаго содержанія.

Въ музей Института вновь поступило въ отчетномъ году нѣсколько предметовъ древности. Изъ числа ихъ обращаютъ на себя вниманіе пожертвованія Императорской Археологической Коммиссіи: 40 бронзовыхъ Пантикапейскихъ монетъ, найденныхъ въ 1892 году въ деревнѣ Келечъ-Мечеть, Таврической губерніи; нѣсколько предметовъ, найденныхъ въ томъ же 1892 году при раскопкѣ кургановъ въ Бердянскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ, золотыя бусы, привѣски, глиняная чашечка и два обломка глиняныхъ кувшинчиковъ, изъ Анапскаго полицейскаго управленія; серебряный монетный слитокъ, найденный близъ города Мглина, 215 серебряныхъ копѣечекъ Петра Великаго, найденныхъ на островѣ р. Оредежи, два серебряныхъ шейныхъ обруча, найденные близъ села Редикора Пермской губ., и серебряный монетный слитокъ, найденный въ Превозинской волости Вятской губерніи. Почетный членъ Института, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Василій Яковлевичъ Яковлевъ пожертвовалъ въ музей Института старинные Персидскіе воинскіе доспѣхи, какъ-то два шлема, щитъ, булаву, налокотникъ, кольчугу и ятаганъ. Общее число всѣхъ предметовъ музея простирается до 4000.

Совѣтъ Археологическаго Института въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, 3 Мая, разсмотрѣвъ достоинство экзаменаціонныхъ отвѣтовъ лицъ, окончившихъ нынѣ курсъ въ Институтѣ, опредѣлилъ выдать аттестаты на званіе дѣйствительныхъ членовъ Института выдержавшимъ испытанія вполнѣ удовлетворительно, слѣдующимъ лицамъ: а) кандидату Новороссійскаго университета, статскому совѣтнику Григорію Александровичу Де-Воллану и дѣйствительному студенту Демидовскаго Юридическаго Лицея Александру Васильевичу Георгіевскому; б) выдать свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи институтскаго курса слѣдующимъ лицамъ: коллежскому ассесору Николаю Ивановичу Аѳанасьеву, подполковнику Ѳедору Ивановичу Кремкову и мѣщанину Петру Степановичу Кропову. Лица эти включены, на основаніи § 8-го Положенія объ Археологическомъ Институтѣ, въ число сотрудниковъ Института.

Въ отчетномъ году въ жизни Археологическаго Института не произошло никакихъ выдающихся событій. Выполняя нерушимо завѣты учредителя Николая Васильевича Калачова, Институтъ продолжалъ идти неуклонно къ опредѣленной цѣли изученія, распространенія археологическихъ знаній и сохраненія памятниковъ старины. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли, очевидно, необходимо прежде всего, чтобы самъ Институтъ имѣлъ въ своемъ составѣ представителей, по возможности, всѣхъ главнѣйшихъ отраслей археологическаго знанія и представлялъ собою вполнѣ компетентное ученое учрежденіе. Исходя изъ этой мысли, Совѣтъ Института, особенно въ послѣднее трехлѣтіе, всегда ставилъ на первомъ планѣ усиленіе профессорскаго персонала, и въ отчетномъ году ему посчастливилось присоединить къ составу профессоровъ еще трехъ почтенныхъ представителей науки: доктора Русской исторіи Николая Петровича Лихачева, магистра Римской словесности Ивана Ильича Холодняка и профессорскаго стипендіата Григорія Филимоновича Церетелли. Такимъ образомъ въ Институтѣ въ настоящее время открыто уже 12 каѳедръ, обнимающихъ собою въ достаточной мѣрѣ всю полноту современнаго археологическаго знанія. Положеніе Института съ этой стороны прочно, и онъ съ полною надеждою смотритъ на свое будущее, если только правительство увеличитъ выдаваемую имъ на содержаніе Института субсидію или, въ крайнемъ случаѣ, благотворительность частныхъ лицъ поддержитъ его существованіе денежными пожертвованіями.

ПИСЬМО Д. В. ДАШКОВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Не хочу заснуть, не объяснившись съ другомъ. Хотя мы и крупно говорили между собою, но я надѣюсь, что мы не поссорились. Все то что́ я тебѣ сказалъ, я бы могъ и, можетъ быть, долженъ былъ бы сказать тебѣ иначе; но ты нашелъ меня больнаго, въ дурномъ расположеніи духа и уже разсерженнаго претензіями аристократическими тѣхъ лицъ, за которыхъ ты пріѣзжалъ мнѣ говорить. Я досадовалъ не на тебя, а на тѣхъ, которые вмѣшали твою дружбу въ тяжебное дѣло. Ты знаешь, сердился ли я, когда ты говорилъ мнѣ столько разъ за людей бѣдныхъ, беззащитныхъ, sans faveur de cour et hors du cercle de la soi-disante bonne compagnie *). Тебя оскорбить я не хотѣлъ и не могъ хотѣть, и надѣюсь, что ты меня въ этомъ и не подозрѣваешь. Доставь мнѣ пріятное увѣреніе, что наша столь давнишняя связь и взаимныя чувства остались тѣ же, не смотря на мой ригоризмъ, который я оставляю при себѣ, отдавая его охотно на твое порицаніе.

Прости, старинный и добрый другъ. До свиданія.

Середа, вечеромъ.

Списано съ своеручнаго подлинника, сохранившагося у сына Жуковскаго, Павла Васильевича; письмо безъ означенія года.

*

Д. В. Дашковъ, министръ юстиціи (со 2 Февраля 1832 г. по кончину свою, 26 Ноября 1839 г.) памятенъ въ преданіяхъ неуклонностью своихъ правилъ и рѣшительностью нрава. Пушкинъ называлъ его „бронзою“. Государь Николай Павловичъ очень цѣнилъ и уважалъ Дашкова, хотя и зналъ, что онъ являлся къ нему съ докладомъ, всякій разъ имѣя въ карманѣ прошеніе объ отставкѣ. Тѣсная дружба связывала Дашкова съ Жуковскимъ, который, увлекаемый чудеснымъ своимъ сердцемъ, всегда готовъ былъ помочь чужой бѣдѣ. Покойный князь Вяземскій передавалъ намъ, что однажды Дашковъ, встрѣтивъ Жуковскаго на прогулкѣ по Невскому проспекту объ руку съ однимъ высокопоставленнымъ, но лукавымъ и безнравственнымъ лицомъ, не задумался отвести его въ сторону и громко сказать: „Съ нимъ ты не долженъ показываться вмѣстѣ“. Это было въ 1834 году и занесено Пушкинымъ въ его тогдашній дневникъ.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ біографіи Д. В. Дашкова. П. Б.

---

*) Не пользующихся милостью двора и не принадлежащихъ къ такъ называемому хорошему обществу.

ПИСЬМО БАРОНА ДЕЛЬВИГА КЪ П. А. ОСИПОВОЙ.

1826.

Милостивая государыня Прасковья Александровна.

Плачу добромъ за испугъ. *Александръ былъ представленъ, говорилъ болѣе часу и осыпанъ милостивымъ вниманіемъ*: вотъ что мнѣ пишутъ видѣвшіе его въ Москвѣ. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна здѣсь и счастливы какъ нельзя больше. Поздравляю васъ съ общей радостью нашей и цѣлую ваши ручки. У меня есть двѣ просьбы къ вамъ: 1) Напишите Александру и помогите мнѣ уговорить его написать мировое письмо къ своимъ[1]). 2) Позвольте мнѣ посвятить вамъ мои Русскія пѣсни. Вы одолжите человѣка, который ничѣмъ болѣе не можетъ вамъ доказать своего почтенія, любви и благодарности. Позволеніе напишите на особенной бумажкѣ для цензуры, которая не позволяетъ посвящать безъ позволенія тѣхъ, кому посвящаешь. Жена моя вамъ кланяется, она познакомилась съ милой Анной Николаевной[2]); когда-то познакомится съ вами? Прощайте будьте здоровы и увѣрены въ преданности вашего покорнаго слуги барона Дельвига.

1826. 15-го Сентября (С.П.Б).

(Съ подлинника, хранящагося въ селѣ Покровскомъ, Старицкаго уѣзда, у Евпраксіи Степановны Панафидиной, урожденной баронессы Вревской). П. Б.

*

Баронъ Дельвигъ, гостившій у ссыльнаго Пушкина въ 1825 году и принятый какъ нельзя лучше въ селѣ Тригорскомъ, спѣшитъ успокоить П. А. Осипову извѣстіемъ о счастливомъ оборотѣ въ судьбѣ поэта, который внезапно уѣхалъ или скорѣе увезенъ былъ изъ своего Михайловскаго съ фельдъегеремъ въ Москву. Государь Николай Павловичъ 8 Сентября обласкалъ его. Въ Тригорскомъ трепетали за него, такъ какъ не было ничего мудренаго, если бы онъ очутился въ Сибири. П. Б.

---

[1]) Кажется, что примиреніе и свиданіе послѣдовало только лѣтомъ 1827 года. П. Б.

[2]) Дочь П. А. Осиповой. П. Б.

ПОПРАВКА.

Въ 8-й тетради „Русскаго Архива" сего года, на стр. 599, помѣщена некрологическая замѣтка о Н. Я. Скарятинѣ. Въ ней невѣрно переданъ разсказъ о томъ, какъ было поступлено съ содержателемъ Казанскаго театра. Лицо близкое къ Н. Я. Скарятину пишетъ намъ: „Суфлёръ Ивановъ, замѣнявшій режиссера въ этотъ вечеръ (19 Февраля 1880), былъ вызванъ въ контору театра, и ему сдѣланъ съ глазу на глазъ весьма строгій выговоръ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ. Какъ ни былъ горячъ Н. Я. Скарятинъ, но никогда не позволилъ бы себѣ въ ложѣ, гдѣ сидѣли дамы, ударить кого бы то ни было. Увольненіе его отъ службы послѣдовало по личной его просьбѣ, поданной на высочайше имя въ Ноябрѣ 1880 года".

Вопросы и отвѣты.

XIV.

Въ № 248 „Гражданина" за нынѣшній годъ помѣщена замѣтка: „Потомокъ Рюрика", гдѣ говорится о присоединеніи М. Ф. Пейхеру древней боярской фамиліи *„Комлевыхъ"*, происшедшей будто бы отъ Рюрика.

Трудно предположить, чтобы подобная фамилія могла быть неизвѣстною не только теперь, но даже древнимъ родословцамъ. Мы имѣемъ списки родословныхъ, составленные въ XVI и XVII вв., каковы изданные Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ („Временникъ", X) и Новиковымъ („Бархатная Книга"); но въ нихъ не упоминается фамилія Комлевыхъ. Ея нѣтъ ни въ боярскихъ книгахъ, ни въ спискѣ вотчинниковъ 1700; она нигдѣ не встрѣчается, гдѣ должна бы встрѣчаться, если бы принадлежала къ *древнимъ*, *славнымъ* и *боярскимъ* родамъ, да еще происшедшимъ отъ Рюрика.

Любопытно было бы узнать мнѣніе нашихъ генеалоговъ относительно этихъ новыхъ потомковъ Рюрика.

Л. М. Савеловъ.

Отвѣтъ на вопросъ XIII-й.

Записки генералъ-адъютанта князя А. М. Дондукова-Корсакова несомнѣнно существуютъ. Превосходная выдержка изъ нихъ напечатана была еще въ 1876 году въ 1-мъ томѣ „Кавказскаго Сборника," на стр. 289—368, подъ заглавіемъ „Воспоминанія о кампаніи 1855 года въ Азіатской Турціи."

Суворовъ Н. Къ исторіи Спасоприлуцкаго монастыря. Указъ Св. Синода о лишеніи Спасоприлуцкаго архимандрита Гавріила Воронова архимандритства, священства и монашества, 1737 года. **Вологодскія Еп. Вѣд.** № 12.

Сулинъ И. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго. **Донскія Еп. В.** №№ 2—12.

Танковъ А. Гофмаршалъ высочайшаго двора генералъ-лейтенантъ кн. П. В Мещерскій въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ. **Курскія Еп. Вѣд.** № 27.

Троицкій И. Е. Переписка между преосв. Θеофаномъ Владимирскимъ и Аркадіемъ Олонецкимъ. **Христ. Чтеніе,** Іюль—Августъ.

Расколоучитель — Благовѣщенскаго собора діаконъ Θедоръ Ивановъ. **Владимірскія Еп. Вѣд.** №№ 10—14.

Историко - статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. **Волынскія Еп. Вѣд.** №№ 16—21.

Къ пятидесятилѣтію Глазовскаго духовнаго училища. **Вятскія Еп. Вѣд.** №№ 4, 6, 10.

Верхотурскій монастырь. **Екатеринбургскія Еп. Вѣд** №№ 17—18, 22.

Къ исторіи Пугачевскаго бунта. **Екатеринбургскія Еп Вѣд** №№ 25—29.

Преподобный Пахомій, Нерехтскій чудотворецъ. **Костромскія Еп. Вѣд.** №№ 13—14.

Къ исторіи города Яблонова, одного изъ городовъ Украинской линіи, конца XVII-го столѣтія. **Курскія Еп. Вѣд.** № 24.

Чарнецкій И. Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м Шаргородѣ (Могилевскаго уѣзда) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Подольскія Еп. Вѣд. №№ 9—14.

Щукинъ А. Изъ Рославльской старины. Смоленскія Еп. Вѣд. № 8.

Юницкій А. Исторія церквей и приходовъ Бакинскаго округа Грузинской епархіи. Духовный Вѣстникъ Грузинскаго экзархата № 5.

Ярославскій К. Реэстръ именъ князей и княгинь Угличскихъ и дѣтей ихъ. Яросл. Еп. Вѣд № 16.

Угличскій 1794 г. пожаръ. Яросл. Еп В. № 18.

Къ исторіи разоренія Углича въ 1609 г. Яросл. Еп. В. № 20.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца **Θеодота.** Курскія Еп. Вѣд. № 4, 5, 6.

Документы отъ XVII-го вѣка, касающіеся построенія церквей въ Ярославскомъ Дмитріе-Селунскомъ приходѣ. Яросл. Еп. В. №№ 13, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26.

Изъ исторіи древне-гражданской и умственной жизни Смолянъ. Смоленскія Еп. Вѣд. № 5.

Историко - статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи. Рижскія Еп. Вѣд. №№ 6—9.

Краткій историческій очеркъ Свято-Троицкаго женскаго монастыря въ селѣ Верхъ-Теченскомъ, Шадринскаго уѣзда. Екатеринбургскія Еп. Вѣд. №№ 5—8.

Краткое историческое описаніе приходовъ и церквей Архангельской епархіи. Архангельскія Еп. Вѣд №№ 1, 2, 4, 5, 9, 10, 14, 15, 16, 18.

Краткое сказаніе о началѣ Астрахани и объясненіе наименованія этого города. Астрах. Еп. В. № 4.

Къ вопросу о мѣстничествѣ между священнослужителями въ XVII вѣкѣ. I. Челобитная ключарей Успенскаго собора царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и патріарху Адріану, II. Отвѣтъ на челобитную. Чтенія Об. Л. Дух. Просв. № 5—6.

Село Гремячее (бывшій городъ-крѣпость) и Гремячевскія церкви до Петра Великаго. Тульскія Еп. Вѣд. №№ 6, 8—9.

Церковно - приходская лѣтопись Рождество-Богородичной церкви села Суража, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи. Волынскія Еп. Вѣд. №№ 11—13.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894 года.

(Годъ тридцать второй).

Русскій Архивъ въ 1894 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1894 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, на Никольской въ книжномъ магазинѣ Сытина и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

Роспись содержанію „Русскаго Архива" за тридцать лѣтъ (1863—1892) на толстой писчей бумагѣ (для отмѣтокъ) поступила въ отдѣльную продажу. Цѣна **ТРИ** рубля.